МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

ТРОПИЧЕСКИЙ РЕЙС

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1936

910.4
П-54
58
91(6)
П 54
65
А 2 ч/268

МАКС ПОЛЯНОВСКИЙ

ТРОПИЧЕСКИЙ РЕЙС

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СОВЕТСКОМ ПАРОХОДЕ «СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ»

ТУРЦИЯ, ЕГИПЕТ, ЦЕЙЛОН, ИНДИЯ, ФИЛИППИНСКИЕ ОСТРОВА, КОРЕЯ

Фото автора

★

7066
7/535
7066
БИБЛИОТЕКА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
58
7066 7067
9371
Ленинградский текстильный техникум
БИБЛИОТЕКА
К
ПРОВЕРЕНО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1936

ПРОВЕРЕНО
Июнь 1937 г.
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ЛЕКСИКОГРАФОВ

ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА — ЖЕНЫ СОФЬИ МИХАЙЛОВНЫ ПОЛЯНОВСКОЙ.

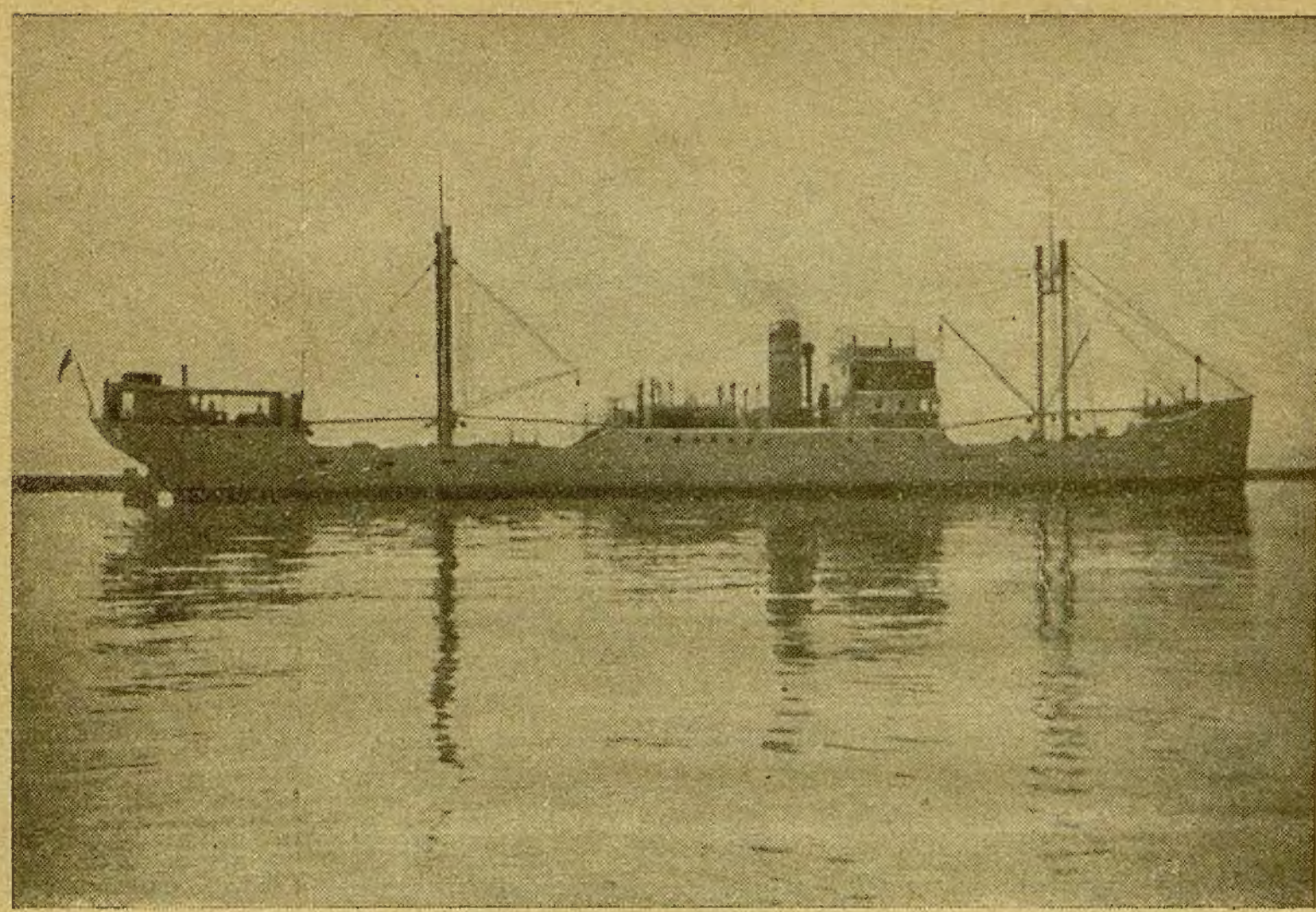
РЕЙС НАЧАЛСЯ

Размышления автора «Фрегат Паллада». — Наш маршрут.— Четвероногие пассажиры. — О чем напомнил курс 220.— Приветствия с турецких фелюг. — Утро на Босфоре.

«ВАМ хочется знать, как я вдруг, из своей покойной комнаты, которую оставлял только в случае крайней надобности и всегда с сожалением, перешел на зыбкое лоно морей, как избалованнейший из всех вас городской жизнью, обычною суетой дня и мирным спокойствием ночи, я вдруг, в один день, в один час, должен был ниспровергнуть этот порядок и ринуться в беспорядок жизни моряка? Бывало не заснешь, если в комнату ворвется большая муха и с буйным жужжанием носится, толкаясь в потолок и в окна, или заскребет мышонок в углу; бежишь от окна, если от него дует, бранишь дорогу, когда в ней есть ухабы, откажешься ехать на вечер в конец города, под предлогом «далеко ехать», боишься пропустить урочный час лечь спать; жалуешься, если от супа пахнет дымом или жаркое перегорело, или вода не блестит, как хрусталь...

И вдруг — на море! «Да как вы там будете ходить — качает? Как ляжете спать, что будете есть? Как уживетесь с новыми людьми?» сыпались вопросы, и на меня смотрели с болезненным любопытством, как на жертву, обреченную пытке».

Эти прочитанные вами строки написаны более восьмидесяти лет тому назад творцом «Обломова» — писателем И. А. Гончаровым. Классик собирался в далекое плаванье на прославленном впоследствии его пером фрегате «Паллада». И эти строки — выдержка из первых абзацев, которыми начинаются его известные очерки путешествия — «Фрегат Паллада».



Пароход «Серго Орджоникидзе».

Я рассказал встреченному на одной из московских улиц знакомому писателю, что собираюсь в далекое плаванье, сообщил ему примерный маршрут. Он всплеснул руками и сказал:

— Вы плохо знаете, что представляет собой Индийский океан. Вечная зыбь. Старые моряки не всегда выдерживают, а вы и подавно ноги протянете в нем. Откажитесь, пока не поздно.

Откажитесь, подумайте, взвесьте...

Но я, вдоволь наслушавшись всяких мнений и благоразумных рассуждений, все же решил отправиться в чрезвычайно интересное морское путешествие.

Путь парохода «Серго Орджоникидзе», на котором предстояло мне совершить путешествие, лежит из Севастополя (Черное море) к берегам Тихого океана. Там, в бухте Тетюхе, недалеко от Владивостока, есть Сихотэ-Алиньский полиметаллический комбинат, сокращенно именуемый «Сихали». В горных недрах Тетюхе добываются цинк, свинец, серебро. Эти богатства земли из бухты Тетюхе повезет в своих трюмах новый грузовой пароход «Серго Орджоникидзе» для переработки на заводах СССР.

Вахтенный матрос поднял на мачте флаг дружественной нам Турецкой республики.

Наступает долгожданный день отхода.

Судовой артельщик приводит на судно двух «пассажиров», пинком ноги заставляет их подняться на палубу и тотчас же забывает о них.

— Значит, имеем живой продовольственный запас, — обступают матросы вновь прибывших «пассажиров». Свиньи добродушно тычут свои пятаки в колени треплющих и щупающих их матросов.

Через несколько минут свиньи перестают быть безыменными. Молодого борова назвали Петькой, его подругу — Машкой. Ими с первых же минут всерьез занялся матрос Никитюк. Он так любовно заботился о них и возился с ними, что решили сделать Никитюка «шефом» Петьки и Машки, чем и сам он был очень доволен.

Вечереет. Крымские сумерки недолги. Они быстро переходят в темную ночь, и в наступившей тьме кажутся особенно яркими ходовые огни парохода.

Капитан взошел на мостик и скомандовал отход. «Серго» двинулся по прямой, как карандаш, линии, поморскому именуемой курс 220. Эта прямая — кратчайший путь от Севастополя до Стамбула — так называется теперь по-турецки Константинополь.

Мы пересекаем Черное море. В первую же ночь оно встретило нас штормом, изрядно потрепало. Наутро взошло солнце, погода стояла тихая и спокойная. Прошел день, еще одна ночь. Мы приближались к берегам Турции.

На рассвете открылись анатолийский и румелийский маяки, растаяла пелена утреннего тумана и показалась щель Босфора. Наш вахтенный матрос взбирается на верхушку мачты и поднимает на ней флаг дружественной нам Турецкой республики.

Справа и слева от нас по направлению к воротам Турции — Босфору — идут румынский и английский пароходы. Моряки на них приветствуют развевающийся на нашей корме красный флаг, стараясь при этом не попадаться на глаза своим судовым офицерам.

— «Никогда я не был на Босфоре...» — запевает молодой матрос.

— Ты первый раз на этой линии? — спрашивает его боцман.

— Впервые, Сандро, — отвечает матрос. — А ты, должно быть, счет потерял своим приездам в Турцию?

— Раз двадцать бывал здесь, — говорит боцман. — Даже турецкому языку сам не заметил, как выучился.

Под самым носом «Серго» проплывает цепочка рыболовных турецких фелюг. Рыбаки, различив советский флаг, приветствуют наш приход. Они взбираются на мач-

Когда растаяла пелена утреннего тумана, мы увидели щель Босфора. Справа от «Серго» шел по тому же курсу английский пароход «Цара».

ты и оттуда машут платками, поднимают вверх весла, размахивают ими.

Боцман, схватив рупор, во всю глотку отвечает им по-турецки на приветствия. Несколько его слов дошли до рыбаков. Услыхав с советского борта свой родной язык, турецкие рыбаки еще пуще принялись размахивать платками и веслами, еще громче приветствовали нас.

В Буюк-Дере — зеленом пригороде Стамбула, — заметив приближавшуюся к судну шлюпку, замедлили ход. Через несколько времени шлюпка подошла к спущенному с парохода трапу.

Прибывшие на ней полицейский чин и врач прокричали по-русски: «Здравствуйте, товарищи!» Прибыл расшитый сверкающими на солнце позументами лоцман, повел нашего «Серго» в бухту Золотой Рог и поставил его на рейде против белого дворца президента.

Здесь мы увидели множество рыбачьих фелюг. Мимо нас стремительно проносятся быстроходные «шаркеты» — небольшие пароходы местного сообщения. Они увешаны множеством вывесок и плакатов, рекламирующих сигареты, кондитерские, отели или конфексионы. Шаркет напоминает пловучий рекламный щит.

С рейда мы отлично видим Стамбул.

Видна прибрежная часть города, купол Айя-Софии и множество мечетей с глядящими в небо минаретами.

Представители власти заканчивают в кают-компании судна «формалите» (оформление прибытия судна). Молодой офицер, подняв бокал вина, провозглашает тост за советско-турецкую дружбу. Он сообщает нам, что за час до нашего прихода пароход из Одессы привез наших инженеров, которые будут руководить постройкой новых текстильных предприятий в Турции.

Но не только наши инженеры работают на строительстве текстильного комбината в Кайсери и втором текстильном комбинате в Назилли. На площадке в Кайсери около двухсот советских монтажников устанавливают оборудование для комбината, оборудование, сделанное на советских заводах.

— Если бы не Гази Кемаль и не ваша могучая страна, великие державы разорвали бы наше государство на клочки, — сказали нам, прощаясь, представители власти. — Кстати, если вам угодно на берег, милости просим.

В СТАМБУЛЕ

Что такое «салон».—Такси, шоферы и зазывалы.—Гази — победитель. — Константинопольская экзотика и стамбульская действительность. — Судьба «священных» собак. — Посещение Айя-Софии. — Бездельник Меджид. — Белогвардейская судьба. — Пера и Галата. — Нат Пинкертон и К°. — Турецкая молодежь и советская культура. — Сто тонн ненайденного груза. — «Серго» покидает Стамбул. — Путь продолжается.

ВЫХОД из порта в город лежит через «салон». Так именуют в Стамбуле пристань и таможню. Здесь тщательно просматривают багаж пассажиров из других стран. Турецкая республика начала всерьез борьбу с контрабандой, защищая интересы молодой отечественной промышленности.

Из «салона» вы выходите в город. Перед вами узкая припортовая улица с булыжной мостовой, плюгавые портовые лавчонки, уличные торговцы, в чьих высоких узких корзинах сладкий виноград, дыни, каштаны.

Что удивляет вас, впервые ступившего на турецкую землю?

Прежде всего — обилие автотранспорта. Грузовые и легковые машины, автобусы (некоторые из них с марками советских заводов), сотни такси с отличительным признаком — шахматной полоской вдоль кузова. Помимо шофера, нередко имеется еще и зазывала. Заметив ваш взгляд, обращенный на машину, он не отстанет, пока не уговорит взять авто, хотя бы без счетчика, по соглашению.

Автомашины покупали и продолжают покупать за границей; кроме того Форд еще в 1929 году взял концессию на открытие в Стамбуле сборочного завода, выпускающего сельскохозяйственные машины и авто.

Появление большого количества машин связано с тем, что турецкое правительство ускорило строительство и ремонт шоссейных дорог. Растут десятки километров новых дорог. Мы побывали в Буюк-Дере, в гостях у советской колонии. Тридцать километров, отделяющих пригород от Стамбула, были пройдены таксомотором менее чем за час, и ни одного ухаба, ни одной расщелины мы не встретили на этой отличной дороге, напоминающей путь из Севастополя в Ялту благодаря множеству поворотов, которыми она изобилует.

Султанская Турция не имела столь мощного автотранспорта, страна была так же бедна сносными проезжими дорогами, как и ее огромная, хищная соседка — Российская империя.

Мысль о разделе Турции не покидала царскую Россию не только в давние времена. Лишь за два года до свержения самодержавия царский министр иностранных дел Сазонов сделал следующее заявление послам Англии и Франции:

«Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если Константинополь, западные берега Босфора, Мраморного моря, Дарданелл, а также Южная Фракия по линии Энос—Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи».

Теперь турецкий народ увидел, как изменила взаимоотношения двух стран Великая пролетарская революция и провозглашение султанской Турции республикой, поэтому мы — советские люди — встречаем самое гостеприимное к себе отношение со стороны турок.

— Ленин прогнал богачей, Гази Кемаль прогнал иностранцев, — сказал нам один турецкий рабочий.

Титул «Гази», то есть «победителя», нынешний президент Турции Мустафа Кемаль-паша получил от Великого национального собрания за победу над греками, за ликвидацию султанства, иностранной зависимости и превращение полуколониальной Турции в самостоятельную республику.

В Стамбуле нет такого учреждения, магазина, театра, самой маленькой лавчонки, где взор не встретил бы лица с густыми нависшими бровями и энергичным подбородком. Это Кемаль Ататюрк — преобразователь Турции, Гази — победитель, человек, спасший страну от раздела. Его лицо запоминается. На многочисленных портретах и

В Стамбуле. Памятник освободителю Турции, президенту республики Кемалю.

скульптурах, почтовых марках и красочных литографиях мы видим это мужественное лицо.

Но вернемся к описанию Стамбула.

По-старому узки и закручены улочки восточной части города — Галаты, шумна и блестяща европейская Гран рю Пера (Большая улица Пера), главная улица Стамбула — торговый нерв бывшей столицы. Не очень широкая, она вся запружена магазинами, отелями, кинотеатрами, ресторанами, уличными торговцами.

Но много перемен встречает здесь тот, кто знает старый Константинополь.

В былые времена европейская магистраль города слышала лишь французский говор; затем, после разгрома врангелевских банд, врезался в нее вместе с беглыми врангелевцами русский язык. Сейчас здесь преобладает главным образом турецкая речь, на улицах не видно красных фесок, чалм, закрывающей женские лица чадры.

Турчанки отлично применились к европейскому платью и следят за модами Парижа; собак, считавшихся при султане священными животными, вывезли на Принцевы острова, где не так еще давно ютились белогвардейцы.

Щегольски одетый, опрятный полисмен, возвышаясь на пьедестале, дирижирует движением на перекрестках улиц.

Турецкие школьники — девочки и мальчики — носят одинаковые каскетки, студенты шумными толпами стекаются к площади Баязет, где университет города Стамбула; турецкая молодежь восприняла уже новую Турцию, созданную Кемалем, и о султанских временах знает понаслышке, как наша советская молодежь о кошмарной жизни царской России.

Великолепная Айя-София (храм Софии), над которой кадетский профессор Милюков мечтал увидеть православный крест, превращена в музей.

Мы устроили экскурсию в этот древний храм, одно из величайших архитектурных творений человечества.

При входе старички-служители предлагают снять обувь и надеть подаваемые ими мягкие чувяки. Весь пол сплошь устлан тяжелыми коврами. Молящихся меньше, нежели экскурсантов, и, когда молящиеся надолго застывают в одной позе, кажется, будто они — восковые фигуры, оставленные в музее как экспонат.

В султанской Турции насаждение мечетей не уступало строительству церквей в царской России. В одном лишь Стамбуле и его окрестностях, по словам нашего гида, было свыше пятисот мечетей.

В нескольких шагах от Айя-Софии мечеть султана Ахмета — изумительное произведение мусульманской архитектуры. Во время мировой войны ее превратили в казарму, отчего здание сильно пострадало. Правительство отремонтировало мечеть Ахмета и открыло в ней публичную библиотеку Стамбула. Эти подробности рассказал нам наш гид — Сарра.

Из-под тихих сводов старых храмов — живых свидетелей истории веков — тянет к городу, к уличному шуму, к ярким витринам.

О нашем гиде Сарре, сопровождающей нас при посещении Айя-Софии, нам сообщили, что она — дочь жившего в России богатого мусульманина. После революции она ребенком была увезена в Турцию. Необходимость зарабатывать и жить своим трудом привела ее на курсы гидов.

Был у нас еще один «гид» — по имени Меджид. О нем следует рассказать подробнее.

Вечером мы гуляли вдоль Пера, и как-то незаметно присоседился к нам добровольный гид, набежавший на русскую речь и сам заговоривший по-русски. Акцент вы-

На улицах Стамбула. Турецкие студентки

давал в нем турка. В прошлом участник мировой войны, русскому языку он выучился, побывав в России в плену. Оказавшись знатоком ночного Стамбула, он надоедал нам болтовней о ресторанах, дансингах, отелях и кабаках. О последних он говорил с какой-то нежностью и знанием «дела».

Он упорно зазывал моряков посетить эти места; нетрудно было догадаться, что за приведенных туда гостей Меджид получал проценты от хозяина ресторана.

Время, когда остатки разгромленной у нас белогвардейской банды ошвартовались в Константинополе, по определению Меджида, было «золотым временем». «Деньги тогда валялись на улицах, — говорил он. — Не нужно было работать». Знание русского языка помогло ему обделывать дела с белоэмигрантами, искавшими легких заработков и обильно насаждавшими в городе шантаны, кабаки, бары. В те дни он неплохо «подработал».

Но... миновали золотые дни, когда Меджид «находил на улице» рубли. Сейчас ему приходится искать на ней случайно оброненные копейки.

Турецкая республика вступила в полосу индустриализации. Белогвардейцы у турок теперь не в почете. Пра-

вительство в последнее время энергично очищает страну от белого сора, не обменивает просроченные паспорта, запрещает белогвардейцам занимать целый ряд должностей, вынуждая их таким образом покидать пределы Турции. Многих былых компаньонов Меджида выслали из Турции. Догорают огни последних кабаков на Пера.

Надо работать. Эта перспектива не по нутру Меджиду, привыкшему к легким заработкам. Его мало трогает, что его страна становится индустриальной. Не все ли ему равно — будет она ввозить чужие товары или станет производить собственные?

Всего четыре кабака осталось на Пера — вот что удручает Меджида. В этом он видит падение промышленности, застой, кризис.

Он ходил за нами — бледная тень недавнего прошлого Стамбула—и, если никто не задавал ему вопросов, он сам навязывался с разными разъяснениями.

Было заполночь. Мы прошли всю Пера, вышли к площади Таксим, к монументу Республики. Меджид назойливо волочился за нами, неустанно предлагая:

— Зайдемте в «Черную розу». Там отличные вина и красивые девушки.

— Спасибо за совет. Но нам не нужен этот кабак, — сказал один из моряков и вручил Меджиду монету. — Это вам за услуги. Вы свободны.

Трудновато приходится в нынешней Турции «людям воздуха», вроде тунеядца Меджида.

★

«Винтергартен» — написано на посеревшем, омытом дождями холсте, натянутом на двусторонний подрамник. Между двумя сторонами подрамника горит тусклая электролампа.

Почему «Винтергартен» (в переводе это означает «зимний сад»)?

Мы входим в длинное, неуютное помещение. Удручающие красные обои с безвкусным, базарным рисунком распустившихся роз.

Вдоль стен — столики и одиноко сидящие за ними посетители.

Высокий полный мужчина во фраке, заполняя пустоту зала, приближается к нам.

— Что прикажете-с? — спрашивает по-русски.

Мы полагали, этот актерского склада мужчина — владелец предприятия или компаньон. Но оказалось, что он всего лишь «мальчик», шестипудовый «гарсон». Именно так его окликали сидевшие за столиками.

Ночью, когда закрылись кабаки на Пера, мы в ночной кондитерской увидели этого «гарсона». Он потребовал себе холодной воды.

Когда он вышел, мы спросили у хозяина кондитерской, не был ли этот русский толстяк прежде актером.

— О, нет,—сказал хозяин.—Когда-то он был офицером русской армии.

Мы сидим за столиком подле открытого окна.

К окну со стороны улицы подходит оборванный мужчина. Голова его трясется, повидимому от давней контузии. Подошел он потому, что услыхал русскую речь.

— Го-о-спода, — начинает он, мотая головой. — Го-ос-пода, помогите чем можете на пропитание бывшему поручику русской армии.

На другой день утром мы отправились осматривать восточную часть города Стамбула — Галату.

Мы подходим ко входу в «тоннель» — так называют здесь крошечный метрополитен, соединяющий Пера с Галатой. Всего три или четыре минуты езды в подземном мраке, затем внезапный сноп дневного света — и перед нами кипучая, торговая Галата с магазинами, приказчиками-зазывалами, с трамваями, где на каждом билете вы находите план города и пунктиром показанный маршрут трамвая, в котором вы едете.

Здесь, как и вообще во всем Стамбуле, нас поражает огромное количество кошек. Они разгуливают по центральным улицам, по рынкам и крышам, они восседают на витринах. Возле съестных и мясных лавок толкутся кошачьи легионы, норовящие стянуть все, что плохо лежит.

Некоторые улицы Галаты следовало бы назвать соответственно тем видам торговли, которая на этих улицах производится. Вот эту узкую, вздымающуюся вверх улочку надо бы назвать «улицей скобянников» — она занята исключительно магазинами скобяных товаров. Дальше — улица обувщиков, конфексионеров, посудников, часовщиков, галантерейщиков.

Заглядеться на витрину нельзя — неизбежно попадешь внутрь лавки. Хозяин или приказчик, неустанно дежурящие на улице, караулят покупателя. В магазине вам пред-

71535
7067
9347 7066

стоит убедиться, как велика разница в ценах между отечественными и привозными товарами.

— Большие пошлины, — говорит приказчик. — Новых товаров почти не выписываем. Будем торговать своими, турецкими.

И на прилавке появляются турецкие ткани, обувь, шелка — первая продукция молодой республики, которая по примеру и при помощи своего великого соседа — дружественной советской державы — быстро ликвидирует вековую отсталость.

Вывески, газеты, журналы, афиши написаны по-турецки, но латинскими буквами. Наряды жителей и городской транспорт на европейский лад. Главные улицы асфальтированы. Все как в Европе. И лишь мечети, архитектура некоторых домов да выкрики уличных продавцов восточных сластей отчасти воскрешают восточный колорит. Уличные торговцы не просто продают свои бублики с семитатью, миндаль на льду, засахаренные хитросплетения и яркие волокна переслащенной канвы. Они требуют внимания к своему товару: поэтому возле одного торговца непрерывно звенит резкий звонок, напоминающий сигнал пожарного автомобиля, другой приспособил автоматическую пищалку, третий оглушает прохожих резкими, почти не прерывающимися выкриками.

— Месье, месье, вы — русский, взгляните сюда. Вот последние русские газеты.

В киоске, завешанном сотнями иллюстрированных журналов Парижа, Берлина, Вены, Стамбула, Нью-Йорка, Лондона, сидит элегантно одетый, тщательно выбритый мужчина.

— Вот, пожалуйста, за последние числа парижская газета «Последние новости». Вот харбинский журнал «Рубеж».

На обложке портрет какого-то бывшего русского великого князя, о котором у нас, кажется, и не имеют представления.

— Прикажете завернуть журнальчик? — спрашивает человек из киоска.

— К сожалению, не подходит нам этот товар.

— Тогда разрешите предложить вам это.

Мы удивились, увидев «это». Перед нами бульварные брошюрки — Нат Пинкертон и Ник Картер!

«Загадочный автомобиль».

С Галатской башни открылся вид на Стамбул и бухту Золотой Рог.

«Тайна пригородной виллы».

«Убийство на Редженс-стрит».

Кто воскресил здесь издание этой макулатуры на турецком и русском языках?

Пинкертон и Картер перебежали сюда вместе с людьми, выброшенными с советской земли вихрем Великой пролетарской революции.

Советская страна несет сюда совершенно иную культуру.

Турки любят и ценят советские фильмы («Путевка в жизнь», «Анкара» и «Челюскин» произвели здесь фурор); советских писателей переводят и читают; советские артисты получили в стране Гази Кемаля высшую оценку; советских инженеров и ученых знают; к людям из СССР относятся исключительно дружественно.

Интерес к советскому спорту, к парашютизму, к нашим планерным достижениям сделал то, что наши лучшие мастера из этой области приглашены были в дружественную республику, чтобы передать свой опыт турецкой молодежи.

Среди турецкой молодежи наблюдается тяга в Советский союз. Недавно на текстильной фабрике Суммербанка в Баир-Кеи (близ Галлиполи) проводили отборные экзамены слушателей ремесленной школы, желающих поехать в нашу страну учиться. Было подано свыше пятисот заявлений, хотя для посылки в СССР требовалось лишь шестьдесят человек.

В последний раз сегодня мы гуляем по Пера.

На вечер назначен отход «Серго». Всего несколько часов осталось нам провести в гостеприимной стране Кемаля.

Пера упирается в площадь Таксим, где ныне установлен обелиск республики. На нем барельефы, отражающие эпизоды борьбы Турции за свою независимость, бронзовые фигуры солдат и руководителей борьбы во главе с Кемалем на первом плане.

Возле многочисленных кинотеатров на Пера (в Стамбуле их называют по-французски — «синема») останавливают громадные плакаты, рекламирующие фильмы английского, американского, французского, германского производства. В стамбульских кино с экрана слышна чу-

На площади Баязет мы увидели университет города Стамбула.

жая речь — тоже французская, английская, немецкая. Впервые экран зазвучал по-турецки лишь после того, когда с помощью нашей, советской кинематографии был сделан первый совместный фильм «Анкара — сердце Турции», фильм, показавший столицу новой Турции.

Мы прощаемся с шумной Пера, по пути заходим в дом, на воротах которого сверкают на октябрьском солнце серп и молот — эмблема нашей страны. Здесь, в советском консульстве, прощаемся с товарищами, представляющими на этом берегу нашу страну, получаем от них на прощание ценный подарок — несколько экземпляров последних московских газет, только что доставленных с почты. Еще не выветрился запах типографской краски с ставших нам особо дорогими вдали от родины газет, всего четыре-пять дней тому назад отпечатанных в Москве.

По дороге на пристань нас остановила молодая женщина, эффектно одетая. Она заговорила по-русски.

— Вы — советские?

Мы ответили утвердительно.

— У меня к вам большая будет просьба, моряки. Я советская гражданка. Вот мой паспорт, — она вынула его из сумки и показала нам. — Вы пришли из СССР, вероятно, у вас на пароходе имеется... черный хлеб. Понимаете, смертельно соскучилась по нашему ржаному хлебу...

— Очень жаль. Если бы встретили нас раньше... Сейчас же не удастся. Пароход на рейде, мы больше не вернемся на берег.

★

Вдоль причалов стамбульского порта стоят один подле другого десятки пароходов. Под их высокими бортами, под винтами кишат ярко раскрашенные флотилии сандалов. Причалы — главный квартал водной улицы. Здесь пароходы стоят, как дома, на хорошо распланированной улице — в одну линию.

На рейде десятки судов разбросаны в таком же беспорядке, как дома по кособоким и узеньким улочкам Галаты.

Среди пароходов можно различить красный флаг на входившем в Золотой Рог «Склянском».

В трюмах нашего судна освободилась небольшая площадь, тонн на сто. Мы, советские люди, привыкли к тому,

Вид Стамбула с рейда.

чтобы площадь, предназначенная для перевозки грузов, у нас не пустовала.

Говорим стамбульскому агенту Совторгфлота, все и всех знающему в этих местах:

— Подбросьте-ка нам сотню тонн груза до Порт-Саида либо до Коломбо или до Сингапура.

Агент задумывается. Он подходит к окну, обводит пальцем соседние дома, на которых метровыми буквами написаны всякие фамилии.

— Вот видите. Это — фамилии агентов и представителей различных пароходств. Мировые фирмы. И все они зубами рвут грузы один у другого, нещадно при этом конкурируя. Это вам, товарищи, не Советский союз, где груза сколько хочешь, только тоннаж подавай. Отчаливайте, товарищи. Бесполезно тратить здесь время на поиски сотни тонн груза. Вас давно ждут на Дальнем Востоке.

С берега в легких сандалах поспешно возвращалась на борт команда, нагруженная аккуратно увязанными свертками. С берега ехал полисмен первого разряда Али Рахми оформлять наш отход.

Мы снова оглядываем с борта Стамбул, но теперь иными глазами. Вот высится над городом подобная гигантской тысячеведерной бочке Галатская башня. Мы побывали на ее вышке, поднимающейся на семьдесят метров от земли, и оттуда любовались изумительной панорамой города, Босфора, Золотого Рога. Это сооружение воздвигнуто в третьем веке нашей эры.

Галатская башня видна со всех концов города, и нередко по ней мы ориентировались в своих прогулках по Стамбулу.

...Набегали сумерки, быстро сменяющиеся на Востоке черной бархатной ночью. В Стамбуле зажигали на улицах фонари, которые казались нам расположенными амфитеатром. С огнями улиц перекликались огни судов, стоявших на рейде.

Все шесть суток нашего пребывания в Стамбуле оказались для нас наглядной иллюстрацией к словам товарища Молотова, сказанным им на VII Всесоюзном съезде советов, о том, что «последние годы были не только периодом развития советско-турецких хозяйственных и культурных связей, но и яркой политической демонстрацией советско-турецкой дружбы».

...«Серго» взял полный ход. Уже скрылись из виду огни Стамбула. Мы выходим в Мраморное море.

Команда распевает «турецкие» частушки, отражавшие нашу шестидневную эпопею. Заканчиваются они таким образом:

Прощайте, Пера и Галата,
Прощай пленительный Босфор,
Мы в море вновь идем, ребята,
Кончай про берег разговор.

Прощай, турецкие предместья,
Вновь завертелся быстро лаг,
Мы понесем и дальше с честью
Страны советской красный флаг.

На следующее утро наш флаг развевался в Дарданельском проливе, соединяющем Мраморное море с Эгейским. Затем показались галлиполийские берега.

Путь с Ближнего Востока на Дальний продолжается.

ЧЕРЕЗ СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Мимо галлиполийских берегов. — Средиземное море.—Под небом Египта. — Как сооружался Суэцкий канал.—О фараонах, Наполеоне Бонапарте и ошибке инженера Лепера. — Полисмены на борту и за бортом. — Порт-Саид. — Визит Эммануэля Иеронимакиса. — При свете прожектора.

КОГДА «Серго» шел мимо галлиполийских берегов, старые моряки, участники империалистической войны, припомнили многое из событий, происходивших в те времена на этом участке мировой бойни.

Полуостров Галлиполи, находящийся между Дарданельским проливом и Саросским заливом, во время мировой войны стал местом ожесточенных боев.

На полуострове, вблизи Дарданельского пролива, находится порт Галлиполи. Здесь в годы войны высаживали свои десанты англичане и французы.

Некоторые следы войны уцелели до наших дней.

Невооруженным глазом мы отлично видели старинные полуразвалившиеся крепости, знаки для посадки самолетов, подбитые, наполовину погрузившиеся в землю тяжелые орудия и наконец неизбежную концовку всякой войны — громадную братскую могилу. Вдоль нее на много метров тянется аккуратная, выложенная из белого камня надпись. В ней нет ни одной буквы, только цифры. Но говорят они выразительнее иной фразы.

«18/III 1916» — тянется вдоль могильного холма.

Недостает еще одной цифры — количества убитых. Их было, повидимому, несколько тысяч, судя по размерам могильной насыпи.

Склянки судового колокола исправно отсчитывают время. Лаг замеряет количество пройденных миль. И вот позади уже Галлиполийский полуостров,

Серогрудый «Серго Орджоникидзе» пенит спокойные воды Эгейского моря. Наши взоры устремлены на раскинувшийся перед нами Греческий архипелаг, на скалистых островах встречаются маяки, домишки, клочки распаханной земли.

С каждым днем становится теплее. На листках календаря — октябрь, но мы неуклонно входим в лето.

Припекает солнце. Над одним из трюмов натягивают тент. Под ним играют в шахматы моряки, свободные от вахты. С палубы, из кочегарки, иногда из кают слышны куплеты стамбульских частушек.

Сменяются, как в калейдоскопе, моря, заливы, проливы.

Вошли в Средиземное море.

За бортом такая же вода, как в предыдущем море, разве голубизны в ней больше. Голубой цвет воды — особенность Средиземного моря — происходит от большого содержания солей и малого замутнения речными осадками. Теплота сменяется жарой. Морские кителя с комсоставскими нашивками остаются висеть в каютах. Легкие спецовки, светлые сорочки или майки приходят им на смену.

Идя Средиземным морем, мы однажды ночью заметили далекие огни Александрии и на четвертые сутки по выходе из Стамбула стали на якорь под небом Египта.

Была ночь, воспетая поэтами египетская ночь.

С рейда мы видели раскинувшийся перед нами Порт-Саид, город, где начинается Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным. Сооружением Суэцкого канала достигнут кратчайший путь в Индию.

Мысль о соединении двух этих бассейнов зародилась еще в эпоху древней египетской цивилизации.

Египетские цари Сетос I и Рамзес II в XIV веке до новой эры были основоположниками канала. Но прорытый по их велению рабами через перешеек канал был после них запущен. Лишь царь Нехао начал было возведение нового канала из Нила к Красному морю. Но предприятие было приостановлено; оракул дал о нем плохой отзыв. Строительство, не оконченное при Нехао, продолжил завладевший Египтом персидский царь Дарий Гистасп, а первые цари из греческой династии Птоломеев еще более улучшили канал. Ко времени царствования Клеопатры его снова занесло песками.

После императора Траяна, обновившего канал, кратчайший судоходный путь снова пришел в упадок, и никто в продолжение почти тысячелетия о нем не заботился. Значение кратчайшего пути из Средиземного моря в Красное, а отсюда и в Индию вновь было выдвинуто после исторической экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет. Наполеон тотчас же призвал инженера Лепера. Но и у того произошла ошибка в нивелировке.

Лишь через сорок три года другие инженеры вскрыли ошибку Лепера, приведшую его к ложному выводу, будто Красное море выше Средиземного на десять с лишним метров.

Во второй половине минувшего столетия достройкой канала занялся французский дипломат Лессеп, хорошо знавший Египет и находившийся в родстве с французской императрицей Евгенией.

Правительство Франции помогло ему создать акционерное общество по прорытию канала. Хедив Египта дал этому обществу привилегию, с тем чтобы через девяносто девять лет канал стал собственностью Египта. И в 1859 году было приступлено к работам.

В течение пяти лет ежедневно тысяча восемьсот верблюдов подвозили пресную воду, обходившуюся по восемь тысяч франков в день. Так было до тех пор, пока вдоль мореходного канала не провели канал с пресной водой.

У Лессепа встречались трудности не только технического порядка, но и политического. Англичане употребляли все усилия, чтобы помешать прорытию канала, исходя из того, что канал уничтожит значение английского торгового мореплавания, так как оказалось, что для прилегающих к Средиземному морю портов выигрыш во времени при плавании через Суэц был значительно больше, чем для английских портов.

Благодаря энергии Лессепа и поддержке императора Франции Суэцкий канал через десять лет — 16 ноября 1869 года — был сооружен и открыт.

А через несколько лет после этого хозяевами канала фактически стали англичане.

Ночь. Английский лоцман, вызванный нашими ракетами, прибыл к нам на борт и сразу поднялся на капитанский мостик. Быстро выбрав место для корабля на рейде, он поставил на него «Серго» и, спустившись в свою шлюпку, исчез в темноте.

В Порт-Саиде. Смуглые арабы-полисмены наводнили судно. На трапе нашего парохода был установлен полицейский пост.

Но на смену его шлюпке тотчас же подкатило к борту множество других шлюпок и катеров.

Не успел еще «Серго» как следует ошвартоваться на рейде, как на палубе его высадился целый десант полиции. Хозяева Египта — англичане — установили для прибывающих сюда советских пароходов чрезмерные строгости.

Смуглые арабы-полисмены наводнили судно.

Старым морякам, бывавшим в этих рейсах, хорошо известны «манеры» египетских полисменов: от них — береги, что плохо лежит.

Десятки полисменов разгуливали по нашей палубе, другие полисмены в защищенной от солнца тентом шлюпке дежурили около наших бортов. Блюстители порядка, находившиеся на палубе и за бортом, без стеснения клянчили у советских моряков хлеб и папиросы. Они привычно пресмыкались не только перед своими белыми начальниками, но вообще перед светлокожими. И каждому нашему матросу они угодливо смотрели в глаза, выпрашивая кусок мяса, хлеба или сигаретку.

В тот момент, когда одни полисмены жадно уплетали объедки, оставшиеся от завтрака команды, а другие полисмены, на шлюпках за бортом, напоминали о своем существовании, ожидая кусков хлеба, к трапу «Серго» подъехал белоснежный катер, блестевший своими медными частями.

Из него вышел и поднялся вверх по трапу молодой англичанин. За ним в некотором отдалении безмолвно следовали два темнокожих моряка гренадерского роста. Их широкополые соломенные шляпы окаймлены черной лентой с вытисненной золотом надписью «Canal de Suez».

Англичанин просит доложить капитану о прибытии инженера компании Суэцкого канала. Английский инженер, просмотрев документы, касающиеся объема судна, вынимает из кармана рулетку и вместе с сопровождавшими его моряками долго ходит по каютам, кладовым, рубкам, служебным помещениям и измеряет тоннаж судна.

Общество Суэцкого канала взимает за проход канала сумму в зависимости от кубатуры судна. Груза может не быть и тонны, это значения не имеет. Платить надо из расчета всей кубатуры, в которой мог бы быть провезен груз.

Боцман Парфенов (в центре) разговаривал с темнокожими моряками, служащими компании Суэцкого канала.

Смуглые моряки, сохраняя каменные лица, за спиной инженера, так же как и полисмены, протягивали руки за остатками супа, за хлебом. Они охотно пихают в карманы куски хлеба, сахара, берут папиросы, которые им дают наши моряки.

Боцман говорит нам:

— Ничего удивительного. Перед вами голодная публика. Они кушать хотят. Говорят, что по случаю кризиса морякам сократили жалованье, так что и риса вдоволь не поешь. А компания, которая каналом заправляет, англичане то есть, между прочим, повысила плату за проход судами канала. Ну, ладно, так и быть, уж закуривайте, египетские орлы.

И боцман протягивает темнокожим коробку отличных папирос «Наша марка». Моряки и полисмены что-то произносят по-арабски, разбирают папиросы и удивленно разглядывают их. Дело в том, что за границей выпускают папиросы без мундштуков.

Арабы спрашивают боцмана:

— Вероятно, у вас в России все мужчины носят усы и бороды? Поэтому и делают сигареты с мундштуками.

К трапу непрерывно подъезжают катера, на борт поднимаются люди в белых костюмах. Боцман объясняет, что все они — представители полицейских властей. Одного араба в европейском костюме из крикливо пестрой ткани боцман узнает тотчас же.

— Этого, — говорит, — шпика я лет пятнадцать знаю. Да и он меня, пожалуй, помнит. Здесь ведь советских моряков на берег не пускают. Только капитана. А мне однажды подвернулся случай побывать на берегу. Зуб разболелся, щека заплыла, ну, ни носа, ни глаза не видать. Пришлось к зубному врачу на берег ехать. Полиция разрешила, только приставила этого молодца, чтоб нес при мне караул. Пошли мы, значит. Врач свое сделал, облегчил малость. Ныть перестало, и я обратно вроде как повеселее иду. Я по-ихнему разговариваю, и завели мы с ним разговор. Плохо, говорит, живу — кормят не совсем важно. Теперь ему, должно быть, кормежку улучшили. Он круглее стал как-то и не таким оборванным ходит, как тогда. Костюмчик на нем приличный. Должно быть, выслужился.

К борту «Серго» подошло несколько шлюпок с мелочными торговцами. Они везли египетские фрукты, сигареты, какие-то сладости и экзотические кустарные изделия.

Не успела флотилия шлюпочных торговцев приблизиться к нашему судну, с борта в один голос зашикали на них полисмены:

— Абэк... Тубэк... Большевик, большевик!

Короче говоря: поворачивайте назад, здесь большевики. И торговцы поневоле повернули обратно.

...Но вот и Порт-Саид. Некоторым из нас как-то посчастливилось: мы попали на берег.

После Каира, столицы Египта с миллионным населением и после Александрии Порт-Саид, куда мы прибыли, — третий по величине город страны. Порт-Саид занимает второе место в Египте по значительности порта и его операций, на первом — Александрия.

Из порта в город ведет высокий железный забор. Европеец может пройти в порт беспрепятственно. Стоящий у калитки темный полисмен обязательно встретит его поклоном. Но своего темнокожего собрата тот же полисмен пустит не сразу. Пусть объяснит и докажет, для чего понадобилось ему посетить порт.

Улица короля Фуада I в Порт-Саиде.

Из черных свободно проходят сюда грузчики. Уголь на прибывающие пароходы погружается силами арабов вручную. Обтянутые подобием юбок грузчики тонут в облаках едкой угольной пыли, и, если движутся слишком медленно, их тотчас подстегивает кнут надсмотрщика, тоже темнокожего в юбке.

Грузчик угля зарабатывает до двадцати копеек в день (притом не каждый день). При такой мизерной оплате этим людям не страшна угроза механизации. Машины, техника — все это не выдерживает конкуренции с самым дешевым продуктом в этой стране — с каторжным трудом темнокожего человека.

Ввиду скорого отхода судна проводим только около двух часов на безлюдных улицах залитого знойным африканским солнцем города. В магазинах также редко встретишь покупателей, как и на улице пешеходов. Впечатление такое, словно вся жизнь сосредоточена в порту и припортовой части города, где гордо высится тремя зелеными куполами белое здание международного общества Суэцкого канала, две водокачки, высокий маяк да памятник строителю канала Фердинанду де Лессепу.

Пересекая улицу, названную именем короля Фуада I, задаем вопрос сопровождавшему нас полицейскому гиду, которого наш боцман квалифицировал проще и точнее — шпиком:

— Почему власти проявляют к нам такую «любезность»? Для чего они выделяют нам таких «симпатичных» провожатых?

Человек в канареечном костюме бесхитростно отвечает:

— Пока у нас неспокойно. Когда будет поспокойнее, разрешим ходить свободно. Кстати, если желаете, я могу вам указать здесь неподалеку отличный и недорогой ресторан.

Мы знаем, что под словом «неспокойно» подразумевается рабочее движение, которое особенно сильно начало развиваться в Египте после мировой войны.

Гид упорно тянет в ресторан с верандой, выходящей на улицу. Что ж, и в самом деле, пожалуй, неплохо выпить чего-нибудь прохладительного. Здесь, на веранде, перед нами разыгрывается сценка, весьма обычная, впрочем, в этих местах:

Суда проходят Суэцкий канал.

Полисмен, чей пост находится вблизи ресторана, подошел к низенькому забору веранды и остановился подле столика, за которым обедал европеец.

Вместо регулирования уличного движения полисмен предпринял охоту на... пищу. Регулировать все равно нечего, улица в это время дня тиха, как пустырь. Полисмен променял свой пост на место возле столика, расточает улыбки и подобострастно козыряет обедающему европейцу: авось, перепадет что-либо с господского стола!

Европеец не обращает внимания на заигрывания темнокожего. Отрывая на миг голову от тарелки, он прогоняет его. Полисмен не обижается: берет под козырек и уходит кривляться к другому столику.

*

Когда инженер закончил обмер и удалился, к борту «Серго Орджоникидзе» подошли крытые барки. С них выгрузили на пароход три ящика с клеймом «SCL» на каждом.

То был прожектор, который прибывшие с ним люди быстро утвердили на носу нашего судна. С наступлением темноты пароход, проходящий каналом, должен иметь впереди светящий прожектор.

Затем погрузили к нам на борт шлюпку с тремя моряками. Шлюпка и люди — на тот случай, если придется в канале уступить дорогу другим судам; тогда люди, спущенные в шлюпке, помогут пароходу на время пришвартоваться в сторонке.

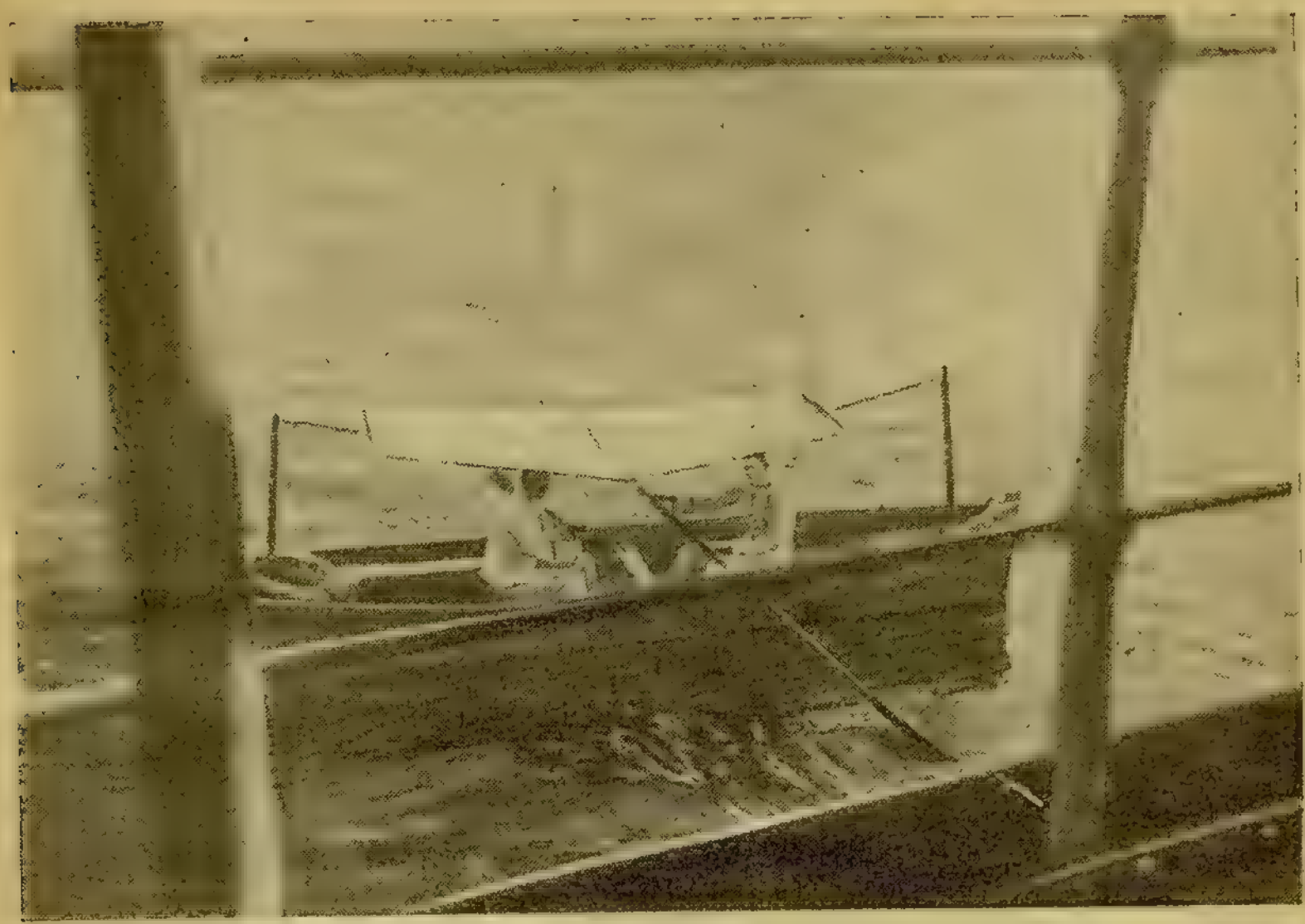
На капитанском мостике водворился английский лоцман. Он поведет нас через канал.

В кают-компании «Серго» давно уже сидит начальник полиции Суэцкого канала Эммануэль Иеронимакис, рассматривает висящие на стенах портреты советских вождей, забрасывает вопросами о нашем житье-бытье в СССР.

Иеронимакис приехал к нам после того, когда на судне побывали десятки полисменов и шпиков в гражданской и форменной одежде.

Прощаясь, он не утерпел и выпросил для своих детей коробочку черной икры.

Через несколько минут «Серго Орджоникидзе» снялся с якоря и, проходя мимо Порт-Саида, взял курс к начинающемуся здесь Суэцкому каналу.



В Порт-Саиде за бортом нашего парохода установили полицейский пост. Полисмены в шлюпке непрерывно шныряли около советского судна.

Процедура подготовки нашего судна к проходу канала была доведена до предельной скорости.

Судно под красным флагом, даже будучи на рейде, лишает покоя властителей колоний. Уж не слишком ли заглядываются стоящие на берегу арабы на советский флаг? Чорт возьми, почему-то даже европейцы интересуются большевистским пароходом, нанимают шлюпки, чтобы подъехать к нему вплотную и поближе разглядеть его и находящихся на нем людей. Европейцам этого никак не запретишь делать, это — не туземцы.

... Мы проходим мимо памятника Фердинанду де Лессепу — строителю канала. Бронзовая фигура находится в центре города, на берегу моря. У моряков, идущих через Суэцкий канал в Средиземное море, принято считать начало тропиков от памятника Лессепу.

Едва мы отошли от Порт-Саида, шлюпочники-арабы, принятые на борт вместе со своей шлюпкой, вдруг превратились в мелких копеечных торговцев.

Они навязывали команде «Орджоникидзе» стамбуль-

ский рахат-лукум и сигареты, снимки «парижского жанра», виды Египта и мундштуки. Кое-кто покупал у них ненужные безделушки, чтобы, как выражались наши ребята, «поддержать морячков». Предложенному им ужину они обрадовались и по окончании его подобрали и спрятали все объедки и корки хлеба, оставленные командой.

Солнце уползало за горизонт, когда «Серго» вошел в воды канала.

По обе стороны Суэцкого канала берега прямые, как линейки. Правый берег — это тропический лес, но не самобытный, буйно разросшийся, как придется, — это лес, насаженный человеческими руками: каждое дерево посажено по плану, и среди этого леса проложена отменная шоссейная дорога. По ней скользят авто и мотоциклеты, а рядом по насыпи серебряной змейкой мчатся из Суэца в Порт-Саид и обратно небольшие экспрессы.

Никогда еще не приходилось никому из нас так близко, бок о бок, буквально в нескольких метрах один от другого, наблюдать на полном ходу три вида транспорта — водный, железнодорожный и автомобильный.

Левый берег канала — унылый желтый камень, одинаковый на протяжении всех восьмидесяти семи миль — такова длина канала.

Ночью мы стояли полуодетые на носу и любовались изумительными феерическими цветами, которыми загорались под лучами прожектора расставленные вдоль канала бакены. Они указывают ночью мореплавателям, где можно благополучно провести судно.

Обычно бакенщики каждый день в сумерки зажигают огни, расставленные на пути прохождения кораблей. Здесь же, в Суэцком канале, нет надобности зажигать бакены. Они сделаны из призматических стекол, и под лучами солнца или привешенного к носу парохода прожектора сами отливают всеми цветами радуги.

К рассвету Суэцкий канал был пройден.

«Серго Орджоникидзе» пришел в Суэц. В утреннем тумане смутно различались контуры города.

КРАСНОМОРСКОЕ ПЕКЛО

В Красном море. — Тропическая жара. — Мы окончательно отказываемся от одежды. — Через тропик Рака. — Вынужденная остановка под Перимом. — Акулы за кормой. — Встреча с советскими траулерами. — Как мы выпустили радиогазету в тропиках. — Пернатые гости. — Наш тропический быт. — Летучая рыба. — Зыбь в Индийском океане. — Пароход становится качелью. — Желанный берег.

«Нельзя представить себе ничего более жалкого, чем положение населения, живущего по берегам Красного моря».

(Из лоции 1904 года.)

ВЛАЖНОЕ, туманное утро. Густые хлопья тумана лезли в открытое окно каюты и наполняли ее сыростью. Пришлось закрыть окно. Окутанные туманом люди снимают с «Серго» прожектор, шлюпку и прочее имущество, принадлежащее обществу Суэцкого канала, а затем сопровождавшие нас темнокожие моряки приподнимают свои широкополые соломенные шляпы и откланиваются.

Когда мы входим в Суэцкий залив, сквозь гущу тумана прорываются солнечные лучи и освещают высокие белые здания города Суэца.

Наконец — Красное море, получившее свое название оттого, что вода его по временам принимает красный оттенок. Благодаря Суэцкому каналу это внутреннее море стало большой дорогой между Европой и Востоком.

В клубке мировой колониальной политики Красное море — крепко затянутый узел; вокруг него хитроумные колонизаторы завязывают петли национального, политического и экономического угнетения народов Индии, Африки и Аравии. Красное море — неспокойная зона.

Это отлично знает правительство короля Англии, считающее море «своим». Поэтому север и юг — вход и выход в море — находятся под неусыпным контролем британского флота, войск и полиции.

Вход в него — это Суэцкий канал на севере, выход из Красного моря — Баб-эль-Мандебский пролив, «ворота ада», на юге.

Зной окончательно выжил нас из кают, они стали необитаемы. Лишь капитан стойко выносит превратности местного климата и, единственный на пароходе, спит у себя в каюте. Что же касается искателей прохлады, они успели захватить лучшие места под шлюпками, на трюмах и на юте.

Раздеваться на ночь, одеваться по утрам не приходится — разве что снять да надеть трусики. На пути из Суэца в Коломбо отпадает всякая надобность в одежде. В судовой газете появилась даже частушка насчет того, что:

Все значки, нашивки, ромбы
На жаре нам не нужны, —
Не забыть бы до Коломбо,
Как натягивать штаны.

Тропический октябрь.

От зноя не спасает дующий в эту пору с африканского материка муссон. Не помогает устроенный на палубе непрерывно работающий душ. «Судовые духи» — кочегары, — сменившись с вахты, становятся под него, закопченные и насквозь мокрые от пота. Но душ не освежает их, и кочегары утверждают, что в такой воде хорошо варить яйца вкрутую. Измерили температуру забортной морской воды; она достигала +33°.

— Красноморское пекло! — говорят «судовые духи».

— Погодите, ребята, перевалим тропик Рака, еще жарче станет, — «успокаивают» сведущие матросы.

И действительно, на другой день, это было 12 октября, в вахтенном журнале появилась небольшая запись:

«15 часов 05 минут. Прошли тропик Рака».

Однажды вечером мы увидели с борта тонкую цепочку огней. То был Аден — порт и угольная база англичан, куда мы предполагали зайти, но отменили заход, выяснив, что угля нам хватит до Коломбо. Другую угольную базу Англии — остров Перим — мы увидели несколькими

днями позже. Перим — это голая скала, как пеплом засыпанная черной угольной пылью.

Этим невзрачным островам, образовавшимся от древней вулканической лавы, англичане очень дорожат; им дважды приходилось бороться за полное овладение Перимом.

Владея Аденом и Перимом, Англия таким образом имеет в своих руках самые важные в стратегическом отношении пункты, связывающие ее колонию — Индию — с метрополией.

Под Перимом «Серго» имел небольшую вынужденную остановку из-за поломки в машине. Во время стоянки мы видели с борта несколько белоснежных британских крейсеров.

Во время стоянки под Перимом произошел занятный эпизод.

Как-то незадолго до рассвета мы услышали за кормой тяжелые всплески и возню. Как всегда, на корме горела лампочка, и на свет набежали хищницы-акулы. Их собралось великое множество, и на все съедобные отбросы, выбрасываемые с борта, стая акул набрасывалась скопом. Возле акул, подавшись немного вперед, плыли большие серые рыбы. Их туловища, как крокетные шары, обведены яркочерными полосами. Серые рыбы указывают акулам путь, за это их зовут «лоцманами».

Морские хищные рыбы из отряда акулоподобных достигают двадцати метров в длину. Перед нами были красноморские акулы длиною не больше трех-четырех метров каждая. Мы видели их шероховатую кожу, жаберные щели, расположенные по бокам тела.

Когда акула хватает добычу, виден ее рот в виде поперечной щели, снабженный несколькими рядами острых зубов. Акулы могут проглотить человека.

Кому-то пришла мысль поймать акулу. Быстро соорудили «удочку»: к толстому канату прикрепили громадный крючок, насадили на него приманку — кусок мяса весом в одно-два кило. Акула не заставила себя дожидаться: пятеро «акулопромышленников» — боцман и четыре матроса — были на-чеку. Они тотчас же стали вытаскивать добычу. Все пятеро напрягли силы и вот уже наполовину показалась над водой жирная туша хищницы. Мы увидели острую акулью голову с круглой зубастой пастью. Акула билась, люди, напружинив мускулы, упорно тащи-

ли ее наверх. Вдруг что-то бултыхнулось, сильный всплеск воды, и каскад брызг залил стоящих на корме. Канат не выдержал и оборвался.

Взяли канат покрепче, приладили другой крючок, насадили приманку. Акула проглотила мясо вместе с крючком и куском оборванного ею каната.

Пробовали изловить акулу другим путем: в хищную стаю метко стреляли из ружей и револьверов, но пулевые раны мало тревожили акул. Они продолжали плавать попрежнему близко, будто не чувствуя полученных ран, хотя кровь из них била, как из фонтана, струями. И вскоре на участке акульей охоты Красное море оправдало свое название: оно стало красным.

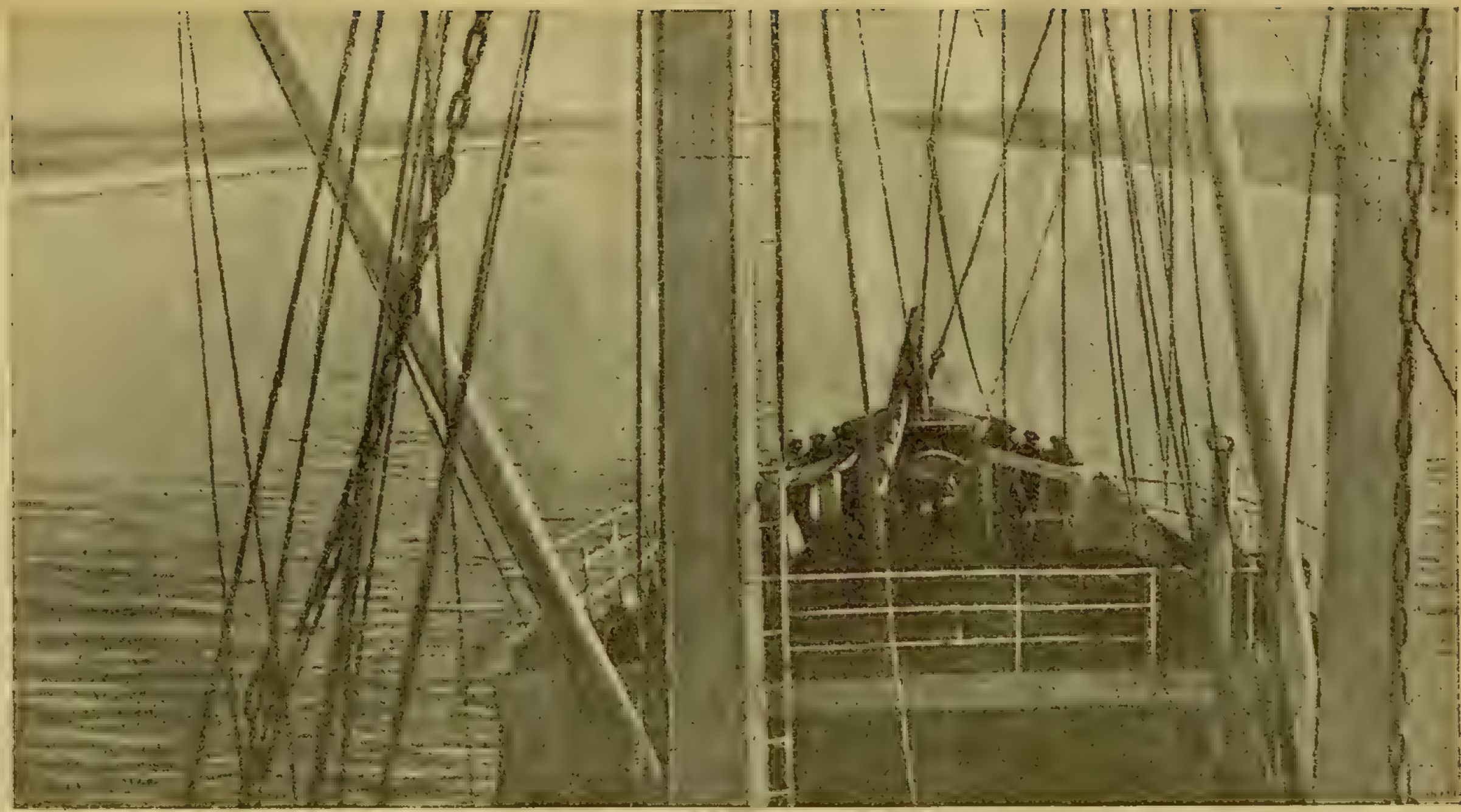
Раненые акулы продолжали хватать швыряемую с борта добычу, но ни одна из них не стала добычей наших моряков.

Лишь впоследствии мы узнали, что борьба с акулами — дело чрезвычайно сложное. Для уничтожения морских хищников нередко посылаются суда военного флота. Недавно для уничтожения акул вокруг острова Тимора был предпринят совместный поход нескольких миноносцев английского, голландского и португальского флотов. В борьбе с акулами приняли участие гидропланы, сбрасывающие гидростатические бомбы.

«Серго» уже недалек от выхода из «адской кочегарки», где то и дело встречаются нам пассажирские суда, совершающие в красноморском пекле очередной рейс.

Колонизаторы африканского материка приспособили свои пароходы к местному плаванию: яркобелая окраска всех надпалубных частей судна; плотные брезенты с солнечной стороны палубы; электрические вентиляторы в каютах, салонах, коридорах; прозрачный искусственный лед, вырабатываемый судовым рефрижератором, подается пассажирам к завтраку, обеду и в любое время дня. Единственные «темные пятна», встречаемые на проходящих в тропиках пассажирских судах, — это команда и пароходная прислуга—негры, арабы, сомалийцы и абиссинцы.

Невзыскательна и нетребовательна пока черная рабочая сила. Эти люди обходятся без вентиляторов, льда и брезентов, защищающих от палящего солнца. С непокрытой или повязанной грязной тряпкой головой бесправные рабы колоний выносят в тропических условиях все трудности судовой работы и никогда не бывают сытыми.



«Серго Орджоникидзе» входит в Суэцкий канал.

Мы идем по поверхности моря, дно которого во всю длину устлано телеграфным кабелем, соединяющим главнейшие «нервные узлы» мирового капиталистического соперничества. На дне этого моря сотни черных ловцов жемчуга, едва зарабатывая на свое пропитание, обогащают своих белых хозяев.

Утром 15 октября мы увидели вдали три точки. Они шли нам навстречу, неуклонно приближаясь. И капитан, тщательно разглядев их в бинокль, выплюнул свою табачную жвачку и торжественно произнес:

— Бьюсь об заклад, это наши, советские корабли.

Вскоре выяснилось, что капитан не ошибся. Среди трех траулеров, уже два месяца шедших из Владивостока в Архангельск и теперь приближавшихся к Порт-Саиду, флагманом шел «Уссуриец», за ним следовали «Красноармеец» и «Чайка».

Надо быть в далеком плавании, вдали от своей родины, чтобы понять радость такой встречи. Когда мы узнали по радиофону, что траулеры два месяца не имеют связи с родиной, не знают, что происходит в СССР, решено было выпустить для них радиогазету.

Несколько номеров «Известий», взятых нами накануне отъезда в стамбульском консульстве, прочитаны от начала до конца всей командой «Серго». Но для людей, два месяца оторванных от мира, эти газеты пришлись кстати. Мы сделали по ним обзор информации, и ровно в одиннадцать часов по Гринвичу наше радио передало в эфир номер советской газеты, которую по радиофону напряженно прослушали команды трех удалявшихся от нас судов.

По окончании передачи с траулеров на «Орджоникидзе» сообщили: «Слышали вас отлично. Спасибо за информацию, поддерживайте с нами связь до последней возможности. Еще раз спасибо за «Известия» в тропиках».

Больше мы советских судов нигде не встречали.

Капитан стоял на мостике с секстантом и по солнцу определял местонахождение парохода.

— Скоро выберемся из Красного моря, — говорил он.— Двое суток с небольшим прошлепаем Аденским заливом и войдем в Аравийское море. Уж там-то нас качнет.

Усиленно вытирая полотенцем лицо и шею, капитан

почувствовал, как что-то зашевелилось на его голове. Протянул руку и снял запутавшуюся в волосах белогрудую ласточку. И на моем плече сидела такая же. Птички не проявляли никакой тревоги.

Мы глядим по сторонам и видим — весь пароход усеян ласточками. И на палубе, и на перилах, и на трюмах — целый птичий базар. У себя в каюте на плоском круглом абажуре я насчитал с дюжину ласточек. И на умывальнике, и на полке с книгами. Возьмешь на руки, сидят спокойно.

Ласточки совершали осенний перелет в теплые страны. Этот птичий караван, наводнивший наше судно повидимому, летал над морем уже давно. Об этом можно было судить по ряду признаков: ласточки были очень утомлены долгим беспосадочным полетом и, заметив шедший по морю пароход, тотчас же опустились на него. Их мучили голод и жажда.

Мы заметили, что им трудно было ловить мух для своего питания — до того они устали, бедняги.

Морякам жаль стало пернатых путешественников. Некоторые свободные от вахты ребята отправились на ловлю мух в столовую и на камбуз, где резвились мушиные полчища. Другие набирали в рот пресную воду и прямо изо рта поили ласточек. Зрение у этой птицы отличное. Достаточно было показать за три-четыре метра зажатую между пальцев муху, ласточка снималась с места, подлетала, садилась на руку и выклевывала свою добычу.

Не знавшие страха перед людьми, птицы тревожно кричали и прятались под лебедки и брезент, когда над пароходом появлялся кобчик. Хищник хватал на лету свою жертву, уносил на высоту мачты, и тотчас же оттуда, как снег, сыпался пух ощипываемой птички. Наш стрелковый кружок сбил трех кобчиков.

Ласточки провели у нас остаток дня и ночь. На рассвете, отдохнув и подкрепившись, они пустились в дальнейший свой путь. Но не все. Утомленные дорогой, наиболее слабые птицы не выдержали перелета и погибли. Не один десяток маленьких трупиков полетел за борт после птичьего визита.

...Прошел еще один томительный день, завершивший первую неделю нашего пребывания в тропиках. Укрывшись под тентом, судовой музыкальный кружок готовился к вечеру самодеятельности. В Красном море выходил

Проходил тропик Рака. Жарко. Моряки выходят на вахту полуодетыми

очередной номер «Судовой правды», проводился политчас с диапозитивами на экране, играли залегшие под шлюпками шахматисты.

Тропики называли чистилищем и пеклом, но распорядок судовой жизни остался прежний, исчезла лишь одежда.

Два молодых кочегара, Гончаров и Михно, и на работе и в часы досуга неразлучные, как сиамские близнецы, лучше всех держали пар даже в самых трудных условиях плавания. Молодые, с небольшим еще моряцким стажем, которым любят кичиться иные «морские волки», оба они в судовом конкурсе кочегаров вышли на первое место.

Когда приближался срок их вахты, Гончаров расталкивал дремавшего Михно и, как всегда, немногословно объявлял:

— Пошли, что ли, страдать.

... Жарко. В машинном отделении температура достигает семидесяти градусов. Глубоко в трюмах, подальше от солнца, хранится последний лед, взятый еще в Порт-Саиде. На нем мясо и другие скоропортящиеся продукты.

Лед стремительно тает. Еще день-два — от него помину не останется.

Когда повар идет за мясом, его обступают и клянчат:

— Голубчик, принеси кусочек ледка. Не пожалей. Что хошь возьми — отдам...

Но повар не приносит. Слишком много желающих получить лед, а он дорожит каждым кусочком. Ближайший порт не скоро, а лед на исходе. Ночью кто-то пробрался в трюм, вдоволь наглотался там льда. По этому поводу появилась такая частушка:

Позади был тропик Рака,
Шел советский пароход,
И в тиши ночного мрака
Кто-то крал из трюма лед.

Тропическая ночь не приносит желанной прохлады. Зноем напоен воздух, а ветер если и пронесется, то теплый.

Стоишь на корме и не видишь носа парохода. Но вот зажигаются ходовые огни. В этой темноте они кажутся особенно яркими. Вскоре после того, как их зажигают, мы слышим, как в разных концах парохода что-то звонко плюхается на палубу, осматриваем ее и находим рыбу.

Так вот она какова, «летучая рыба». Много мы о ней слышали. Нам рассказывали, что красноморские рыбаки ловят ее на огонь. Ставят на свои шлюпки несколько ярких фонариков, и рыба сама летит на свет.

Мы тоже темной ночью выходили на палубу «промышлять». Услышим глухой удар и идем в направлении раздавшегося стука. В руках электрический фонарик. Зажжешь и шаришь. Так и есть — «летучка» заявилась. Будет, значит, на завтрак свежая жареная рыба вместо надоевших консервов.

Так мы занимались «рыболовством» в Красном море, в Баб-эль-Мандебском проливе и Индийском океане. Днем мы видели с борта, как проносятся над водой вылетевшие из глубин рыбы. Они поднимаются высоко и держатся в воздухе долго. Их плавники во время полета распускаются, как птичьи крылья. Плавники прозрачны и на солнце отливают зелено-розовым оттенком, напоминая крылья стрекоз.

Ни одной летучей рыбы взять живьем нам не удалось.

Залетая на палубу, «летучки» неизбежно разбиваются от сильного удара о железо.

...Ровно семь суток шел «Серго» Красным морем и двое с половиной Аденским заливом.

24 октября вошли в Индийский океан. Это было на пятнадцатые сутки после Суэца.

Океан встретил нас сильной зыбью. И до самого Коломбо — восемь суток — пароход кренило на оба борта, как ребячью зыбку. Трудно описать, что творил с нашим «Серго» океан! Он клал судно с борта на борт так стремительно, что ни сидевшим, ни лежавшим не удавалось оставаться на месте. Еще хуже приходилось тем, кто работал стоя.

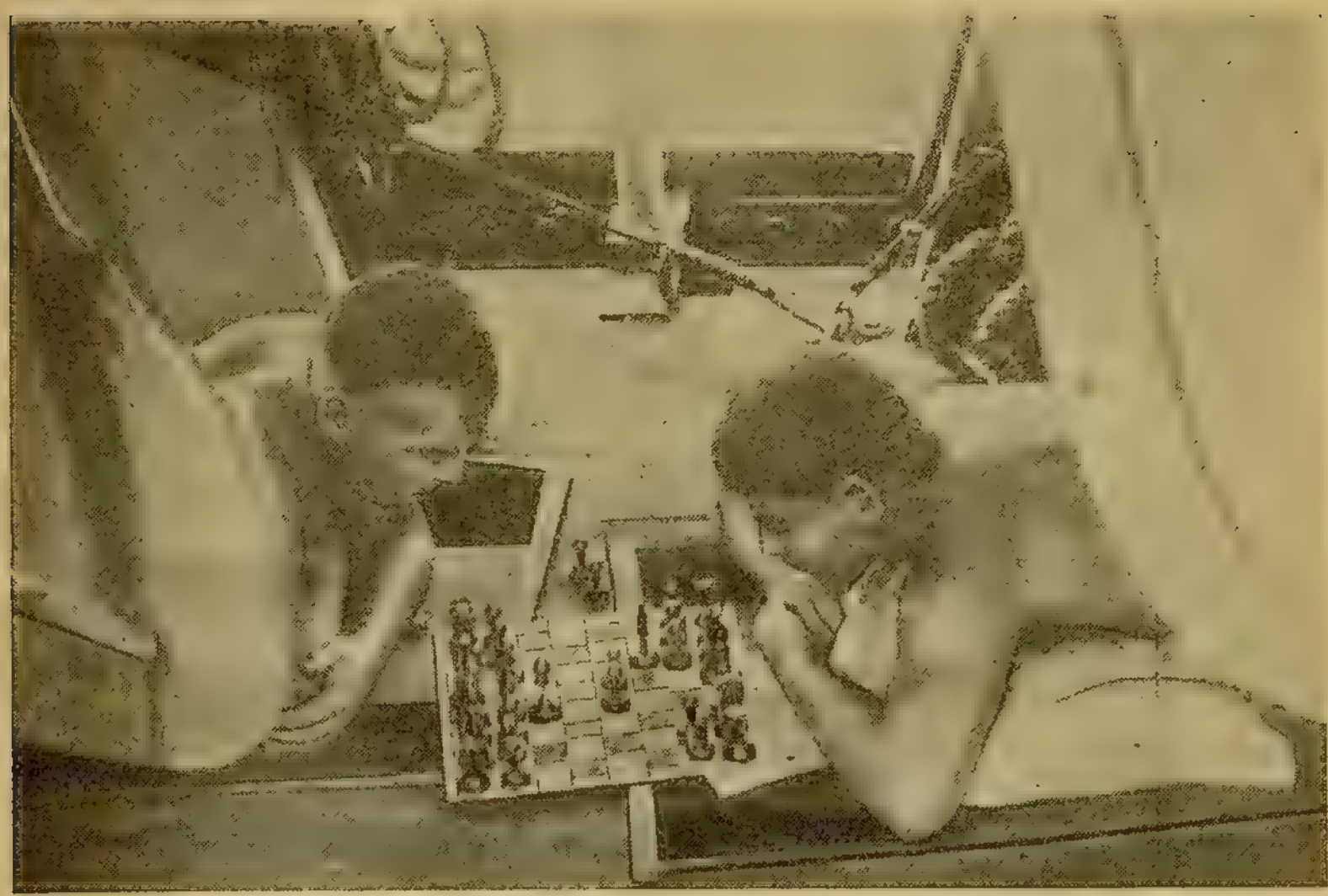
Бывали часы, когда крен судна достигал такой силы, что плохо закрепленные предметы, грохоча, сдвигались с мест и отправлялись в самостоятельное путешествие. Более хрупкие разбивались.

Но мы привыкли к тому, что пароход сделался своеобразным «ванькой-встанькой». Мы ходили, широко расстопырив ноги, будто так принято ходить, держались подальше от борта, ложась спать в одном месте, просыпались от него за два метра, в часы досуга располагались поверх трюмов и играли в шахматы, стараясь установить доску в таком положении, чтобы фигуры с нее не скатывались.

До того свыклись с качкой, что даже очередное техническое совещание, созванное редакцией стенгазеты, устроили в неукротимом Индийском океане. Обсуждали предложение «Судовой правды» о лучшем освоении и использовании судовых механизмов нового парохода, об экономии топлива и машинных масел.

Номер стенгазеты с выдвинутыми в нем предложениями снят со стены и лежит на поверхности глухо закоченного трюма. Все присутствующие за что-нибудь придерживаются: за скобу или за крепкий железный трос. Те, кому не за что ухватиться, лежат на животе. Стенгазета со всех сторон окаймлена людьми. Председательствует старший механик. Помполит Мушков разъясняет значение поднятого газетой вопроса, зачитывает каждую заметку, и тотчас же ее начинают обсуждать.

В горячих спорах, в шуме рождающихся предложений позабыли о непрекращающейся зыби даже те, кого порядком мутило от нее.



В поисках прохлады свободные от вахты моряки забираются под тень шлюпок. Шахматная партия в Красном море.

Мы уже третью неделю в море. Не видим берегов. Радио бездействует. Есть в тропической зоне какие-то явления, мешающие приему и передаче. Все интересы команды сосредоточены на судовой жизни.

«Судовая правда» — единственная газета, которую видит команда. Одного номера в неделю становится недостаточно. Иногда выпускаем экстренные номера. Это случается тогда, когда радисту посчастливится перехватить что-нибудь в эфире или же если в судовой жизни происходит событие, которое надо обсудить и осветить безотлагательно.

...Склянки отбили восемь часов.

Океан объят темной, беззвездной ночью.

Капитан сдает вахту штурману Самойлову и отправляется отдыхать в свою каюту. Он утверждает, что зыбь отлично убаюкивает его и нисколько не мешает сну.

Проходит немного времени, и на палубе вновь появляется капитан. Подмышкой у него подушка, простыня, легкий матрац.

— Значит, не выдержали все-таки? — встречают его голоса на палубе.

— Перед нами последняя жертва тропического зноя. Искатель прохлады...

— Да я не прохлады ищу, а местечка. Прилечь надо, — объясняет беглец из каюты.

— Капитан, вы меняете свои решения. Не от вас ли мы слышали о том, что вы будете отдыхать в каюте до конца рейса, будь хоть сто градусов жары?..

— Но не могу же я там оставаться. Она меня выжила с моей койки.

— Кто она? Температура? Жара? Зной?

— Да нет же, нет.

— Уж не зыбь ли? Но вы говорили, что она вас отлично убаюкивает.

И капитан объяснил причину своего побега из каюты. Несколько дней тому назад во время сильнейшего крена открылась стоявшая на юте клетка с купленными в Стамбуле курами. Куры мгновенно разбежались по судну. Одна или две, взлетев повыше, прыгнули в океанскую пучину. Другие укрылись в камбузе, красном уголке, разбежались по каютам. Одна курица притаилась в капитанской каюте, затем, освоившись, заняла постель капитана, снесла в ней несколько яиц и устроилась высиживать цыплят.

— Несколько дней мне житья от этой наседки нет, — жаловался капитан. — Не хотелось ее с койки сгонять, спал я на маленьком диванчике. А теперь она и в каюту входить не разрешает. Крыльями хлопает, кудахчет, клюнуть норовит. Не иначе, как цыплята должны сегодня-завтра вылупиться.

И капитан, закаленный в борьбе с морской стихией, отступил перед маленькой пестренькой наседкой. Он спал эту ночь на палубе, когда же разразился тропический ливень, ушел досыпать в каюту своего помощника.

...Восемь суток играет пароходом, как бирюлькой, океан. Но сегодня последнюю ночь он раскачивает «Серго». В штурманской рубке от качки расшвыриваются во все стороны бинокли, секстанты, географические карты, солидные томы лоций. Рулевого отбрасывает от штурвала, кочегаров — от топки.

Завтра — Коломбо.

В СОЛНЕЧНОМ КОЛОМБО

Несколько сведений из истории острова Цейлона. — Туземцы и «африканизировавшиеся» европейцы. — Колониальная хитрость. — Сингалезы. — «Артист татуировки». — Ловля покупателей. — Шолохов на Цейлоне. — Благотворительный бал в отеле «Бристоль». — «Рикша! Рикша!» — В поселке сингалезов. — Карьера консула Российской империи господина Титова. — Уважение покупается деньгами. — «Милое» детство туземных ребят. — Туристки экономят на... рикшах.

СОГЛАСНО легендам, на острове Цейлоне находился библейский «рай», в котором квартировали Адам и Ева. Морякам после многих суток, проведенных в безбрежных просторах Индийского океана, всякая суша кажется раем, тем более город Коломбо. Синее-синее небо, силуэты кокосовых пальм, каучуковых и чайных деревьев, высокая тропическая трава, сотни катеров и шлюпок с темнокожими сингалезами и тамилами, обернутыми в ситцевые яркие юбки.

В гавани стоят несколько торговых судов и, между прочим, два белоснежных британских крейсера, зашедших из своей базы — Сингапура — «навестить» Цейлон. Цейлон — английская колония.

Сто двадцать лет британского владычества на острове — это перечень непрерывных восстаний местного населения. Уже на третье лето после завоевания Цейлона (1817 год) жители подняли восстание против разнузданного, неприкрытого грабежа их поработителями.

Дважды поднимали восстание крестьяне, возмущенные передачей их земель с чайными плантациями европейским капиталистам. Были восстания на почве обложения нищавшего населения высокими налогами. Развивается национально-освободительное движение.

Северная часть острова низменная и плоская, южная—

гористая. На южной части берег Цейлона крут и скалист, во многих местах живописен, особенно там, где горы подступают к морю, постепенно спускаясь к ровному прибрежью, окаймленному кокосовыми рощами. Мелкие реки, пригодные лишь для плоскодонных лодок, во время муссонных дождей выходят из берегов, разливаются. Эти разливы порождают лихорадки.

В шестом веке индусы из долины Ганга заселили Цейлон, вытеснив туземцев в гористую часть острова, где сохранились их потомки — племя Ведда. Потомки индусов, на Цейлоне именуемые сингалезами, составляют главную часть населения. На Цейлоне есть тамилы из южной Индии. У них свой язык.

Главное занятие жителей Цейлона — земледелие. Громадные чайные плантации Цейлона известны всем. Чай, рис, хина, кокосовые орехи, какао, пряности — предметы вывоза.

На острове находят драгоценные камни, в Минарском заливе добывается жемчуг.

Коломбо — резиденция английского губернатора. Этот город расположен на западном берегу острова. Жара здесь умеряется морским бризом настолько, что город этот считается одним из наиболее здоровых для европейца городов в тропиках.

Белый катер (под ярким солнцем белизна его ослепительна, а темнокожая его команда от этого кажется еще более черной) доставляет нас на пристань — отличное фундаментальное сооружение из деревьев тропических пород: черного, красного, тикового и эбонитового. Говорят, постройки из этого материала долговечны, прочнее железа и держатся веками.

В правом углу пристани, у выхода в город, стоит низкая массивная конторка. За ней расположился, поджав под себя ноги, живописный индус с застывшими, наполовину выкатившимися из орбит глазами.

Индус окликает проходящих мимо него, торопящихся в город людей одной и той же фразой: «Money changer» (меняю деньги).

Перед ним лежат валюты всех стран в хрустящих и затрепанных бумажках, столбики золотых и серебряных кружочков. Индус отлично ориентирован в их валютной устойчивости и курсах. Положите перед ним любую кредитку — одного взгляда его проницательных глаз до-

статочно, чтобы тотчас же обменять ее по самому точному курсу на местные цейлонские рупии.

Над конторкой индуса прикреплена вывеска на многих языках; среди этих надписей мы увидели и написанное на русском языке:

«МѢНЯЛО, ИМѢЮЩИЙ ПАТЕНТЪ ОТЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА».

Меняла с ятью обратил наши деньги в рупии, а мы, получив покупательскую способность, вышли в город.

Коломбо. Отличные улицы, совсем как в Европе. Тротуары и дороги в асфальте. Трамваи, автомашины, рикши, черный полисмен в трусиках и белых перчатках регулирует движение. Тянутся вереницами огромные плетеные фуры. Они так велики и высоки, что впряженные в них яки кажутся низкорослыми и приземистыми.

Для того, чтобы население не забывало, кому оно подчинено, на каждом шагу красуются портреты английского короля. Они украшают не только официальные учреждения и английские конторы. Портреты монарха висят в мелких туземных харчевнях, в папиросных киосках, в лавчонках с тропическими фруктами, жевательным табаком и цейлонским чаем. Англичане широко распространяют выпущенные специально для Индии фотографии, изображающие трогательное единение короля с Ганди.

На них Ганди показан запросто сидящим подле трона и беседующим с королем. Еще заснят Ганди со своей женой, мирно пьющими чай в обществе королевской семьи.

В окнах многих квартир, расположенных в европейской части города, стекол нет, их заменяют легкие шторы. В Коломбо круглый год тепло, вернее — жарко. Сингалезы, индийцы, тамилы ограничиваются одними юбками, хитонами, зонтами. Изредка накидывают еще на себя пиджаки. Большинство ходит необутыми. Европейцы — «африканизовавшиеся» англичане и прочие — зимой и летом разгуливают в белых костюмах и пробковых шлемах.

Иначе не может быть в Коломбо, где на вечнозеленых пальмах изобилие кокосовых орехов, где есть деревья, на которых круглый год цветут красные, как пионы, цветы, где произрастает цветок лотоса, форма которого придана храму Будды. Каких разновидностей тропической

флоры ни увидите вы в восхитительном Виктория-парке, где дорожки утрамбованы замечательно красивым красным песком. Бананы и ананасы гроздьями висят подле каждой лавчонки, заменяя вывески.

Солнце жжет лучами Коломбо. Оно немилосердно в ноябре, экваториальное солнце. Мы заходим в таверны, где одутловатые и сухопарые сэры устраиваются поближе к вентиляторам. Нелегко «африканизовавшимся» англичанам переносить тропический зной и духоту.

Прохлада для них не всюду добывается с помощью электричества.

Вот офис (контора) мистера Робертсона. Солидная фирма, отличное помещение. С потолка свисает система вееров. Они непрерывно колышатся. От этого в офисе прохладно. Джентльмены пьют сода-уотер и сода-виски с аккуратными квадратиками льда в бокалах. А в коридоре стоит сингалез со шнуром в руках. К этому шнуру сбегаются нити ото всех вееров. Сингалез делает два шага назад, два вперед. С утра до ночи стоя на ногах, он приводит в движение все эти тяжелые веера и получает за свою работу ежемесячно десять рупий (немногим больше четырех рублей). Электрическая энергия обошлась бы дороже.

Коротко о сингалезах. Ими в шестом веке христианской эры был покорен и колонизован Цейлон; они первые распространили на острове земледелие. Неоднократно остров завоевывался у них тамилами, но худо пришлось тем и другим, когда стали господствовать на Цейлоне англичане. Коренное население — из сингалезов и тамилов — они рассматривают как некую разновидность животного мира.

Сингалезы уже проведали о прибытии советского судна.

Шлюпочные торговцы с товарами, размещенными на шлюпках, окружили наш пароход. Одни в продолжение всей стоянки с утра до ночи лепятся под бортом корабля, иные ночуют под ним, чтобы чуть свет раньше своих конкурентов начать торговлю с моряками. Они жуют бетель, здесь же на шлюпках варят свой рис, иногда зажаривают пойманных рыбешек. Шлюпка — их дом, их лавка, их кухня. Продают они деревянных слонов, кокосовые орехи, ананасы, огромные, унизанные бананами ветки, соломенные цыновки и прочую дребедень. Свои по-

Шлюпочные торговцы со своими слонами из дерева, ананасами, кокосовыми орехами и другими тропическими фруктами с утра до ночи лепились под нашим бортом.

купки моряки получают со шлюпок при помощи шкертиков: они спускают с борта парохода длинную бечевку, шлюпочные торговцы привязывают к ней купленные или обмененные предметы.

В городе нас окружили босоногие люди в юбках и хитонах.

Они предлагали свои услуги в качестве гидов и комиссионеров, брались указать лучшие рестораны и магазины, где все стоит «вери чип» — очень дешево. Они навязывали нам слонов из красного, черного и тикового дерева, из слоновых бивней, из янтаря. Слоны были всяких размеров, иные величиной с ноготь.

Появились сингалезы, отрекомендовавшиеся «артистами татуировки». Они, предлагая свои услуги морякам, показывали альбомы с многоцветными рисунками: точно такие же картинки брались выколоть на теле любого из наших моряков.

— Пожалуйста, выбирайте любой понравившийся образчик. На теле получится ничуть не хуже, чем на страницах альбома. Если сомневаетесь, взгляните! — И сингалез распахивает свою юбку и ситцевый пиджачок. От его шеи к груди, к животу и ногам растекаются десятки татуировок. Тематика этой витрины обычна: русалки, пронзенные сердца, черепа со скрещенными костями и угрожающими латинскими надписями, женские головы, якоря, вымпелы, пароходы.

— Хорошие краски, быстрая работа и — главное — «вери чип» (очень дешево),—поясняют «артисты татуировки». Но советские моряки проходят мимо них, так же как мимо пристающих к ним рикш.

— Мы не дикари, у советских моряков это не принято, — объясняют они татуировщику.

Многие пожилые сингалезы произносили по-русски слова, иногда и целые фразы.

Откуда это пришло к ним сюда, на Цейлон?

Белогвардейцев здесь нет, советские пароходы заходят сюда редко и не надолго. Объясняется это тем, что кое-кто из местных сингалезов побывал на нашей земле. Это было в годы интервенции, когда Антанта во всех частях света сколачивала вооруженные силы для разгрома только что родившейся Советской республики. Сингалезов влили в союзные войска, посланные оккупировать Украину.

На улицах Коломбо. Плетеная грузовая фура с запряженными в нее яками. В фуре погонщик-сингалез.

Мы разговорились с одним из них, по фамилии Перера.

Этот человек был в составе оккупационных войск, посланных на борьбу с красными частями. В одном из боев Перера был ранен в голову. Но, удивительное дело, большевистская пуля вселила новые мысли в голову этого смуглого человека. Он не озлоблен на ранивших его большевиков, наоборот — мечтает о возвращении в страну, где черные люди — полноправные граждане.

Часто слышались восторженные восклицания сингалеза:

— Русска харош, Ленин харош, болшевик харош.

— Чем же мы хороши? — спросили моряки одного сингалеза.

— Русска — вери гуд (очень хорошо). Русска люди любят черных люди.

Сингалезы буквально осаждали нас, стараясь услужить нам в качестве проводников и комиссионеров, радовались всякой мелкой монете, перепадавшей им от советских моряков.

Уже тот факт, что они подходили к нам, светлокожим, безбоязненно, говорил за себя. Ни один цветной житель английской колонии не посмеет вплотную приблизиться к европейцу и как равный заговорить с ним. Он знает, что́ за это будет.

Сингалезы в своей стране могут быть рикшами, посыльными, уборщиками, шоферами, мелкими комиссионерами, шлюпочниками или уличными продавцами. Хозяева колоний сделали так, что серьезная торговля не сосредоточивается в руках коренного населения. На первом плане здесь английский торговый капитал. Допущены к торговле и индусы. Розничный рынок главным образом в их руках.

Пусть кажется сингалезам, что их вытеснили из торговли не столько англичане, сколько индусы. Такова хитрость английских империалистов, заключающаяся в том, чтобы натравить одну нацию на другую и отвлечь от себя возмущение порабощенных масс.

Но целый ряд восстаний и ненависть, питаемая коренным населением Цейлона к своим поработителям, показывают, что хитроумным колонизаторам все труднее становится отводить глаза подлинных хозяев страны от прямых виновников их бед и замаскировывать всю наглую ложь.

Не для всех сингалезов и тамилов находится даже та черная работа, которую в колонии делает «черный». Не всякому привалит «счастье» применить свой труд на чайных плантациях под лучами тропического солнца, бегать рикшей, мыть асфальт европейских кварталов, быть погонщиком ленивых яков, чистить господские башмаки.

Правда, заработка, получаемого за изнурительную работу, едва хватает на пропитание, но туземец (по мнению колонизаторов) привык жить впроголодь, довольствоваться горстью скверного риса и тропическими фруктами — рамбутаном, папайей, бананом, мангустаном или ананасом.

Вид рабочего (сингалеза или тамила) с непривычки потрясает. Он страшно худощав, кости и ребра выпирают, кажется — вот-вот они прорвут кожный покров и выйдут наружу.

У нас на судне морская полиция оставила темнокожего полисмена — тамила. Дважды в сутки ему приво-

зили пищу. Тамил обычно жадно поедал ее, но однажды не стал есть.

— Поглядите, капитан, чем нас кормят, — сказал он.

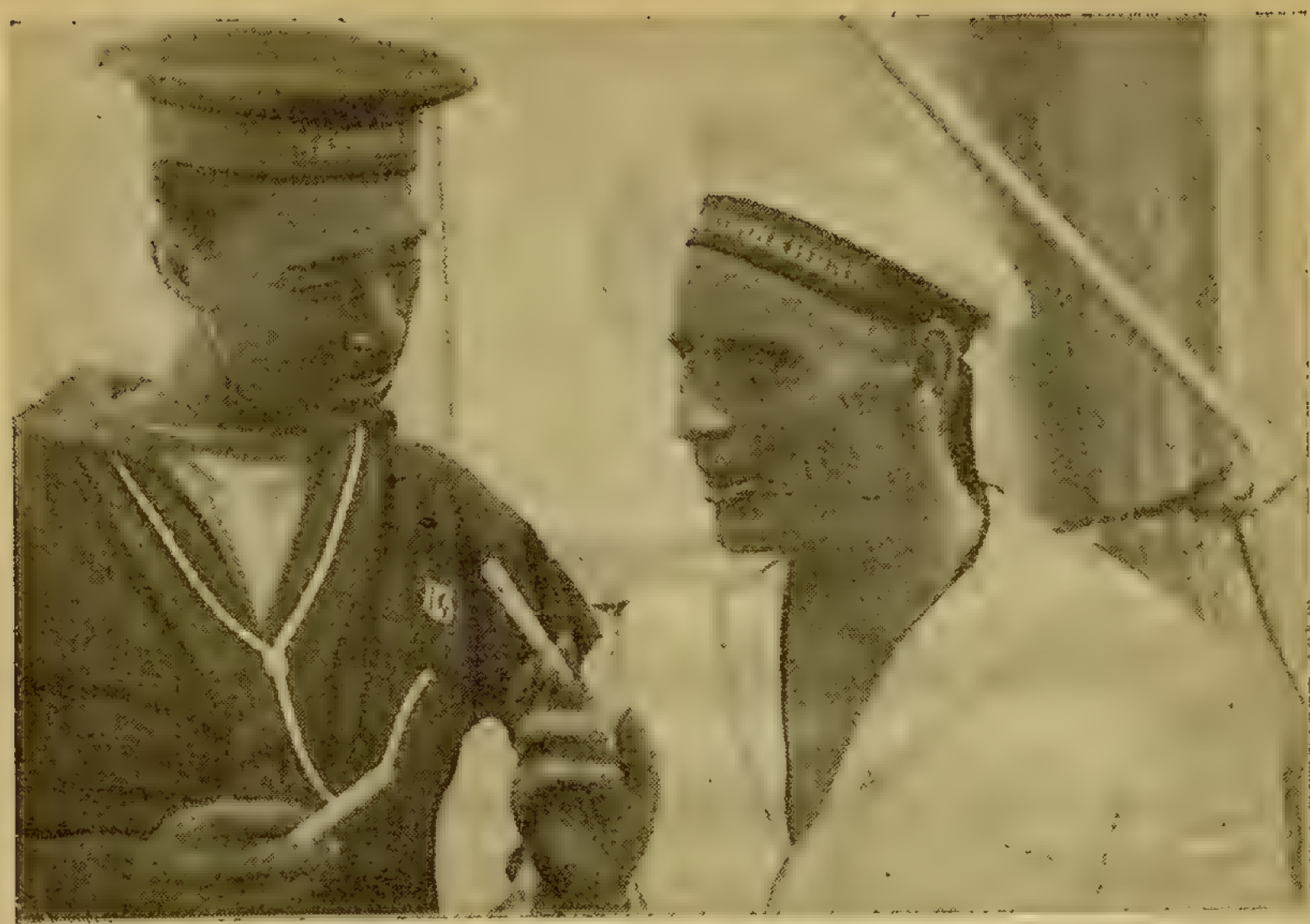
На дне посудины была горсть сухого риса и две рыбешки. Капитан отдал распоряжение ежедневно кормить тамила обедом.

...Вдоль широких асфальтированных улиц Коломбо мчатся безукоризненно вымытые машины, водимые шоферами-сингалезами; бегут, волоча за собой красные повозки с сидящими в них европейцами, рикши — тоже сингалезы. Звонят темнокожие вожатые трамваев. На трехколесных велосипедах с ящиком впереди доставляется из лавок товар на дом покупателям, рассыльные из офисов, с красной лентой поперек туловища и с ярко начищенной бляхой сбоку, развозят на велосипедах пакеты; индусы спешат из храмов в свои лавки. Они уже помолились, в знак этого на лбу у них выведены краской несколько черточек, а у женщин и ребят, даже совсем маленьких, над переносицей выведена белая точка.

В магазинах, наполненных пестрыми тканями, шелками, пижамами, широкими кимоно, грудами мануфактуры, — удручающая пустота. Вход в магазин — широкая арка, и с улицы внутренность лавки нам видна целиком. Какое-то сонное царство. На кипах товаров, поджав ноги, сидят и дремлют хозяева.

И если забредет в какой-нибудь магазин турист, его тотчас же усадят, включат над его головой свисающий с потолка вентилятор в форме пропеллера, предложат холодную содовую воду и всячески будут стараться не отпустить его с пустыми руками. Перед покупателем разворошат десятки пестрых отрезов всех цветов и узоров. По выходе из лавки его подхватит владелец соседнего магазина — ювелир. Он навязывает иностранцу браслеты в виде змей, индийские кольца и каменья, жемчуга и кораллы. Только покупатель выйдет от ювелира, его уже поджидает другой лавочник или уличные торговцы с неизбежными слонами всех форм и размеров. Потом долго за ним будут плестись рикши и окликать шоферы автокаров.

Нам, советским гражданам, надо прямо сказать, особенно доставалось от этой назойливости. Темнокожие знают — к русским можно подходить вплотную, они не прогонят, не позовут полисмена. И эта жажда заработать



Знание арабского языка позволило нашему матросу Панову разговаривать с присланным на борт «Серго» морским полисменом, по национальности тамилом.

на нас, заполучить покупателя буквально отравляла наши прогулки по Коломбо.

Чтобы утолить жажду и, кстати, укрыться от торговцев и комиссионеров, заходим в бар при европейском отеле «Бристоль». Только что мы уселись за круглым столиком и успели заказать пиво и содовую воду, нас уже окружили продавцы слонов, открыток, притащил ворох безделушек ювелир соседнего с отелем магазина. Они не оставляли нас в покое, пришлось кое-что у них купить.

В вестибюле отеля наше внимание привлек плакат возле газетного киоска. На нем изображен человек в казацкой папахе.

Подходим. Знакомое лицо. Где мы его видели? Вскоре все разъясняется: «Тихий Дон» добрался до острова Цейлона, а человек в казацкой папахе, согласно подписи под рисунком, «знаменитый русский писатель, бывший казак Майкель Шолохов».

Близилась полночь, когда мы выходили из бара. В верхнем этаже отеля играла музыка. Сегодня в «Бристо-

Всегда тащит за собой повозку человек-лошадь, старый рикша-сингалез. (Снято на Цейлоне.)

ле» бал. Прошло ровно двадцать лет со времени объявления мировой войны. Остались инвалиды, вдовы, сироты. В их пользу пляшут сегодня на этом балу леди и джентльмены.

С улицы нам виден большой иллюминованный зал, танцующие пары. В интервалы между танцами мужчины выходят на широкий балкон отдышаться. Не так просто танцовать в тропиках и соблюдать этикет в этой адской жаре. Все мужчины в черных фраках, накрахмаленных сорочках и тугих стоячих воротниках, углами врезающихся в подбородок, но постепенно мякнущих от тепла и пота. Женщины декольтированы, им легче переносить жару.

Возобновляются танцы. Джентльмены идут в зал, поправляя на ходу пальцами липнущие к шее воротники.

Звуки музыки плывут по главной улице колониального города. А в полночь оркестр сыграет «Боже, храни короля», и джентльмены вместе со своими леди отправятся на покой. Внизу, у подъезда «Бристоля», многих из них ждут собственные авто. Но есть и такие, которые пользуются услугами рикш. В погоне за пассажиром рикши оглушают улицу призывами, мольбой, манят,

остервенело отталкивают друг друга. Рикши, доставив домой пассажиров, тоже отправятся на покой. У них нет своих спален, нет даже примитивнейших коек. Рикши укладываются спать на улице. Свою повозку они прислоняют к стене или дереву, сами забираются под нее. Матрацем им служит местная газета «The Times of Ceulon» («Цейлонское время»), для этого покупается воскресный номер, состоящий из двадцати четырех — двадцати восьми страниц. Его хватает на неделю и больше.

Безработные сингалезы, среди которых немало жертв войны, получивших ранения и увечья, как уже знакомый нам Перера, на помощь от танцовального бала не рассчитывают. Они спят в своей сингалезской части города, чтобы, проснувшись начать среди общего изобилия поиски своей горсти риса.

От рикш нам нет прохода, как и от многочисленных комиссионеров и гидов, увязывающихся за каждым из нас, где бы мы не появились.

Человек, которому первому пришло в голову соединить ручную тележку со стулом и использовать этот стул в качестве транспортного средства, был англиканским священником и звали его Бейли. Произошло это в начале семидесятых годов в Токио.

Рикша не является собственником повозки. Он получает ее напрокат от предпринимателя. Есть предприниматели, заставляющие бегать до двух сотен рикш. Рикша приносит им определенную сумму, повозка не требует хранения в сарае, а «лошадь» не нуждается ни в овсе, ни в стойле, ни даже в кузнице.

Предприниматель покупает все рабочее время рикши и заставляет рикшу платить ему за то, что ссужает его двумя колесами. Средняя продолжительность жизни при этом занятии — пять с половиной лет. Потом рикша умирает.

Легкие быстро изнашиваются от постоянного бега. Кроме того рикши должны кричать вместо рожка. Но автомобили не признают этого сигнала: почти каждый день можно видеть, как они наезжают на рикшей, и при этом столкновении шофер выходит из машины и избивает рикшу.

Полисмены поступают с рикшей не лучше. Если на него со свистом опускаются резиновые дубинки, потому что он не заметил сигнала к остановке, рикша должен

Трамвай в Коломбо разделен на две половины: одна для европейцев — «белая», другая для темнокожих — «черная».

еще радоваться. Хуже, когда строгий полицейский в наказание вынимает у него из повозки подушку сиденья: если не подкупить строгого полицейского, он ее не отдаст. Если же полицейский отвинтит у рикши дощечку с номером, тогда бедняга должен ехать домой: сегодня у него нет больше возможности заработать себе на чашку риса. Только завтра может он получить свой номер из полицейской префектуры.

Мы видели рикш в Коломбо, затем в Сингапуре. Нам рассказали историю о том, почему нет рикш на острове Ява—голландской колонии. Много лет назад некий очень богатый китаец, прибыв на Яву, уплатил местным властям крупную сумму за предоставление ему монополии на содержание рикш. Став концессионером этого дела, богатый китаец взял документы на право насаждения рикш и спрятал их в свой сейф. Он не пожелал, чтобы его соотечественники подвизались в молодой колонии на амплуа людей-лошадей. Говорят, срок его монополии еще не истек, поэтому рикш до сих пор на Яве нет.

...Отклонимся немного в сторону от центральных улиц города Коломбо, пройдем мимо казармы колониальных войск, и мы окажемся в другом мире. Здесь нет каменных домов и тротуаров, здесь больше пальм, банановых деревьев, высокой травы и экзотических растений. Здесь в сотне шагов от центра, напоминающего Европу, живут сингалезы.

Сколоченные из дощечек, жердочек, сухих пальмовых листьев хибары внутри ничем не обставлены. Это лачуги в полтора метра вышины, три метра длины, два с половиной метра ширины. Окон нет, узкие щели вместо дверей. Внутри пусто. Редко где цыновка и несколько черепков составляют обстановку и утварь семьи. Котелок, наполненный рисом, не всегда увидишь у этих голодных людей. Смуглые, худые, одетые в лохмотья, крытые грязью люди бродят среди этих жалких построек.

В сингалезском поселке нас вначале встретили недоверчивые взгляды. Европейцы обычно здесь не показываются. Но узнав, кто мы, сингалезы разговорились. И вот мы окружены толпой мужчин, женщин, детей, которые на ломаном английском языке рассказывают о своей жизни, работе и нужде.

Один жалуется на то, что недавно еще он работал на текстильной фабрике по одиннадцати часов в день, по-

Шлюпочный торговец у борта нашего парохода.

лучал двадцать рупий в месяц (около девяти рублей), а сейчас остался без работы. Номинально здесь существует восьмичасовой рабочий день, фактически же работают не меньше десяти-двенадцати часов, а в некоторых местах и по пятнадцати-семнадцати часов в сутки. Сверхурочная работа не оплачивается. Безработные не получают никакого пособия.

— Я, моя жена и дети работаем, но никогда не зарабатываем столько, чтобы есть досыта. Вот наша еда— горсть сухих зерен и немного риса. Но этого мало на целый день.

Официальная статистика говорит, что половина индийского населения ест только один раз в день.

— У нас человеческий труд — самый дешевый.

В этом мы успели уже убедиться за несколько дней пребывания в Коломбо.

Должно пройти немало времени, пока сгладится гнетущее впечатление, оставленное посещением сингалезского поселка. Иссохшие, скрюченные люди, голодные и попрошайничающие, предлагали воспользоваться их женами и дочерьми, готовы были запродать самих себя.

Полная беспросветность.

Эти полутрупы, их жалкие хижины больше напоминают дантов ад, нежели библейский «рай».

Впрочем, если проехать к взморью к Монте-Лавина— картина резко изменится. Сюда торопливым потоком вливаются путешественники, сюда катятся рупии, фунты и доллары. Сюда, в уютные отели, приезжают иностранцы, а виллы на берегу моря построены так, что малейшее дуновение свежего морского ветерка проникает во все уголки здания. Вокруг вилл роскошные сады.

Кстати — о «рае».

Колонизаторы умеют играть на религиозных чувствах туземцев. Есть недалеко от Коломбо утопающий в тропической зелени городок Канди. В нем, по поверьям, был «рай» с Адамом, Евой и змием-искусителем. Адам кончил якобы свои дни в Канди. Его именем названа там высокая гора — Адамов пик—2 240 метров высоты. В местном сингалезском храме хранится зуб, по утверждению сингалезов принадлежавший Адаму.

Сингалезы верят в то, что зуб этот приносит «благодать» тем, кто им обладает. Они хранят его под замком, ключ к которому передан их священнослужителю. Колонизаторам выгодно и на себя распространить долю этой «благодати». И хозяева Цейлона повесили на храме, где хранится зуб, и свой замок. Ключ от него хранится у английского губернатора.

— Вы не сумеете защитить святой зуб от врага, — говорят колонизаторы сингалезам. — У нас силы больше.

Мне запомнился разговор на одной из второстепенных улиц Коломбо. К дублеру капитана Мушкову подошел сингалез и на ломаном русском языке произнес:

— Русска капитан, здесь делать ничего нет, кушать тоже нет. В ваш страна теперь вери гуд. Работа есть, люди мало хватайт. Я быль в Россий, возьми меня опять туда, капитан. Англичан не любит сингалез, русска любит всех людей. Я умей работать, здесь нет работа...

Оказывается, с подобной просьбой к нашей судовой администрации обращались на улицах Коломбо несколько сингалезов.

В колониальных странах нет советских представительств, и здесь мы узнали курьезный факт. Поныне проживающий в городе бывший царский консул Титов до недавнего времени изображал из себя представителя Российской империи. Один из местных шипчандлеров

Мужчина-сингалез на улице Коломбо.

(судовых поставщиков), желая заслужить наше доверие, показал нам выданную ему Титовым справку о том, что он добросовестно снабжал заходившие в Коломбо торговые и военные суда Российской империи. Справка отно-

силась к концу двадцатых годов, была она со штампом, подписью и круглой печатью, из которой «консул» предусмотрительно удалил двуглавого орла.

Когда справки и прочие махинации перестали его подкармливать и спрос на услуги «дипломатической персоны» прекратился, Титов, по словам шипчандлера, женился на богатой женщине и живет на ее содержании.

«Made in Japan» («Сделано в Японии») — эту марку вы найдете на большинстве предметов, купленных в Коломбо. Разве лишь на деревянных и костяных слонах да на тропических фруктах нет ее. Все остальное, даже пиво с примесью глицерина (для предохранения от порчи в тропиках), стремительно забрасывает сюда «страна восходящего солнца».

Экспансия японских товаров, борьба за колониальные рынки, жесточайший японский демпинг—продукт чудовищной колониальной эксплоатации—чувствуется уже на далеком от Японии острове Цейлоне. Японские товары свободно конкурируют с английскими, и это здесь, в Коломбо, где ввозимые товары проходят через таможню и облагаются пошлиной.

Против стамбульских цен местные очень низкие. Неужели можно покупать вещи по более низкой цене?

Позже в Сингапуре, затем в японской колонии мы увидели корни этой дешевизны. Рабочая сила в колониях, в условиях жесточайшей эксплоатации, расценивается баснословно дешево.

Иное — денежные тузы. Они — почтенный, уважаемый народ.

К примеру, я просматривал номер газеты «Цейлонское время», лежавший на прилавке в одном магазине. Первую страницу украшал большой портрет некоей молодой четы. Она — в белом подвенечном платье, он — здоровенный верзила с глуповатым лицом, в черной паре.

— Кто он такой? — спрашиваю продавца.

— О, бикмен (большой человек)! — ответил тот.

Кто же он? Дипломат, выдающийся инженер, писатель, врач, изобретатель или, может быть, спортсмен? Ничего подобного! Он «большой человек» потому, что унаследовал от родных много денег. Продавец говорил о бикмене с уважением. Он — капиталист, а сейчас, в связи с выгодным браком, состояние его умножится. Вот

и все, чем замечателен верзила. Деньги в этих краях вполне подменяют личные качества, ум, талант. Деньги путь к тому, чтобы приобрести доверие и уважение, видеть свой портрет на первой газетной полосе.

Пробиваясь сквозь полчища комиссионеров и рикш, выходим на главную улицу. Но и здесь сингалезская нищета дает себя знать. Вот сингалезский мальчик. Ему повезло, этому восьмилетнему искателю работы. На ребенка надели двусторонний щит с рекламой кинотеатра «Регал». С утра до вечера живая реклама ходит по улицам Коломбо, под лучами жгучего экваториального солнца. За это ему заплатят десять центов (четыре — четыре с половиной копейки). Отец, мать, младшие братья и сестры получат завтра немного риса...

Возле огромного каменного здания английского универмага прильнула к стене худенькая детская фигурка. Маленькая, жалкая девочка прикрывала свое смуглое тельце куском ситца. Вид этой нищенки вызывал жалость. Мы собрали для нее несколько центов и направились прямо к ней, чтобы вручить их. Но что это? Заметив наше приближение, девочка с плачем побежала прочь.

Мы спохватились. Ведь нищенство здесь запрещено. За это преследуют белые люди и черные полисмены. Девочка, увидев нас, белых, направившихся к ней, не ждала для себя ничего хорошего. Она убегала от нас. Ее остановил молодой сингалез в белой юбке и безрукавке.

— Не беги, не бойся. Это — русские. Они тебе дурного не сделают. Русские — самые хорошие люди. Они любят черных людей...

Девочка недоверчиво поглядела на сингалеза.

— Подойди к ним, не бойся. Эти люди приехали из страны Ленина.

Маленькая нищенка плотнее закуталась в свой хитон, перестала плакать и подошла к нам. Мы всыпали в ее кулачок пригоршню мелочи, успокоили, угостили шоколадом. Затем, чтобы оградить от полисмена, отвезли ее домой — в зону голода и смерти, в ютящийся под боком от центра города и утопающий в роскошной тропической зелени сингалезский поселок.

Сквозь гущу окружающих нас людей пробираемся к пристани, на ходу отвергая десятки назойливых предло-

Возле здания английского магазина мы увидели худенькую детскую фигурку.

...Заметив наше приближение, девочка с плачем побежала прочь.

жений мелких торговцев, продолжающих навязывать колониальные безделушки, и комиссионеров, зазывающих в им одним известные места, где товары отдают чуть ли не с приплатой покупателю.

На пристани в ожидании катера наблюдаем разыгравшийся здесь инцидент: рикши привезли из города нескольких немецких туристок, прибывших в Коломбо на большом германском пароходе. У самой пристани рикши осторожно, будто ценные сосуды, сняли своих пассажирок с тележек и опустили их на землю.

Старая немка что-то сказала остальным своим спутницам и, вынув из сумочки медную монету, швырнула ее рикше.

Старая немка была, повидимому, очень скупа. Она распорядилась выдать каждому рикше всего по семи с половиной копеек.

Рикши подобрали с земли все брошенные им монеты и, будучи неудовлетворены оплатой, поручили самому старшему из них — дряхлому сингалезу с белыми, будто из ваты сделанными усами — объяснить приезжей леди, что столь малой суммой их не оплачивают даже местные жители. Тем более, им долго пришлось возить этих леди, желавших подробно ознакомиться с городом.

Старик бежал за немками, что-то бормоча им вслед. Те, не обращая на него внимания, сошли на белый катер, готовясь отъехать к стоящему на рейде судну. Рикша последовал за ними.

Черный полисмен не мог оставаться равнодушным, видя приставание сингалеза к европейцам. Он поспешил вслед за рикшей. Мы в тревоге ждали, вот сейчас схва-

— Подойди к ним, не бойся. Эти люди приехали из страны Ленина. Они тебе дурного не сделают, — сказал ей молодой сингалез.

...Она перестала плакать, подошла к нам. Советские моряки приласкали маленькую нищенку.

тит блюститель порядка старика за шиворот и выбросит на пристань. Прошла минута. Рикша что-то объяснял полисмену, показывал монету, плакался. Полисмен подошел к расчетливым туристкам, искавшим грошевой экономии на нищих рикшах. Он сказал им:

— Леди, нашим рикшам платят не менее десяти центов (четыре копейки) за обыкновенный конец и пятнадцать центов за больший. Они возили вас к храму Будды и обратно. Вы сами убедились, леди, это очень далеко. За такой пробег им следует уплатить не менее чем по двадцать центов каждому.

Старая, сухая, как вобла, немка, выслушав доводы полисмена, заявила, что больше десяти центов никто из них не уплатит. И, собрав между спутницами по два с половиной цента, она швырнула пригоршню монет с катера на пристань. Старый рикша потом долго ползал, отыскивая и собирая их.

На пристани, как и в городе, десятки комиссионеров. Снова слоны и заманчивые предложения. Комиссионеры стремятся вызвать для вас катер, хотя сделать это нетрудно и без них: владельцы катеров и джонок, раздирая глотки, зазывают к себе.

Комиссионеры, увидев пришедший за нами зафрахтованный ранее катер, успокаиваются, садятся на корточки и снова начинают жевать бетель — траву, укрепляющую зубы. От бетеля изо рта сочится алая, как кровь, сукровица. Его жуют все и всюду, быть может не столько для сохранения зубов, сколько оттого, что этим зубам довольно часто не приходится жевать ничего более питательного.

На пароходе мы застаем несколько экскурсантов из Канди. Они, узнав о прибытии советского парохода, не поленились одолеть семьдесят километров, чтобы побывать на нашей территории, посмотреть, как выглядят и как живут советские моряки.

Машина стояла под парами, приближался час отхода из Коломбо.

Из моей памяти не выходили увиденные в эти дни сингалезский поселок и маленькая нищенка.

«Грустными можно назвать те ландшафты, среди которых дети умирают с голоду, трагическими — те, на фоне которых шагают жандармы в касках, — сказал в своей книге об Адене и Аравии французский писатель

Коренные жители Цейлона — сингалезы — могут занимать лишь низшие должности. Этот сингалез работает курьером в английской конторе.

Поль Низан. — Под твоими поэтическими пальмами, Восток, я нахожу все те же человеческие страдания».

... Моряки прощаются с экскурсантами и отъезжающими с рейда шлюпочными торговцами.

«Серго» готов к отвалу. Гудок — и мы трогаемся в дальнейший путь.

ПРАЗДНИК В БЕНГАЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ

Снова зыбь. — Накануне семнадцатой годовщины Великой пролетарской революции. — Праздновать — наперекор стихиям. — Специальный номер «Судовой правды». — Радио из Москвы. — Под Суматрой. — Сингапур встречает нас тропическим ливнем.

ОКЕАН был свинцов и мрачен. Он встретил вышедший из тихой гавани пароход сердито ударявшими в борта волнами, он снова превратил «Серго» в качель, от которой мы лишь немного успели передохнуть за несколько дней стоянки в Коломбо.

Оторвавшись от берега и снова очутившись в открытом море, мы стали подводить счет времени и обнаружили, что всего два дня отделяют нас от семнадцатой годовщины Великой пролетарской революции в СССР.

Где встретим мы этот праздник, как проведем его?

Кинулись к огромной карте, что висит в красном уголке. Флажок, указывающий наше местонахождение, приближается к Бенгальскому заливу. Начинаются подсчеты, долго ли пробудем в нем. Оказывается, долго: пять-шесть суток должен итти «Серго» Бенгальским заливом, пока через Малаккский пролив дойдет до Сингапура.

Значит, годовщину Великой пролетарской революции мы встретим и проведем в Бенгальском заливе.

Снова качнуло. Совсем как было на пути в Коломбо.

Можно ли что-либо предпринимать и организовывать при такой качке? Оказывается, можно, когда весь коллектив оторванных от родины людей объят желанием отметить великий день.

Мы находимся под чужим небом, но стоим ногами на пловучем клочке советской территории. И моряки решают наперекор стихиям достойно отметить годовщину.

Начинаем подготовку к проведению октябрьских торжеств.

Начинается с того, что Никитюк предлагает по случаю праздника заколоть на жаркое свинью Машку.

Но это предложение старпом решительно отклонил. В Коломбо было закуплено достаточное количество продуктов, льда, и не было нужды тревожить свой живой продовольственный запас.

Кто знает, какие еще случайности ждут нас в зимнем океане!

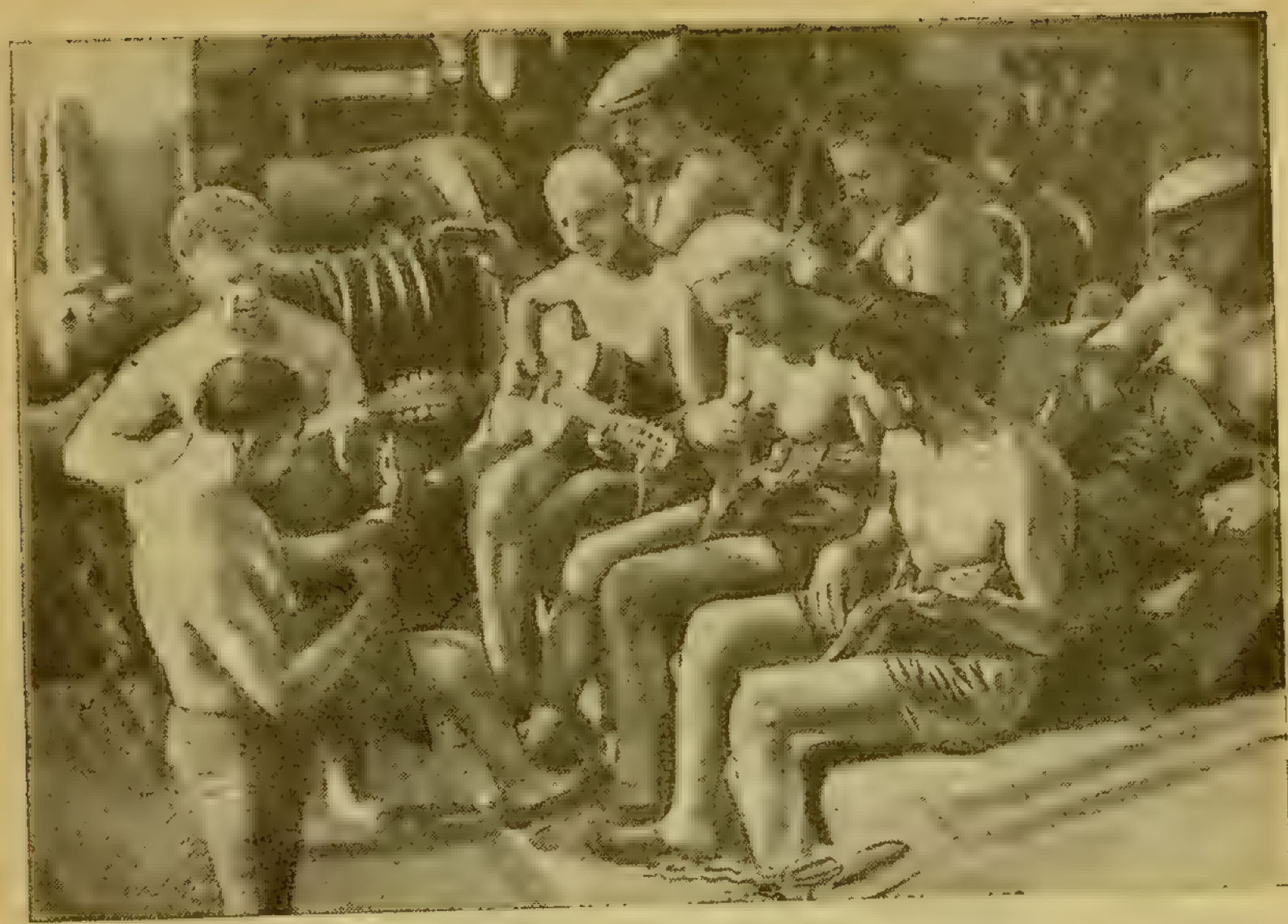
Камбуз готовится к празднику. В нем стучат ножи, гремит разбрасываемая качкой кухонная посуда, на палубе, тщательно укрытое, лезет в гору подходящее на дрожжах тесто. Коки готовят команде много всяких сюрпризов.

Наша стенная газета выходит под разными широтами и в разных странах, но установкой своею нисколько не отличается от десятков тысяч своих соратников-стенновок, выходящих на советской земле.

«Судовая правда», непрерывно выявляя лучших ударников рейса, посвятила им октябрьский номер. Семнадцатую годовщину Великой пролетарской революции мы встретили на пути из Коломбо в Сингапур. Посвященный знатным людям нашего судна, номер стенгазеты, несмотря на сильный шторм, вышел во-время. В каждом номере обычно отмечалось место его выпуска. На октябрьском номере была надпись: «Бенгальский залив».

Очерки о лучших механиках, штурманах, матросах, кочегарах, поварах, об усердном попечителе судовых свиней — матросе Никитюке — писали для октябрьского номера те, кому наиболее близко приходилось соприкасаться с работой описываемого ударника. Праздничный номер был обилен фотоснимками. К каждому очерку прилагался портрет. Все наши ударники были засняты голыми, в одних лишь трусиках. И никого это не удивило. Ведь мы шли тропиками и незадолго до того, как пересекли тропик Рака, отказались от одежды. Лишь трусики да деревянные колодки составляли одежду каждого.

Музыканты, певцы, танцоры, рассказчики — наши матросы, кочегары, угольщики, машинисты — в свободные от вахты часы репетируют, готовятся к вечеру самодеятельности.



В Бенгальском заливе шла подготовка к празднованию годовщины Великой пролетарской революции. Судовой оркестр разучивал новые мелодии.

Оркестр разучивает новые мелодии, дирижирует помполит Мушков. По такому случаю, как празднование годовщины Великой пролетарской революции, вооружается гитарой и капитан. Оркестр обещает быть мощным.

Матрос Панов, наш лучший пропагандист, подготовил серию диапозитивов на тему о великом Октябре. Он готовится к докладу, чтобы, как всегда, иллюстрировать его экраном.

Портреты Ленина, Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова и других вождей украшают корабль.

Радист силится что-либо изловить в капризном эфире, чтобы преподнести команде сюрприз. Как бы хорошо было принять лозунги Центрального комитета партии к годовщине Великой пролетарской революции! Ничего не получается. Мы подбираем соответствующие моменту и нашей работе выдержки и цитаты. Они — в стенгазете, на стенах красного уголка и в коридорах, а вечером, когда стемнело, лозунги вспыхнули и на экране, увеличенные объективом проекционного фонаря.

Вслед затем на экране появляются диапозитивы, последовательно иллюстрирующие проведение октябрьского переворота. Вот Ленин произносит речь с броневика. Он призывает пролетариат к вооруженному восстанию. Вот и само восстание: Зимний дворец, юнкера, залп «Авроры», штаб революции — Смольный, рабочие, солдаты, моряки.

...Помполиту Мушкову не сидится на месте не потому, что качает пароход, но оттого, что картины прошлого волнуют его. Мушков стал припоминать, как совершался октябрьский переворот в Петрограде.

— Я, — рассказывал Мушков, — был в числе первых бравших баррикады, за которыми укрылись защищавшие подступы к Зимнему дворцу юнкера.

...Юнкера, офицеры, полицейские. Для нас, молодежи, все это покрыто пылью истории. Наше новое поколение не видело их своими глазами, а знает о них только из книг, понаслышке.

Но здесь, на чужих берегах, нас словно вернули в прошлое. Слушая рассказ Мушкова, мы живо представили себе и офицеров, и полицейских, и весь тот кошмарный произвол, от которого освободил трудящихся нашей страны великий Октябрь. Все собравшиеся на трюме моряки напряженно слушали и вместе с Мушковым переживали героические эпизоды.

— А парад сегодня на Красной площади был, вероятно, замечательный, — мечтает вслух кто-то, уносясь мыслями к далекой родине.

— Товарищи, предложение.

Все затихают. Только волны неукротимого Бенгальского залива стучатся в наши борта.

— Товарищи, мы можем сейчас перенестись на Красную площадь и увидеть мощную демонстрацию. Правда, не ту, что происходит сегодня, а более позднюю — июньскую 1934 года.

Сущность предложения сводится к тому, чтобы продемонстрировать на экране последнюю часть кинофильма «Герои Арктики», имеющегося у нас на борту. Часть эта — заключительный эпизод эпопеи челюскинцев. В ней показано их прибытие в Москву,—на Красную площадь.

Единогласно решено просмотреть последнюю часть этого кинофильма.

Перед нами зубчатая кремлевская стена, мавзолей Ленина, на трибуне мавзолея великий вождь народов товарищ Сталин в окружении своих соратников. Танки, броневики, летчики — герои Советского союза, знакомые лица челюскинцев; вот капитан Воронин, передающий товарищу Сталину ленту с надписью «Челюскин»...

...Чем закончился на пароходе торжественный день, посвященный празднованию октябрьской годовщины? Одни жалели, что мы находимся в море, не в иностранном порту. Там хорошо бы зажечь на мачте красную звезду. На палубе можно бы сыграть и спеть «Интернационал» и другие революционные песни.

А сейчас в открытом море по воле стихии пляшет пароход, а на палубе отплясывают лихо люди, льются под небом тропиков песни, зачитывается вслух помещенный в стенгазете фельетон о нашем пребывании в Коломбо.

Итак, проведено пять дней
Под солнышком Цейлона,
Где давит на цветных людей
Британская корона.

Для нас Коломбо — темный лес,
А тут еще нагрузка —
К нам липнет каждый сингалез:
— Эй, русска, русска, русска!

В праздничном фельетоне не забыты кое-чьи прегрешения. В частности, достается второму механику — Гречко. Он нарушил приказ капитана, «по доброте душевной» отпустил с судна в город нарушителя дисциплины, лишенного берега. Под общий хохот прочитываются строки о добросердечном механике:

В Коломбо съевши ананас
И закусив бананом,
Гречко вдруг отменил приказ,
Что издан капитаном.
Еще дней пять здесь постоять —
Гречко в пылу восторга
Приказы стал бы отменять
И короля Георга.

...Темно. Жарко. Поздно. Коки тащат новую партию пирожков и усиленно рекомендуют их собравшимся на торжество свободным от вахты морякам.

Но все наелись вдоволь. Даже танцовать трудно — отяжелели.

В полночь сменяется вахта. Отмывшись и сменив наряд, точнее — надев чистые трусики и набросив по случаю праздника майку или безрукавку, садится за стол и начинает пиршествовать вторая смена.

На другой день нас ждал сюрприз. Много было радости, когда, прорвавшись сквозь недоступные радиоволнам зоны, радисту удалось принять сообщение с родины — речь товарища Ворошилова на Красной площади и описание октябрьских торжеств в Москве. Стенгазета выпустила экстренный бюллетень. Весть о его предстоящем выходе быстро облетела судно. В каюту редактора то и дело забегали любопытствующие поскорее узнать новости из своей страны.

Прошло еще три однообразных дня, еще три ночи.

Днем мы видели летучих рыб да туши резвящихся дельфинов. По ночам рыба залетала к нам на огонь и распластывалась на палубе. Наверху, на юте, уже сушилось на веревке несколько экземпляров летучки. Моряки везли их для показа в своей стране.

Вечером десятого ноября «Серго» вышел из Бенгальского залива в Малаккский пролив. Прошли мимо группы островов Рондо, которые, как могильные памятники, одиноко возвышаются над морской пустыней. Эти острова похожи на голые скалы, лишь один, наиболее крупный остров, весь утопает в тропической зелени — роскошны и обильны покрывающие его пальмы.

Справа от нашего борта появляется берег, и раскачивание судна прекращается. Это — Суматра, принадлежащий Нидерландам большой остров на западе Малайского архипелага. Суматра входит в архипелаг Больших Зондских островов. В бинокль мы различаем первобытные тропические леса, которыми богата Суматра, видим гористую поверхность и вулканы.

Хозяева острова — голландцы, — так же как англичане, покорили живущих на нем малайцев, чтобы овладеть богатствами Суматры — золотом, медью, цинком, оловом, нефтью, плантациями табака, кофе и каучука.

Утром одиннадцатого ноября перед нами возникает весь в пальмах мыс Диамонд.

Затем снова проходят два ничем не замечательных дня. Небо, вода и долгие зимние тропические ливни.

На девятые сутки по выходе из Коломбо, в рассветный час, пароход становится на якорь на рейде Сингапура. Но сквозь свинцовую завесу ливня трудно разглядеть, что впереди. К девяти часам утра ливень идет на убыль. Вырисовываются контуры стоящих на рейде судов, зданий и пальм на набережной. Мы — в Сингапуре.

6 –2178

СИНГАПУР

Гибралтар Дальнего Востока. — Как Япония завоевывает индийский рынок. — Английские инженеры заинтересовываются советскими моряками. — В гостях у мистера Хилла и мистера Хэрригена. — Русский плантатор Федор Батиха. — Люди с другой планеты. — Льды в тропиках. — Как сингапурцы приняли фильм «Герои Арктики». — Мистер Пэк. — Питомец пекинского университета ищет сенсаций. — Американский радист Люис Маркович. — Как выглядят большевики. — Увеселительный сад, или ночная ярмарка. — Шипчандлер Болтер. — Артисты Хармстон-циркус. — Шлюпка у борта.

«ГДЕ я, о, где я, друзья мои! Куда бросила меня судьба от наших берез и елей, от снегов и льдов, от злой зимы и бесхарактерного лета! Я под экватором, под отвесными лучами солнца, на меже Индии и Китая, в царстве вечного беспощадно-знойного лета. Глаз, привыкший к необозримым полям ржи, видит плантации сахара и риса; вечнозеленая сосна сменилась неизменно зеленым бананом, кокосом; клюква и морошка уступили место ананасам и мангу. Я на родине ядовитых перцов, пряных кореньев, слонов, тигров, змей...»

Разрешите оборвать на этом фразу писателя Гончарова, который приведенными выше строками начал описание своего приезда в Сингапур на фрегате «Паллада» восемьдесят лет назад.

Очень много перемен произошло за этот срок в Сингапуре. Но кое-что осталось без изменений.

Поэтому для описания первых часов стоянки на рейде нашего парохода можно воспользоваться впечатлениями автора «Фрегат Паллада». Беру еще несколько строк из этого произведения.

Итак:

«...В каюту толпой стали ломиться индийцы, малайцы, китайцы с аттестатами от судов разных наций, все портные, прачки, комиссионеры. На палубе — настоящий базар; разноплеменные гости разложили товары, и каждый горланил на своем языке, предлагая материи, раковины, обезьян, птиц, кораллы.

Я заглянул за борт: там целая флотилия лодок, нагруженных всякой всячиной. Более всего фруктами. Ананасы лежали грудами, как у нас репа и картофель — и какие! Я не думал, чтобы они достигали такой величины и красоты...»

Шлюпочные торговцы, портные, комиссионеры потянулись на советский пароход точно так же, как их предтечи — к историческому фрегату. Обернутые ситцевыми юбками, вооруженные зонтиками, они протягивали нам аттестации, раздобытые ими на советских судах, заходивших в Сингапур. Одну из них нельзя было читать без улыбки.

«Что ж, землячки, — писал в своей рекомендации местному портному советский штурман, — заказать костюм можно, шьет он недурно, но рекомендую основательно с ним торговаться».

Шлюпочные торговцы здесь не удовлетворяются стоянием под бортом судна, как это было в Коломбо. Они выгружают свои товары со шлюпок на палубу парохода, аккуратно раскладывают их, и через несколько времени оба борта напоминают собою базар.

Впрочем, весь Сингапур — этот проходной двор на стыке между Индией, Китаем, Малаккским полуостровом, Австралией и Сиамом — представляет собою огромный базар, в котором хозяева колонии — англичане — заняли в торговле первое место, предоставив другое после себя не основным жителям этой страны — малайцам, а многочисленным китайским коммерсантам, населяющим Сингапур.

В Сингапуре полмиллиона жителей, из них триста тысяч — китайцы, на втором месте малайцы, дальше — индусы, сиамцы и всего лишь пять тысяч европейцев.

Сингапурское утро начинается жужжанием моторов парящих в воздухе самолетов. Они пробуждаются к жизни, когда спят еще даже китайские, малайские и сиамские кули, которые в поисках заработка рано начинают свой трудовой день.

Жужжат моторы реющих над морем и городом самолетов, солидно выглядят оборудованные по последнему слову техники форты, ослепляют белизной словно из слоновой кости выточенные боевые корабли, изысканно одеты офицеры колониальных войск, непринужденно вертящие в руках стэк или тросточку; выделяются вымуштрованные солдаты и матросы королевской армии и флота. Их много в Сингапуре — одной из крупнейших в мире военно-морских баз, оплоте британского империализма на Востоке.

Сингапур — единственный проход через стену скал, отделяющую Тихий океан от Индийского. Весь транспорт между этими двумя океанами должен проходить через Сингапур.

Но это не все. Природа еще более обезопасила его, окружив предательски опасными течениями и проливами. Ни одно судно не может пройти через пролив без английского лоцмана.

Тайны этих течений строго охраняются. В лоцманы берут только чистокровных англичан. Они держат в своих руках ключи от пролива. Судно, пытающееся пройти через пролив без такого лоцмана, разбивается течениями в щепы.

Для укрепления стратегической позиции всемерно использованы природные условия. База отодвинута в защищенное ущелье Жохор, в двадцати четырех километрах к северу от Сингапурского порта. За проволочными заграждениями тысячи тамильских и китайских кули строят громадные молы, набережные и доки.

Газета «Чайна пресс» приводит сообщения о том, как «вербуется» рабочая сила для укрепления мощи английского империализма на Дальнем Востоке:

«В начале 1935 года в китайской части города Шанхая была обнаружена секретная организация, занимавшаяся вербовкой кули и нелегальной перевозкой их в Голландскую Индию и на Малайский архипелаг. При облаве в одном из буддийских храмов в Наньдао полиция захватила ряд документов, вскрывающих деятельность этой компании работорговцев. Газеты указывают, что в документах между прочим говорится, что завербованные кули перевозятся в тропики, где «идут большие работы». Под «большими работами» в тропиках подразумеваются английские военные приготовления в

Рабочие Сингапурского королевского дока, принимавшие участие в ремонте машин «Серго».

Сингапуре и Северной Австралии, японские приготовления на Марианских и Бонинских островах, а также приготовления на островах Гуам и Гаваи.

Работорговцы заняты поставкой китайских кули по заказам военных подрядчиков этих держав. Доброволь-

ная контрактация рабочих в тропики совершенно исключена. Болота и джунгли Сингапура уносят тысячи жизней во время каторжных работ по пояс в гнилой воде, в тучах ядовитых комаров и т. д. Рабочие гибнут от лихорадки, солнечных ударов и эпидемий».

Мировая пресса уделяет много внимания сингапурскому строительству и сообщает немало интереснейших подробностей о том, как создает Британия свой панцырь на Тихом океане.

Австралийская «Чэрн таймс», выходящая в Сиднее, пишет, что «механические лопаты, автоматические экскаваторы, бетономешалки и копры для забивки свай изменили местность до неузнаваемости.

Закончена постройка пристаней длиною около двух километров, могущих принять самые крупные суда. Здесь один из самых больших в мире сухих доков — 40 метров в ширину, 12,4 метра в глубину и 310 метров в длину.

Неподалеку находится бассейн длиною в 465 метров, расположенный у входа в главный канал. Платформы, движущиеся краны, мастерские, административные здания, жилые кварталы преобразовали девственные джунгли в промышленный центр.

Буксирные пароходы деловито снуют взад и вперед, и величайший в мире пловучий док устанавливается посредине канала. Части этого дока были построены в Англии, привезены на буксире в Селетар и там собраны.

Мыс Чанги и группа островов сторожат выход к малайским государствам. Под прикрытием буйной естественной растительности люди, специально выписанные из Англии, строят площадки для орудий».

Вдоль берега установлены большие прожекторы, и их мощные лучи смогут превращать ночь в день. Все это сделает Сингапур одной из крупнейших в мире океанских крепостей.

По сообщению английского журнала «Арми Неви енд Эйрфорс газет» от 28 марта 1935 года, «кроме израсходования в 1934/35 бюджетном году 7 325 тысяч фунтов стерлингов, на сооружение сингапурской базы будет ассигновано еще 7 500 тысяч фунтов стерлингов. Увеличивается численность английского гарнизона в Сингапуре и воздушных сил. Последние состоят из шести эскадрилий бомбардировщиков — летающих лодок. К

концу 1936 года должно быть закончено строительство сухого дока, оборудование пловучего дока, мастерских, строительство казарм и организация службы противовоздушной обороны.

Теперь в Сингапуре работает новая радиостанция, поддерживающая непосредственную связь с военным министерством в Уайтхолле (Лондон). Склад горючего хранит 1 250 тысяч тонн — запас, которого хватит крупному флоту на полгода».

Проникновение Японии в Сиам, строительство японских военно-морских и авиационных баз в Южнокитайском море, непосредственная угроза Сингапуру вынуждают англичан искать новые пункты для своих авиационных баз, которые не находились бы под непосредственной угрозой японского флота и авиации.

И английское министерство авиации, по сообщению журнала «Эроплейн», намерено проложить воздушный путь Сингапур — Гонконг, через остров Борнео и Филиппинские острова. На острове Борнео намечено шесть пунктов для оборудования аэродромов. Новая воздушная линия, по утверждению «Эроплейн», будет продолжена и составит часть воздушного пути из Соединенных штатов в Сингапур (через Гонолулу, остров Уэйк, Токио и Шанхай).

Проектируемая воздушная линия прокладывается в обход Банкока (столица Сиама) и Французского Индо-Китая.

Но пока Англия ищет обходных путей и выбирает новые пункты для своих авиационных баз, японский империализм на корню разрушает задумываемые ею планы. Чтобы быть поближе к Гонконгу, Япония предложила Португалии двадцать миллионов фунтов стерлингов за португальскую колонию Макао (остров Макао и два островка, Тайпа и Колоан, расположенные неподалеку от Кантона, в сорока милях к западу от Гонконга). «Обладание Макао, — пишет корреспондент, — создало бы для Японии опорную позицию в Гуандуне, и Сингапур стал бы для нее достижимым с воздуха. В настоящее время Гонконг дает Англии ключ к Китайскому морю. Японцы в Макао могли бы закупорить Гонконг и стать подлинными господами положения в восточных водах».

Теперь, получив некоторое представление о значении

Сингапура и о борьбе империалистов вокруг него, пойдемте, читатель, на улицы города, по которым восемьдесят лет назад шагал наш соотечественник — писатель Гончаров.

В Сингапуре набережная — Джонсон Пиир — никаких типичных для портовой улицы особенностей не сохранила. Это большая, широкая, сплошь асфальтированная улица большого города с каменными зданиями по одной стороне.

По другую сторону Джонсон Пиир отличная, недавно сооруженная каменная пристань, стена стоящих вплотную один подле другого автомобилей. Для машин расчерчены на тротуаре несмываемой белой краской клетки, и каждый авто должен стоять на точно отведенной ему для этого площадке.

Вдоль набережной бегут троллейбусы; местные жители зовут эти некрасивые серые коробки трамваями. Вагон ведет темнокожий вожатый в чалме и юбке. Внутренность трамвая может служить маленьким зеркалом национальной и колониальной политики империи. Вагон троллейбуса разделен на две части. В одной — восемь мест для европейцев, за перегородкой сидят темные. В их отделении проезд обходится дешевле на один-два цента.

Гончаров, прибывший сюда восемьдесят лет назад на фрегате «Паллада», писал:

«На берегу нас встретили фиакры (легкие кареты, запряженные одной маленькой лошадкой, на каких у нас ездят дети). Мы однакож ехать не хотели, а индийцы все-таки шли за нами. Между тем мы не знали, куда итти: газ еще туда не проник, и на улице ни зги не видно. Пошли налево: нам прекратила путь речка и какой-то павильон; на другой стороне мелькали огни, освещавшие, повидимому, ряды лавок. Мы знали, что есть и мосты, но как попасть на них?»

В наши дни увидеть в Сингапуре лошадь можно разве лишь на ипподроме, на берегу же нас встретили фиакры нашего столетия: они фырчали моторами марок Форда, Аустина, Зингера, Ситроена и Паккарда. Их кучера, то бишь шоферы, настойчиво звали каждый в свою машину, а вместо индийцев, состоявших в далеком прошлом при фиакрах, неотвязно шли за нами полчища китайских рикш.

Улицы Сингапура освещаются теперь электропрожекторами, река, носящая имя города, не преграждает боль-

В Сингапуре. Малаец-полисмен регулирует уличное движение при помощи крыльев, прикрепленных к его спине.

ше путь ни пешеходу, ни ездоку. Сеть отличных мостов свисает над Сингапур-ривер — рекой Сингапур, в которой от обилия лодок так же тесно, как на автомобильной стоянке от машин. Улицы Сингапура одеты в асфальт, наводнены автокарами, троллейбусами, автобусами, рикшами. Если бы не отсутствие стекол в окнах квартир, не кокосовые пальмы, вечная жара и черные полисмены, регулирующие уличное движение с помощью крыльев, прикрепленных у них за плечами, некоторые улицы Сингапура ничем не отличались бы от европейских. Китайские кварталы Сингапура по своей архитектуре, по внешности лавок и обитателей не отличаются от улиц в самом Китае.

Мы проходим мимо множества магазинов и почти всегда видим одну и ту же картину. На грудах товаров одиноко дремлют забравшиеся на них с ногами продавцы. Кажется, что в этом тропическом зное и безмолвии они потеряли надежду заполучить покупателя. Но вот вы входите в магазин. Куда девался сон! Хозяин вскакивает, включает штепсель, начинает работать опахало или вращаться приносящий прохладу пропеллер. Вас усажива-

ют, заваливают товарами. И на всем, на каждой безделушке вы замечаете непременную марку «Made in Japan» («Сделано в Японии»).

Сингапур — беспошлинный порт, и японский демпинг здесь чувствуется на каждом шагу. Магазины завалены японскими изделиями, и все, начиная от тропического пива с глицерином вплоть до японских автомашин, можно купить в этом городе за бесценок.

Японские товары вытеснили все остальные. Туземцы толпой устремляются к японским прилавкам.

Мы уже упоминали, что здесь, на Малаккском полуострове, коренное население — малайцы — в торговле почти никакого участия не принимает. Коренное население колонии находится в наихудшем экономическом положении. Малайцы работают в качестве прислуги, шоферов, полисменов, садовников, и лишь недавно губернатор и высший комиссар Стрэйт-Сеттльмэн и всего Малаккского полуострова мистер Шенттон Томас кинул подачку малайской интеллигенции. Ее начали принимать на работу в учреждения с окладом не выше пятидесяти-шестидесяти сингапурских долларов. Но на казенной службе малайцы могут занимать лишь мелкие должности. Все более или менее крупные посты принадлежат англичанам, получающим здесь, в колонии, от трехсот до восьмисот долларов. Англичанин-управляющий получает до двух тысяч долларов.

Еще Гончаров писал о том, что европейцы приезжают сюда исключительно для «стяжания». Даже английский солдат и матрос свою службу в колонии рассматривает как путь к стяжанию. Конечно лучше получать в день три шиллинга на всем готовом, чем оставаться безработным у себя на родине.

Сингапурский рабочий в праве позавидовать колониальному солдату. Ведь рабочий получает наполовину меньше, не имея при этом ничего готового — ни квартиры, ни пищи, ни одежды.

«Живут же люди в этих климатах, и как дешево. Одежда — кусок полотна или бумажной материи около поясницы — и только. Все остальное — наруже. Ни сапог, ни рубашек. Пища — горсть риса, десерт — ананас, стоящий грош».

К этим словам Гончарова следует добавить, что рис местные рабочие едят самый дешевый, самого плохого

сорта. Иначе на ежедневную горсть риса нехватит получаемой заработной платы.

Мировой кризис крепко обрушился на эту колонию. В последние два года Сингапур узнал чудовищную безработицу. Она распространилась даже на англичан, потому что начали трещать законтрактовавшие их фирмы.

С некоторых пор, чтобы не увеличивать количество безработных, местные власти установили порядок, по которому новый человек, желающий въехать сюда на жительство, должен предъявить властям шестьсот долларов. Если же спустя некий срок он не приищет себе работу — его вышлют.

*

Восемь пройденных морей, встряска в Индийском океане, почти пятьдесят суток пути до Сингапура — все это изрядно расшатало машину «Серго». Вторая часть пути по бурным и опасным в декабре китайским морям требовала осторожности; пароходу пришлось дать ремонт в King's Dokc'e — Королевском доке.

Длительная стоянка в Сингапуре позволила нам основательно познакомиться с колониальными нравами, с жизнью и бытом этого города. В свою очередь многие из жителей Сингапура заинтересовались советским судном.

В газете «Сингапор фри пресс» появилась корреспонденция под заголовком «Своеобразный русский гость в Сингапуре». В ней сообщалось о приходе нашего судна, вышедшего из Черного моря и идущего к берегам Тихого океана, чтобы «возить серебро и золото, добываемое в Дальневосточном крае».

Когда выяснилось, что нам предстоит задержаться несколько в Сингапуре, где никаких препятствий к выходу на берег морякам не чинили, мы принялись тщательно знакомиться с этим большим, интересным городом.

Каждый вечер, возвращаясь с прогулки по городу на судно, наша команда, сбросив с себя одежду, немедленно собиралась на палубе, и все сообща делились впечатлениями о виденном в Сингапуре.

Разговор зашел однажды о культуре. Говорили о сплошном асфальте, об отличных дорогах, о чистоте заводских цехов, о зелени во дворе завода, о хорошо оборудованных душах для рабочих.

— Культура!—иронически протянул механик Вдовин.— Какая же это культура, когда здесь на людях ездят!

В Сингапуре с рикшами обходятся жестче, чем в Коломбо; потому ли, что здесь их слишком много, китайских кули, или оттого, что городской транспорт здесь мощнее, чем в Коломбо, но нередко мы видим на улицах Сингапура, как в тележку рикши взгромождаются двое упитанных англичан или совершают в ней семейное путешествие нагруженные покупками муж, жена и двое детей. И все это за десять-пятнадцать центов.

Сингапурские рикши были на нас, русских, в обиде. Все иностранцы, прибывающие в эти края, считают своим долгом, хотя бы экзотики ради, прокатиться в повозке, запряженной человеком, а вот русские упорно почему-то не желают, будто с них запрашивают лишнее.

Мы, советские граждане такую поездку считаем унижением человеческого достоинства!

Но вот прибыл немецкий пароход с туристами. И все они — поголовно — вскарабкались на повозочки, запряженные людьми. И даже дамы, совсем как англичане, пихали рикш в спину зонтами и каблучками, если те бежали недостаточно быстро.

Но однажды советские моряки дали заработок рикше.

Наш пароход находился в ремонте. Он стоял, прикасаясь бортом к причалу. Русские закупили хлеб для команды и, чтобы подвезти его вплотную к пароходу, погрузили свою покупку на легонькую повозку рикши.

Китаец в трусиках и широкополой остроконечной соломенной шляпе, типичной лошадиной шляпе, легко вез на себе кубики белого хлеба.

Рикше хорошо заплатили и позвали его обедать.

В тропиках команда судна предпочла своей душной столовой открытую палубу. За длинным столом рядом с собою моряки посадили рикшу. Он был чрезвычайно смущен: белые люди так не поступают с желтолицым рикшей, человеком-лошадью. Что-то здесь неладно.

Перед ним положили прибор— ложку, вилку, нож. Поставили тарелку жирных щей, придвинули корзинку с нарезанным хлебом, тем самым, что он сюда привез в своей красной повозке.

Рикша не на шутку смутился. Он улыбался, оглядывал всех сидевших за столом и не притрагивался к пище.

Моряки мимикой приглашали его приняться за обед.

Сингапурский рикша везет в своей тележке одновременно двух пассажиров.

Бедняга не знал, как ему поступить. Конечно это высокая, не снившаяся ему честь—сидеть за одним столом с белыми людьми. Но что делать с этими металлическими предметами ему, привыкшему поедать свою чашку риса при помощи палочек?

Щи пахли вкусно. В них лежало мясо. Часто ли может себе позволить отведать его рикша! Но как приступить к еде?

Кто-то придвинул к нему вплотную корзинку с белым хлебом.

Хлеб... Предмет роскоши, недоступный рикше. Он берет ломоть, обмакивает его в жирные щи и жадно проглатывает. Еще несколько кусков хлеба поглощаются тем же способом. Затем мясо. Доесть щи до конца он не может. От второго блюда отказывается. Не из деликатности. Просто непривычно так много есть. Да еще мяса, хлеба...

Пока он обедает, моряки развлекаются. Вахтенный матрос Фоменко изображает рикшу: он впрягся в повозку, где развалился Игнат Хазов — наш кочегар, изображающий английского лорда и потому выпятивший брюхо и важно зажавший в губах сигару.

Я снимаю эту сценку, рикша смеется, показывая свои крепкие белые зубы. Потом он встает из-за стола и долго кланяется — благодарит.

Несколько моряков, прощаясь с ним, крепко пожимают ему руку. Рикша окончательно ошеломлен. Снова мелькают его зубы, улыбки, поклоны.

Прошло несколько дней.

В городе, когда толпа рикш окружила советских моряков, один из них забежал вперед и смело протянул руку судовому радисту, потом матросу. Оба ответили ему пожатием.

— Ребята, это наш знакомый рикша. С парохода.

Все бежавшие за нами рикши взволнованно заговорили между собой по-китайски. Вероятно, они впервые видели, чтоб белый здоровался с рикшей за руку. И, должно быть, лишь увидев это, поверили своему собрату, что он действительно был посажен за один стол с белыми и обедал вместе с ними, как настоящий человек.

★

Несколько английских инженеров Сингапурского королевского дока — давнишние жители колонии —руково-

Матрос Фоменко впрягся в повозку рикши, а кочегар Хазов развалился в ней и закурил сигару, важно изображая английского лорда.

дили ремонтом машины нашего судна. Общаясь с нашим командным составом и моряками на протяжении ряда дней, они заинтересовались советскими людьми, с которыми многим из англичан довелось так близко встретиться впервые.

Они приглядывались к взаимоотношениям судового начальства с подчиненными, к внутренней жизни коллектива, к нашим запросам и поведению на чужом берегу.

На борт «Серго» стали заходить и инженеры, не принимавшие участие в ремонте нашего корабля. Они просиживали подолгу в кают-компании, задавали вопросы, касавшиеся главным образом жизни нашей страны. Иной раз по наивности задаваемых нам вопросов мы могли судить о невысоком политическом уровне этих овладевших техникой «африканизировавшихся» англичан. Длительное пребывание в колонии, повидимому, еще более сузило круг их интересов. Инженеры поэтому немало удивлялись, узнав, что любой из наших матросов или кочегаров свободно разбирается не только в политике Советского союза, но и в политике мирового масштаба.

Англичане не скрывали своего уважения к нашим морякам. Ведь каждый из них свободно мог ответить на любой вопрос, даже если он касался не советской системы, а политики родной инженерам Великобритании.

Наш машинист Юц, отличный знаток английского языка, жаловался на то, что его отрывают от основной работы по переборке машин посторонними вопросами. Но можно ли было не отвечать на эти «посторонние» вопросы людям, которые с неиссякаемым любопытством ловили каждое сообщение о неведомой им советской стране!

Когда заходило за горизонт солнце, переставали жужжать самолеты и тихий тропический вечер накрывал «город льва» (так в переводе с малайского языка звучит слово «Сингапур»), к борту парохода «Серго Орджоникидзе» одна за другой подъезжали несколько легковых машин.

Это сдружившиеся с нашей командой инженеры дока в своих авто приезжали за нашими палубными и машинными ребятами, чтобы вместе с ними совершить прогулку по Сингапуру.

Многие из нашей команды побывали в гостях у английских инженеров и всегда встречали в их домах самое внимательное и радушное к себе отношение.

Мне запомнился один разговор, происходивший ночью на палубе. Группа наших моряков делилась впечатлениями о вечере, проведенном в гостях у инженера мистера Хилла.

Им нравилась простота Хилла, откровенность в его высказываниях о советской стране, которой он пророчил огромное будущее. Нравилось его гостеприимство и еще то, что гостей обслуживал не слуга, а старшая дочь инженера — молоденькая мисс Хилл.

Моряки узнали все подробности о семье Хилл: жена инженера ушла к другому и осталась в доминионе; дочь Хилла — невеста молодого голландца, в этом году заканчивающего университет; сам Хилл посвятил себя воспитанию младших своих ребят.

Инженер, надо полагать, любит ребят. Нашему юнге, пятнадцатилетнему Васе, он всякий раз привозил пакеты со сластями, журналы и книги с картинками, а однажды, стащив полусонного юнгу с гамака, в котором тот спал на юте, поставил его перед собой и, не успел мальчонка еще притти в себя, инженер быстро измерил его вдоль и поперек складным металлическим метром и уложил обратно в гамак. А через два или три дня он подарил Васе сшитый по его мерке костюм.

Но к Хиллу мы еще вернемся.

Сейчас о мистере Хэрригене — инженере Кингс-дока, гостем которого в числе других людей нашего пловучего коллектива довелось быть и мне. Он приехал за нами однажды вечером и пригласил к себе, чтобы за ужином расспросить о жизни далекой, неведомой советской страны.

И мы увидели, как живет в колонии законтрактованный англичанин.

Мистер Хэрриген привез нас к утопавшему в тропической зелени одноэтажному особняку, застопорил машину и небрежно произнес:

— Мой бунгало...

Мы поднялись на несколько ступенек. Очень большая, со вкусом обставленная веранда. Черного дерева гарнитур, книжные шкафы, электрола, серия кресел и козеток, мягкий, рассеянный свет, ковры, пианино, десятки ящериц на потолке и стенах энергично охотятся за мухами и москитами.

Вдоль веранды четыре двери. Каждая из них в дру-

гую комнату. Китаец-бой суетится, сервируя стол в одной из них. Весь этот бунгало в четыре комнаты с верандой, с обстановкой и китайцем-боем одинокий мистер Хэрриген получает от завода в придачу к своей зарплате.

Первый четырехлетний его контракт подходит к концу. Хэрриген получит девятимесячный отпуск, проведет его на родине, затем снова вернется сюда, чтобы продлить контракт с заводом еще на четыре года, на этот раз конечно с надбавкой к зарплате. Если за весь этот срок будет отложена изрядная сумма, он сможет вернуться в Англию и жениться.

Чем развлекается европеец, которого жажда наживы пригнала к берегам Индийского океана, в страну вечного лета?

Нужно немного наблюдательности, чтобы определить и это.

Постоянного европейского театра здесь нет. В прекрасном помещении Виктория-театра время от времени гастролируют заезжие актеры балета, оперы, оперетты. Долго задерживаться им здесь не приходится: европейцев в Сингапуре немного, посетителей хватает на два-три спектакля. Приехал фокусник «великий Картер», как называл он себя в плакатах, наводнивших город. И эти наивные плакаты с распиливанием живой женщины, отрезанной, но говорящей головой, исчезновением слона на глазах у зрителей обеспечили раза два полный сбор неприхотливой публики, пришедшей поглядеть на чудодея Картера.

Гораздо охотнее, нежели театры и кино, европейцы посещают многочисленные клубы, балы, дансинги. На балы мужчины являются в белых бесхвостых фраках, напоминающих коротенькие тужурки. В сочетании с черными брюками эти светлые колониальные фраки выглядят куцыми и напоминают поварскую одежду.

В субботу рано заканчивается деловая жизнь, и европейское население спешит кто на бега, кто за город на спортивные площадки или в клубы. Вечером в дансингах танцы с китайскими и малайскими дансинг-герлс, по двадцать пять центов за каждый танец.

В Рафлес-отеле, самом дорогом и самом фешенебельном в Сингапуре, собирается вся европейская знать города. Разговор вертится вокруг истории одного английского капитана, купившего билет на бега и ушедшего в

плаванье. Сегодня разыгрывался приз шестьдесят пять тысяч долларов. Такие призы разыгрываются здесь четыре раза в год.

Капитан, находившийся в дальнем плавании, выиграл эти шестьдесят пять тысяч. Идет обсуждение, как поступит он с этой суммой. Если положит в банк, ежемесячно будет нарастать процент — триста долларов. Или, может, он вздумает стать владельцем пароходов. Их можно купить недорого. Их много стоит на приколе даже здесь — на рейде Сингапура. Но нет, это невыгодно.

Джентльмены пьют сода-виски и потеют в своих куцых колониальных белых фраках.

И все же, несмотря на подражание Европе, колония остается колонией. Вы, советский человек, чувствуете это с особой остротой. В троллейбусе вас нервирует перегородка, за которую не смеют войти темнокожие; в некоторых кино — плакаты, возвещающие о том, что доступ для темнокожих сюда воспрещен. Поэтому цены здесь намного дороже, чем в кинотеатрах для цветных.

Но где особенно резко выявляется во всей своей неприкрашенности колониальный пейзаж — это на окраинах Сингапура.

Мы видели, как живут здесь англичане. Им предоставляется для жилья если не целый коттедж, то номер в лучшей гостинице, номер из двух-трех комнат со всеми удобствами, какие только существуют в Рафлес-отеле.

Несколько иначе живут коренные жители — малайцы. По той же улице, где находится коттедж инженера Хэррригена,—она называется Пасир-панджан, что по-малайски означает «длинный песок»—если проехать к концу ее, вы увидите свайный поселок малайской бедноты. Здесь поверх зыбких болот, подобно избушкам на курьих ножках, стоят жалкие жилища, в которых не найти ни отличной мебели черного и красного дерева, ни громадных кроватей, занавешанных со всех сторон кисейным пологом для защиты от москитов.

Здесь, в гуще тропической растительности, нищета ужасающая. В этих бунгало лишь цыновка и несколько черепков составляют обстановку и утварь — все вместе. Малярия и тропическая лихорадка собирают здесь обильную жатву.

Мы говорили, что не все изменилось в Сингапуре со времени посещения города писателем Гончаровым. И это

«Малайские жилища, — писал Гончаров, будучи в Сингапуре, — просто сквозные клетки из бамбуковых тростей, прикрытые сухими кокосовыми листьями, едва достойны называться сараями на сваях». Жилища рабочих остались такими же, какими были при Гончарове — восемьдесят лет назад.

верно. Его описания туземных жилищ не устарели по сегодняшний день. Изменился облик города, ставшего цитаделью британской мощи на Тихом океане, но, как прежде, «малайские жилища — просто сквозные клетки из бамбуковых тростей, прикрытые сухими кокосовыми листьями, — едва достойны называться сараями, на сваях, от сырости и от насекомых тоже».

Такими были восемьдесят лет тому назад, такими же остались по сей день жилища коренного населения Малаккского полуострова — малайцев. То, что мы видели здесь, — это не только бедность и нищета. Это еще и полная беспросветность.

Но давайте сядем в троллейбус, затем пересядем в красный семиместный бус. Он привезет нас к противоположной окраине Сингапура — на Сиклап-род. Здесь — царство каучука. Густой лес резиновых деревьев вперемежку с непременными кокосовыми пальмами.

С раннего утра полуголые черные рабочие и работницы выходят на плантации. У каждого свой участок с определенным количеством деревьев. Под отвесными лу-

чами тропического солнца люди несколько часов делают на дереве сперва тонкий надрез ланцетом, подставляют чашку, куда стекает белый, как молоко, сок, затем снова обходят деревья и сливают в ведро сок из чашек.

Через несколько часов этот сок, уже переработанный в резиновый полуфабрикат находящимся под боком заводом, принадлежащим владельцу плантации, сушится на веревке, — он напоминает детские пеленки. В субботу хозяин отвезет его на резиновый аукцион, где представители европейских фирм скупают сырье для своих предприятий.

В субботу же черные рабочие и работницы получат свой недельный заработок. Его хватит на ежедневную горсть неважного риса.

Но не все рабочие плантаций сейчас при деле. Управляющий плантаций мистера Франкеля показывал нам участки, которые не обрабатываются.

— Из пятнадцати тысяч деревьев мы эксплоатируем лишь половину. Правительство, чтоб поддержать цены на резину, разрешило каждому плантатору пользоваться лишь пятьюдесятью процентами его деревьев.

Здесь, на плантациях Франкеля, я видел так называемые «однодолларовые участки». Это огороженный клочок земли, занимающий площадь трамвайного вагона. И на этом клочке сооруженная из неопределенных материалов хибарка, чуть больше собачьей конуры, крошечный огород и банановое дерево.

Перед управляющим арендаторы участков — китайцы и малайцы — в чем-то виновато оправдывались.

— Беда с ними, — говорил управляющий. — Не платят аренду. Должают.

Невелик сингапурский доллар — всего шестьдесят-семьдесят копеек. Но все эти люди — безработные, и немногие из них иной раз бывают обладателями нескольких центов. Мы проходим мимо поселка безработных. Оборванные китаянки, детишки с распухшими животами, малайцы, поневоле отвыкшие от работы и сидящие на солнцепеке подле своих «домов», наружные стены которых украшены снимками, вырезанными из газет, и плакатами.

Безнадежно и беспросветно здесь, на солнечной окраине «бананово-лимонного Сингапура».

★

На окраине Сингапура — Сиклап-род — проживает единственный в Сингапуре русский плантатор.

Вот история выходца из старой России беглого солдата царской армии — русского плантатора Андрея.

В 1912 году он заканчивал военную службу рядовым одного из полков, стоявших тогда в городе Никольске-Уссурийском на Дальнем Востоке. Через два месяца ему предстояло расстаться с казармой. Шестьдесят дней отделяли его от возвращения к родным полям Черниговщины.

Как раз в это время произошло событие, перекроившее всю его жизнь, загнавшее царского солдата в далекую тропическую страну. В Никольск прибыл авиатор Кузьминский.

Поглядеть полет сошелся весь город. Привели войска. Андрей, получив в этот день увольнительную записку, явился на аэродром. Он попал на глаза капитану чужой роты, напустившемуся на него с кулаками за то, что он якобы вышел из строя. Тщетно старался рядовой объяснить разъяренному капитану положение вещей. Офицер ударил его по лицу. Андрей пытался объясниться, но тотчас же получил вторую пощечину. Солдат развернулся и ответной пощечиной сбил капитана с ног. Офицер свалился наземь. Андрея арестовали и избили до полусмерти. Впоследствии он бежал из тюрьмы, где ожидал суда, и перешел границу.

В Маджо за несколько рублей японец снабдил его паспортом.

— Ты русский? — спросил он у беглого солдата. — Ладно! Будешь называться Андрей.

Солдат не возражал. Не все ли ему равно, как называться, только бы не знать каторги! Японец вместо печати приложил к паспорту намазанную краской монету, и с этого дня крестьянин Федор Иванович Батиха стал Андреем.

Несколько времени он прожил в Австралии. Затем перекочевал в Сингапур, где живет свыше двадцати лет. Он остался одиноким, не имеющим подданства.

Его потянуло к земле. Но в тропиках нет необозримых полей ржи, есть плантации риса, сахара, каучука. Андрей (будем называть его так) быстро переквалифицировался и, начав простым рабочим на плантациях, сей-

Дом плантатора Андрея. Справа — семья малайского рабочего, муж, жена и девочка Уме, приятельница Андрея.

час достиг поста управляющего каучуковыми плантациями и заводом при них.

Огромный, здоровый, загорелый, в широкополой плантаторской шляпе, трусиках и безрукавке, он ежедневно обходит плантации, где ему знакомо каждое дерево, где множество кокосовых пальм выросло от посаженных им два десятилетия назад кокосовых орехов. Химический процесс переработки каучукового сока в резину на заводе изучен и освоен им детально.

Короче говоря, черниговский крестьянин слывет в Сингапуре не последним специалистом резиново-каучукового дела.

...Бунгало Андрея Батихи состоит из трех комнат и веранды. В окнах нет стекол, и никогда не запирается ведущая с веранды в квартиру дверь. Автомобиль постоянно стоит подле дома, нет нужды брать его под замок. Здесь не знают воровства. Ведь Сингапур расположен на острове у южной оконечности Малакки. Вся площадь острова — пятьсот шестьдесят два километра. Не ускользнуть вору с этого клочка суши, окруженного со всех сторон водой.

В первой комнате, представляющей нечто вроде кабинета, мы увидели многотомную библиотеку, состоящую сплошь из английских книг. Техническая литература по вопросам каучуководства, история, беллетристика, книги по религиозным вопросам. В спальне занимающая едва не полкомнаты квадратная кровать, защищенная кисейным потолком и стенами. Это укрытие необходимо в Сингапуре, кишащем комарами и москитами. Здесь, на окраине города, кисейная броня не спасает от тропической мошкары. Приходится на ночь надевать москитник, чтоб наутро не проснуться совершенно опухшим.

Третья комната Батихиного бунгало — помесь столовой со слесарно-механической мастерской. В этой узкой продолговатой комнате в одном углу, прижатый к стене, стоит обеденный стол и шкаф с посудой. В другом конце комнаты станок, тиски, напильники, рашпили, серия молотков, клещей, гаек и сотни других деталей, собранных кропотливым хозяином за многие годы жизни и работы на плантациях и заводике.

В комнату вошла маленькая малайская девочка и следом за ней гладкошерстый рыжий кот. Андрей заговорил по-малайски. Девочку он называл Уме, кота — Пуци. Вы-

Малайский рабочий на каучуковой плантации.

сокий здоровяк-плантатор одной рукой легко поднял ребенка и, перебрасывая его с руки на руку, с грубоватой нежностью напевал:

— Уме-Уме-Уме-ме... Умемешка ты этакая!

Он опустил ее на пол и угостил вынутой из шкафа кистью винограда и большим мангустаном.

— А тебе что дать, Пуци?

Он заговорил по-малайски, кот поднял на него глаза и замурлыкал. Андрей бросил коту кусок жареной рыбы.

— Вот видите, Уме и Пуци большие мои друзья.

В этих словах сквозила горечь неразделенного одиночества человека, добившегося в чужой стране безбедной жизни. Он до сих пор мечтает о жене, обязательно «русской бабе».

Затем мы отправились осматривать плантации и завод, перерабатывающий резиновый сок в полуфабрикат.

Под пальмами лежали груды кокосовых орехов, и малайцы-рабочие, накинув длинные лассо на верхушки деревьев, сбивали их оттуда. Орехи падали на землю и не разбивались благодаря крепости окутывающего их густым слоем волоса.

Если сорвать с дерева еще зеленый орех и тотчас пить его сок, он прохладен, но, когда орех полежит несколько дней, молоко согревается и густеет.

Значение этого ореха в тропических широтах велико: его едят и люди, и животные; сок его пьют; из ядра его делают так называемое кокосовое масло; из древесины строят дома, листьями кроют их; из чашек ореха делают посуду. Наконец кокосовый волос, тот, что окутывает орех, служит обтирочным материалом (им широко пользуется завод, ремонтировавший наше судно); из этого волоса выделываются отличные метлы.

И когда мы ходили по высокой, до пояса, траве, между густых кокосовых пальм с развесистыми, длинными и острыми листьями и каучуковых деревьев, Андрей Батиха вспоминал полузабытые украинские песни и напевал их сперва тихо, потом во весь голос:

Ой, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким...

Быстро оборвав пение, он заговорил со мною, и его голос отражал какое-то внутреннее волнение:

— Сейчас декабрь. Там, в России, снег. Я не видел уже двадцать три года ни России, ни снега. Там сейчас ездят на санях, хрустят по снегу полозья, мужики ходят в полушубках и валенках, курят махорку. А здесь круглый год палит обжигающее солнце и вечно зелены

деревья. В тропиках зимой и летом — одним цветом. Тропики сильно старят человека. Если б вы знали, какая временами находит тоска по России. Ведь тут и по-русски обмолвиться не с кем. Говоришь по-английски, по-китайски, по-малайски. Несколько лет назад, когда в Сингапур еще разрешали въезжать белогвардейцам, заявились ко мне как-то два этих молодчика и говорят: ты, мол, русский, должен нас устроить на работу. Направил я их на плантацию в качестве рабочих. Должен вам сказать, что окончилось это для меня печально. Они чуть было меня не избили за то, что я поставил их на одну линию с темнокожими рабочими. «Подлец ты, — говорят мне, — русских офицеров с какими-то паршивыми малайцами смешиваешь». Ушли они конечно с плантаций. Позже я узнал — один из них уехал в Шанхай, поступил к Чан Кай-ши на бронепоезд. Там его и убили.

Стороной мы узнали, что Андрей Батиха, отличный знаток резинового дела, поддался существующему в капиталистических странах стяжательству. За годы своей жизни в Сингапуре он сколотил себе некоторый капитал.

Кто знает, не является ли его чековая книжка на несколько тысяч паундов (фунтов стерлингов) той гирей, которая в этом человеке перевешивает все — и любовь к родине, и тоску по ней и по оставленным там близким и родным!

★

«В Сингапуре нет мостовой, а есть убитые песком и укатанные аллеи, как у нас где-нибудь в парке. Ночью здесь ни зги не видать».

Это — выписка из Гончарова. Она явно устарела.

Сингапур, расположившийся на островке у оконечности Малаккского полуострова, у самого экватора, обошелся англичанам недорого. Он был им «уступлен» в 1819 году одним из малаккских султанов, которому они помогли утвердиться в своих владениях.

Улицы устроены с учетом местного климата. Зима здесь отличается от лета обилием осадков. Идут тропические ливни.

Между тем пешеход может передвигаться по улицам, почти не рискуя промокнуть насквозь. Архитектура домов здесь такова, что над первым этажом каждого здания устроен навес. Он опирается на мощные колонны и при-

крывает от дождя тротуар, предназначенный для пешеходов.

Здесь же, рядом с тротуаром, устроены широкие, отделанные бетоном водостоки. Сюда сбегает с тротуаров вода, в стремительном беге уносящая весь сор, обычно выбрасываемый пешеходами в эти каналы.

От изобилия влаги сырость здесь ужасающая. В магазине вам показывают обувь. Вынимают из коробки башмак, он весь запачкан зеленой плесенью. И это несмотря на то, что один-два черных уборщика с утра до позднего вечера почти непрерывно протирают замшевой тряпицей все находящееся в магазине — и обстановку, и товары.

В большом автомобильном магазине, где выставлены машины многих марок и стран, несколько малайцев упорно оттирают суконками плесень, образующуюся на кузовах, крыльях, колесах и кожаных диванах машин.

Однажды инженер Королевского дока мистер Хэрриген повез на прогулку нескольких наших моряков. Инженер посадил в свою небольшую машину вдвое больше людей, чем она вмещала.

— Вам неудобно, — сказал он, — но ничего, потерпите немного, сейчас исправим дело.

Он подъехал к автомагазину, обменялся несколькими фразами с владельцем его, и через несколько минут откуда-то из темного угла магазина была выведена большая легковая автомашина. Малайцы-уборщики с замшей в руках начали оттирать зеленоватую плесень, покрывавшую авто. Хэрриген сам вывел машину на улицу и предложил морякам пересесть.

— Сойдите, пожалуйста, с чужой машины и благоволите пересесть в мою собственную.

— Давно ли она стала вашей? — спросили его.

— С того момента, как я подписал вексель о доплате разницы в придачу к моей машине. Это произошло три минуты тому назад. — И Хэрриген, улыбнувшись, сказал: — Алло, ребята, не теряйте времени, рассаживайтесь. Теперь вам будет удобнее, эта машина гораздо просторнее. Мне предстоит еще многое показать вам в Сингапуре.

Хэрриген говорил, что давно собирался обменять свой автомобиль и мы послужили толчком к ускорению обмена.

Вначале нас поразила простота и легкость этого обмена. Задумано — сделано, никаких осложнений и препятствий.

— Так чему вы удивляетесь, чудаки! — сказал один из моряков своим товарищам.—У них же этих машин девать некуда. Перепроизводство. Кризис. Читали, небось, как в Америке сжигают целыми партиями немного устаревшие машины, а в Англии пускают на слом вполне пригодные пароходы, чтобы избавиться от лишнего тоннажа. Здесь мы только столкнулись с небольшим явлением, иллюстрирующим мировой кризис. Видали, какая пустота в автомобильном магазине? У нас бы эти машины долго не застаивались, плесенью бы не покрывались. Живо бы их раскупили.

Хэрриген, не понимая ни слова по-русски, спокойно вел машину вперед, чтобы показать морякам достопримечательности Сингапура.

Он и не подозревал, что спустя несколько дней советское судно и его люди станут для сингапурцев самой большой примечательностью и затмят такие сенсации, как предстоящий матч бокса, свадьба принцессы Марины с принцем Джорджем и многое другое.

Вот что произошло через несколько дней после нашего захода в Сингапур.

Мы заметили, что в колониальных странах не знают о Советском союзе и малой доли того, что известно о нашей стране в Европе и Америке. Все встречавшиеся с нами рассматривали нас, словно мы — некие марсиане. Учтя интерес к нашей стране и узнав, что никогда еще в Сингапуре не был показан ни один советский фильм, нам пришла мысль показать здесь имевшуюся на нашем борту кинокартину о походе и гибели «Челюскина», о спасении челюскинцев героями-летчиками.

Интерес к фильмам из русской жизни велик — это несомненно.

На фасаде крупнейшего в Сингапуре кино «Капитол» однажды появились объемные кремлевские купола, двуглавые орлы, огромные, в два этажа вышиной, фигуры казаков.

Демонстрировался фильм из русской жизни «Великая императрица». В роли Екатерины второй — Марлен Дитрих. Мы уже смотрели недели две назад в Коломбо одну русскую «клюкву». То был фильм, где действие разверты-

валось в период мировой войны. Поглядели «Великую императрицу», — всем клюквам клюква!

Колониальная публика, почти ничего не знающая о нашей стране, вначале было повалила на «Императрицу». Но, убедившись в том, что сия голливудская продукция ничего общего с интересующей ее страной не имеет, перестала посещать «Капитол». Через пять дней фильм сняли с экрана.

Тогда-то у нас и зародилась мысль об устройстве хотя бы нескольких просмотров «Челюскина». Ведь ни в Сингапуре, нигде на Малаккском полуострове никто не имеет представления, что такое советский кинофильм.

Английский цензор, не проронив ни слова, просмотрел все десять частей «Челюскина». Мы ожидали его заключения: запретит, разрешит, заставит сделать купюры?

Когда малаец-киномеханик окончил показ фильма, цензор, вынув трубку, произнес:

— Ол-райт! В вашем фильме три тысячи футов. За цензурный просмотр причитается двадцать долларов. Уплатите их, получите письменное разрешение и можете демонстрировать фильм в Сингапуре.

На просмотре в цензуре побывал репортер английской газеты. Этот искатель сенсаций в ближайшем же номере описал «русский пароход, вышедший из Севастополя, памятного по набегам «Геббена» и «Бреслау» в годы мировой войны, и после пятидесяти суток пути достигший Сингапура».

Сообщив читателям все подробности о капитане, о том, где построен пароход и для каких грузов он предназначен, репортер перешел к подробному описанию «арктик-фильма».

Чтобы дать представление о типе газетного работника чужого нам берега, попытаюсь набросать портрет этого репортера.

Среди умудренных опытом бандитов газетного пера Макс Бутлер еще желторотый птенец. Он появился в Сингапуре два года назад и попал в редакцию прямо со школьной скамьи. Отец Макса, ныне наполовину разорившийся сингапурский коммерсант, в период расцвета своих торговых дел отправил его воспитываться и учиться в Лондон.

Прошло несколько лет. Макс окончил среднюю школу и понял, что продолжать образование бессмысленно. Не

все ли равно, каким оставаться безработным — с высшим образованием или средним! К тому же отец сообщил Максу, что больше содержать его на стороне не сможет, и предложил вернуться в отчий дом.

Макс приехал в Сингапур, едва достигши двадцати лет. В этом возрасте английские мальчики из богатых буржуазных домов о заработке не думают и получают карманные деньги от родителей. Макс убедился, что при нынешнем положении дел от отца едва ли вытянешь на самое необходимое.

Он стал приискивать для себя работу и вскоре сделался репортером «Стрейтс таймс». Ему платили гроши, третировали и отправляли большую часть его продукции в корзину. Макс не унывал и не обижался: он сносил все превратности судьбы на первых шагах своей самостоятельной жизни. Он понимал, что другой работы ему не найти, а на отца расчеты плохи.

Лишь на прошлой неделе старший брат прислал ему из Лондона удручающее письмо. Уже второй год он, врач с дипломом, не может приискать себе нигде места, частной же практики не видать, как собственных ушей. Он нажаловался отцу на свою нескладную жизнь и закончил письмо просьбой о присылке нескольких паундов (фунтов стерлингов).

Отец посочувствовал ему, но вместо денег послал партию кокосовых веников. И приписал: «Дорогой сын, на сегодня это все, что я могу тебе послать. Веников у меня очень много, покупателей нет. Если найдешь покупателя, сообщи немедленно. Решительная цена — такая-то. Получишь комиссию. Твой отец».

Доктору удалось найти покупателей на экзотические метлы. Теперь он забросил свою медицину и совместно с отцом работает «на вениках».

Максу не улыбалась веничная перспектива. Пусть делает на них свой бизнес доктор. Макс же гонял с утра до вечера по городу, строчил или передавал по телефону заметки, входил во вкус ходовых тем, все меньше работал на прожорливую корзину, стоящую под конторкой редактора информации. Он несколько укрепил свое положение, и сейчас мы застаем его репортером утренней и вечерней газеты с окладом в сто двадцать сингапурских долларов в месяц.

— Это не деньги, а насмешка, — говорил он мне. —

Кокосовые пальмы приносят обильный урожай кокосовых орехов.

Но чорт возьми, терплю два года, потерплю еще и третий.

Он узнал первым о заходе советского судна в Сингапур и немедленно появился у нас на борту. Он ловил факты, чтобы тотчас же извратить или переиначить их.

Узнав, что в трюмах нашего судна среди различного груза имеется триста велосипедов для рабочих-ударников Дальневосточного края, он, не задумываясь, назвал их мотоциклетами.

— Мотоцикл — это звучит солиднее, — говорил он.

— Но ведь это неправда.

— Глупости! Никто к вам в трюм проверять не полезет.

Ему сообщили, что пароход построен для комбината, добывающего цинк, свинец, серебро. Макс не задумываясь отбросил цинк со свинцом и написал: «Этот пароход будет перевозить золото и серебро, добываемое на советском Дальнем Востоке».

Желторотый Макс пробрался и на закрытый просмотр цензором кинофильма «Челюскин». Цензор заявил ему, что ни один посторонний к просмотру допущен не будет.

Макс ни на секунду не опечалился. Он спокойно подошел к цензору, полушопотом сказал ему несколько слов и с видом победителя остался на просмотре.

Назавтра в газете появилось описание советского «арктик-фильма». И конечно же количество попавших на льдину челюскинцев со ста четырех человек в заметке Макса увеличилось до трехсот.

— Но ведь это неправда, Макс, — стал было снова доказывать я.

— Глупости! Никто их считать не станет. А триста человек на льдине — это звучит, чорт возьми, неплохо!

На вопрос, как удалось ему сломить упорство цензора и остаться на просмотре, он только пожал плечами и невинно произнес:

— Все это очень просто. Я лишь сообщил ему, что мне хорошо известно, с чьей женой он провел время в субботу после ипподрома. Сами понимаете, ему неинтересно попасть в газету как нарушителю супружеской верности, подобно Дугласу Фербенксу.

В эти дни газеты, захлебываясь, расписывали на первых полосах историю связи Дугласа Фербенкса с женой лорда Ашли, сына и наследника девятого графа Шафтисберри.

Продавцы газет держали в руках афиши с кратким изложением сегодняшних сенсаций:

Лорду Ашли разрешен развод. Подробности „Singapore Free Press“.

Дуглас Фербенкс наказан как совершивший преступление. Читайте сегодняшний „Стрейтс таймс“.

Макс Бутлер знал, чем воздействовать на цензора, меньше всего желавшего оказаться в положении голливудской знаменитости и стать добычей местных газетчиков. Вас, быть может, возмущает такой шантажный прием? Но это — всего лишь обычное явление в среде газетных работников того берега.

Макс еще желторотый птенец среди матерых бандитов

буржуазной прессы, но он уже воспринял их хватку. Пройдет год-другой, он постигнет тайны «настоящего» буржуазного репортажа, сумеет, как его старшие коллеги, отлично копошиться в чужом белье и добывать сенсации. О, только бы стать любимцем редактора информации, и тогда заработок в восемьсот или тысячу сингапурских долларов будет ежемесячно обеспечен. Что еще нужно уважающему себя сотруднику буржуазной «свободной» печати!

★

Но вернемся к нашему кинофильму.

С того момента, когда в газете появилась заметка желторотого Макса, сообщавшая о советском пароходе и советской картине, к месту нашей стоянки начали стекаться самые различные люди.

Каждая из этих встреч с людьми, жадно ловившими всякое слово, всякий факт о Стране советов, заслуживает подробного описания, настолько незаурядны и занимательны были беседы с нашими гостями.

Учтите при этом, что на полмиллиона жителей Сингапура приходится триста тысяч китайцев.

Клочок советской территории, наш «Серго», ставший в Королевский док для ремонта, оказался в центре внимания самых различных людей. Их гнала к нам одна общая цель: получить правильную информацию о далекой и неведомой советской стране.

В представлении жителей колоний люди из СССР — это люди с другой планеты.

Именно так рассматривал нас и мистер Ли Чун-енг — крупный китайский коммерсант, нефтеторговец, владелец складов, магазинов, также управляющий и компаньон крупной фирмы «The Great World» («Великий мир»), владеющей различными предприятиями и между прочим большим увеселительным садом «Грет Вол».

Мистера Ли заинтересовал советский фильм и русские, которых он никогда не видел. Но среди множества задаваемых им вопросов настойчиво пробивался один основной вопрос, всего больше интересовавший мистера Ли: можно ли торговать с Россией?

Мистер Ли очень сожалел, что наш узкопленочный фильм не может быть показан в «Грет Вол» («Великий мир») на большом экране (верный бизнес!). Затем он подробно расспросил нас о том, как приобрести в прокат

советские фильмы. Но не только фильмами интересовался он. Разговор происходил в кают-компании, где в честь прихода гостя сервировали стол. Закуски и вина были поставлены исключительно советские. Мистер Ли говорил, что ему, никогда не видевшему русских, очень хотелось бы знать, чем питаются и как едят эти загадочные для него люди.

Зернистая черная икра, советские рыбные, мясные и фруктовые консервы, осетрина, белуга и обыкновенная керченская селедка, шоколад «Золотой ярлык», крымское вино, водка, пиво и хорошие советские папиросы — вот, что было предложено нашему гостю, коммерсанту мистеру Ли, о котором наш судовой поставщик — сингапурский шипчандлер Болтер — отзывался как о весьма серьезном, умном и — главное — богатом предпринимателе.

По просьбе Ли Чун-енга ему показали несколько частей «Челюскина», затем пригласили к столу.

Это тоже был не лишенный интереса «фильм», который следовало назвать хотя бы так: «Колониальный коммерсант мистер Ли в гостях у большевиков».

Тщательно протерев шелковым платком свои очки, наш гость осторожно приглядывался к окружающему. То, что многие из сидевших с ним за столом советских моряков свободно объяснялись по-английски, очень понравилось Ли Чун-енгу.

Его пригласили отведать русских кушаний, предварительно извинившись за скромный ассортимент. Мы доедали последние запасы вывезенного с родины, ведь на исходе был второй месяц нашего пути.

Мистер Ли, встретившись с незнакомыми ему яствами (не забудем, что Ли — китаец, китайские же блюда резко отличаются от всех европейских), не растерялся: он лишь просил объяснений к каждому из них и, внимательно выслушав комментарии к зернистой икре или осетрине, клал в свою тарелку микроскопическую порцию того кушания, о котором ему только что была прочитана популярная лекция.

Так вот какими продуктами питаются эти загадочные русские! Мы предлагали мистеру Ли увеличить порцию то икры, то белуги, то консервированных крабов. С поклонами и благодарностями он принимал наши предложения. Но, отведав от всего понемногу, коммерсант стал тщательно рассматривать каждую консервную банку, про-

читывать этикетки, кстати напечатанные по-английски (для экспорта), и особенно интересовался ценами на все, что видел на столе: на икру, шоколад, папиросы, селедку и вина. Ему нужна была точная стоимость наших продуктов в сингапурских долларах.

Нам пришлось заняться примерной калькуляцией, переводом цен на валютные курсы и прочими исчислениями, чтобы удовлетворить нашего гостя ответом. Узнав стоимость икры, консервированных персиков, крабов и еще чего-то, мистер Ли нашел цены сходными и сказал:

— Прошу вас порекомендовать мне наиболее добросовестные фирмы, у которых я мог бы заказать несколько тонн этого товара франко Сингапур.

Пришлось прочитать мистеру Ли небольшую популярную лекцию о системе нашей внешней торговли.

Помполит Мушков подарил ему объемистую роскошно изданную иллюстрированную книгу «СССР строит социализм» с рисунками и подписями, сделанными на нескольких языках. Мистер Ли как зачарованный рассматривал бакинские промыслы, нефтепроводы и наконец вплотную подошел к главной своей теме.

— Нефть и керосин — эти предметы интересуют нашу фирму больше всего. И еще советские фильмы. Я прочитал в этой книге о размерах добычи нефти в вашей стране. У вас очень много нефти. И если бы представляемая мною фирма «Грет Вол» могла закупать нефтепродукты в вашей стране, о, сколь приятно это было бы моему сердцу.

Мы не сразу поняли, почему торговля с СССР была бы приятна сердцу мистера Ли. Между тем в разговорах о нефти мистер Ли стал самим собою: не столько гостем, сколько коммерсантом, дельцом. Он стремился получить точные сведения о стоимости нашей нефти, о способах ее транспортировки на Малаккский полуостров, о возможности организации в Москве представительства фирмы «Великий мир».

— Я знаю десять языков и охотно изучу одиннадцатый — русский, если можно торговать с вашей страной. Это было бы радостью для моего сердца.

Но при чем здесь все же сердце?

И Ли, осторожный, умный китаец, дал нам понять, что помимо прибылей для него существует еще нечто, в данном случае — его личные чувства. Приобретать то-

вары у англичан и японцев, которых он по ряду причин недолюбливает, приходится поневоле.

— Откройте нашей фирме рынок, дайте возможность получать советские товары — и ни один цент нашего капитала не будет употреблен на торговлю с англичанами и японцами.

Мы порекомендовали мистеру Ли Чун-енгу по всем интересующим его и его фирму вопросам о торговых операциях с СССР обратиться в Народный комиссариат внешней торговли в Москве.

Мистер Ли просил показать ему, как живут русские моряки на грузовом судне. Он с присущей ему внимательностью осмотрел каюты команды и комсостава. Всюду царила идеальная чистота.

Этому немало способствовал объявленный нашей стенгазетой «Судовая правда» в самом начале рейса конкурс на чистую каюту. В жюри вошли капитан, помполит, судовой врач и один матрос — член редколлегии. Выделили премии. И в продолжение всего почти рейса в каждом номере появлялся уголок с заметками судкоров и определением жюри, кто на первом месте, кто отстает и почему. Отстающим указывали, что надо сделать для исправления.

Недаром многочисленные экскурсанты, посещавшие наше судно, толковали о том, что редко увидишь пароход, где так опрятно содержали бы свое жилье моряки. Об этом говорили заходившие к нам моряки с иностранных судов. Они, привыкшие к душным и тесным общим кубрикам, проплеванным и прокуренным, были удивлены тем, что на советском судне даже матросы, кочегары, угольщики живут в каютах по два человека. Да еще в такой чистоте. На предпринимательских пароходах такой роскоши не допустили бы. Лишнюю судовую площадь хозяева отдают грузам, а не людям.

Когда осмотревшего ряд жилых кают, рубки, красный уголок и камбуз мистера Ли на юте приветливо встретила команда, от имени которой машинист Юц произнес несколько слов по поводу его визита к нам, глава фирмы «Грет Вол» был немало удивлен.

Машинист Юц в своем выступлении сказал, что мудрый Сталин учит нас дружбе со всеми, кто ищет нормальных политических и торговых отношений с нашей страной.

Мистер Ли произнес несколько ответных слов. Он благодарил за оказанный ему теплый прием, выразил свою радость по случаю первой в его жизни встречи с людьми из неведомой России, встречи, о которой у него навсегда останется лучшее воспоминание. Затем он заявил, что каждый работник судоэкипажа парохода «Серго Орджоникидзе» будет желанным гостем в саду «Грет Вол», администрация которого сегодня же получит распоряжение безвозмездно пропускать русских моряков в сад и все находящиеся на его территории зрелищные предприятия — театры, кино, цирк, эстраду.

Сфотографироваться на советском пароходе он отказался. Осторожность прежде всего. Ли должен помнить, что он хотя и капиталист, но китаец, что хозяева колонии, надменные бритты, рассматривают его как низшую расу.

Нет, уж лучше не документировать свое пребывание на советском пароходе.

Поблагодарив за теплый прием и снова передав судоэкипажу приглашение безвозмездно посещать увеселительный сад «Грет Вол», мистер уехал в своем авто, осторожности ради оставленном вдали от Королевского дока, чтобы не навлечь на себя и тени подозрения в сочувствии большевикам.

Через несколько дней он вручил капитану письмо, адресованное «господину министру советской внешней торговли в Москве».

Ли сообщал Наркомвнешторгу перечень товаров, интересующих возглавляемую им фирму, и просил об ответе.

Два вечера подряд мы крутили советский фильм на борту итальянского парохода «Ллойд Триестино». Администрация этого зашедшего в Сингапур судна, прочитав газетную заметку, обратилась к нам с просьбой показать «Челюскин».

В первый вечер фильм смотрел исключительно командный состав. Команда нетерпеливо дожидалась на палубе конца сеанса, чтобы узнать решение начальства: можно ли будет ей посмотреть советскую картину.

Итальянские судовые офицеры, смотревшие фильм, не поскупились на аплодисменты.

Капитан судна благодарил нас за большое удовольствие, доставленное показом фильма, сообщив при этом,

что не возражает против показа картины команде, если конечно это не представит для нас трудностей.

Вечером другого дня, прибыв на судно для показа фильма, мы увидели в зрительном зале меньшее количество людей, чем их было на судне.

— Заводской механик запретил рабочим присутствовать на сеансе, — сообщили нам по секрету моряки. — Этот фашист приказал им на весь сегодняшний вечер съехать на берег и не возвращаться до двенадцати часов. Они очень обозлились на него за это.

Рабочие и заводской механик находились временно на борту по случаю того, что судно впервые после постройки вышло в плавание.

Итальянские моряки хорошо знали об эпопее «Челюскина», так что переводить надписи почти не было надобности.

Когда на экране появился ледокол «Красин», спасший несколько лет назад итальянскую экспедицию Нобиле, вспыхнули долго не смолкавшие аплодисменты, повторившиеся с большой силой, когда наши зрители увидели великого Сталина, Ворошилова, Калинина, Молотова и других вождей.

После сеанса к нам подошел капитан и вручил исписанный лист бумаги. Это была благодарность за «предоставленную морякам возможность увидеть интереснейший фильм об историческом походе и спасении доблестных челюскинцев».

Слава о фильме прокатилась по Сингапуру.

Чего больше: даже забитые, отсталые колониальные рабочие — китайцы и малайцы, работающие в доке, — узнав о советском фильме, просили устроить для них сеанс.

На пароход между тем тянулись вереницей люди.

Под бортом «Серго» всегда стояли автомобили, привозившие к нам экскурсантов. Редкий час проходил без гостей.

Приехали представители местной китайской интеллигенции.

Отвечая им на десятки разнообразнейших вопросов, мы здесь же в кают-компании показали несколько частей «Челюскина».

Пришел мистер Пэк — крепкий шестидесятилетний мужчина, член банковской комиссии по ликвидации банкротств. Как всякий «африканизовавшийся» англичанин,

он получает высокий оклад и живет в отличном номере лучшего в Сингапуре Рафлес-отеля.

Мистер Пэк много читал о СССР. Но его, объездившего весь мир, потянуло самого поглядеть на страну, производящую необычайный эксперимент. Два года назад он купил в Лондоне билет до Ленинграда и семнадцать дней объезжал Советский союз.

Вернувшись в Сингапур, Пэк энергично взялся за изучение русского языка. Он выписывает советские книги, журналы и газеты. Усидчивость и упорство этого человека, на седьмом десятке осваивающего (и совсем неплохо) новый язык, достойны удивления и подражания.

— Берите пример с Пэка, изучайте с таким же упорством английский язык, как он изучает русский, — говорил судоэкипажу помполит Мушков.

Мистер Пэк был очень доволен представившейся ему возможностью практиковаться по русскому языку с русскими. Если Пэк плохо понимал сказанное ему по-русски, он обращался к говорившему с ним с просьбой:

— Пожалуйста, скажите это самое еще раз медленно. Я вас не понял.

Когда его спрашивали, где он собирается применять русский язык, уже не в Сингапуре ли, Пэк отвечал:

— О нет! В 1937 году, закончив свой контракт в колонии, я поеду работать в страну большого эксперимента, в Советский союз! Это уже решено. Ведь я отлично знаю стенографию, и для меня там найдется работа... Тем более, если я усовершенствуюсь в русском языке.

Незадолго до отхода «Серго» из Сингапура наш частый гость, член банковской комиссии по ликвидации банкротств, зашел на судно проститься с коллективом.

— Мистер Пэк, — сказал ему, прощаясь, капитан. — Вы интересуетесь советской литературой. Наш коллектив в знак теплого вашего отношения к нему просит вас выбрать для себя любую книгу из судовой библиотеки.

Он перебрал многочисленные тома, стоявшие на полках библиотечного шкафа, и унес книгу Безбородова «Большевики открыли Сибирь».

Вскоре не замедлил появиться ловец сенсаций — мистер Ванг.

Он пришел на борт советского парохода, церемонно поклонился и протянул нам свою визитную карточку. На ней было написано:

В тропическом лесу на окраине Сингапура. Справа — автор книги Макс Поляновский и с ним малайцы — рабочие каучуковых плантаций.

«Ванг Шен-чин. Сотрудник газеты «Син Чю Джит По» («Сингапурские новости»). Окончил национальный университет в Пекине».

— В Сингапуре полмиллиона жителей, из них триста тысяч — китайцы,— сказал он.— Наша китайская газета— самая распространенная в городе. Вы спрашиваете о ее направлении. Она демократическая, поскольку это возможно в английской колонии.

Ванг говорил, что нет материала, который интересовал бы читателя больше, чем информация о советской стране. О ней почти ничего не знают жители колоний. В разговоре он раза два упомянул о том, что окончил пекинский университет, и наконец обратился к нам с просьбой поделиться с ним сведениями о нашей стране.

Помполит Мушков указал на меня.

— Перед вами московский журналист, мистер Ванг. Побеседуйте с ним.

Ванг вежливыми улыбками проявил свою радость, мне же, сознаюсь, стало не по себе. В процессе многих лет газетной работы приходилось интервьюировать наркомов и дипломатов, артистов и колхозников, ударников и лодырей, хозяйственников и прокуроров. Но впервые самому пришлось стать объектом интервьюера, да еще чужеземного.

— Так много хотелось бы узнать от вас о Советском союзе,— сказал он.

— Что вас интересует больше всего?

— Больше всего? Расскажите правду о голоде в СССР. Ведь у вас голодают сотни тысяч людей.

Этой фразы оказалось вполне достаточно, чтобы понять сущность иностранного репортера: он расшифровал себя сразу.

— Из каких источников вы почерпнули эту гнуснейшую ложь и клевету на нашу страну, мистер Ванг? — спросили его.

— Но об этом пишут некоторые газеты, — ответил он.

В это время в кают-компанию вошел наш шипчандлер Болтер с вечерней газетой в руках.

— Большие новости приходят из вашей страны, — сказал он и прочитал телеграмму из Москвы об отмене хлебных и продовольственных карточек.

— Вот видите, мистер Ванг, а вы толкуете о голоде в СССР.

Он сильно смутился и сказал:

— Да, эта тема отпадает. Скажите, что теперь больше всего интересует Москву?

— Что интересует Москву? Очень многое. Хотя бы сама же Москва.

Питомец пекинского университета понял нас не сразу. Тогда мы, оперируя фактами и многочисленными фотоснимками, рассказали ему о реконструкции столицы мирового пролетариата, о Парке культуры и отдыха, о Зеленом театре в нем, рассчитанном на десятки тысяч зрителей, о новых домах для рабочих, о нашем метро и о многом другом.

Слушал он напряженно и внимательно. Когда же мы показали ему фильм, изображающий парад на Красной площади в Москве, Ванг, словно очнувшись, засыпал нас вопросами и зачиркал по блокноту вечным пером.

Я в свою очередь предложил ему несколько интересовавших меня вопросов, касающихся рабочего движения в городе, где английский империализм утвердил свою дальневосточную военно-морскую базу.

— Разве это интересно? — спросил Ванг. И нехотя процедил несколько фраз о загнанной в глубокое подполье и жестоко преследуемой местной компартии, о нелегальных рукописных газетах, выходящих на местных предприятиях и призывающих жестоко эксплоатируемых рабочих к борьбе с эксплоататорами.

— Но все это не имеет серьезного значения, — пытался доказать он. — Ведь полиция здесь зорко следит за малейшими признаками возбуждения, и провести стачку чрезвычайно трудно. Если обнаруживают китайца-коммуниста, его судят, долго держат в тюрьме, а затем посылают на родину — к Чан Кай-ши, а там его ждет верная смерть.

...Мы долго еще рассказывали Вангу о политике нашей миролюбивейшей в мире страны. И вот что сделала сила фактов.

На другой день репортер Ванг приехал на наше судно с редактором, несколькими сотрудниками газеты и фоторепортером. Они показали нам сегодняшний номер, где одна полоса была посвящена советскому пароходу «Серго Орджоникидзе», зашедшему в Сингапур.

Люди из редакции приехали взглянуть на советских граждан, лично послушать о московских «чудесах» по-

глядеть фотоснимки и фильм. Мы удовлетворили их любопытство.

Они интересовались судьбой проживающих в Москве китайцев.

— Ваши соплеменники чувствуют себя в СССР прекрасно. Они не знают безработицы, работают на заводах, фабриках, в учреждениях, учатся в университетах, как полноправные граждане социалистического государства.

— Недавно я читал в газетах об одном китайском рабочем. За ударную работу его наградили высшей наградой — орденом Ленина, — сказал наш штурман.

— А я видел в Москве двух китайцев — милиционера и командира Красной армии.

Редактор «Син Чю Джит По», повидимому, сделал кое-какие выводы из нашей беседы. Он обратился к нам с просьбой описать Москву. Рассказать, какой была она прежде, какой стала сейчас.

Через несколько дней в качестве очередной «сенсации» газета «Сингапурские новости» поместила очерк «Москва прежде и теперь».

В тот же день мы ехали в троллейбусе, и помполит увидел, что сосед по скамье, судя по внешности китайский коммерсант, погружен в чтение очерка о Москве.

— Вы, кажется, читаете о Москве? — спросил его по-английски помполит. — Как по-вашему, это интересно?

— Интересно. Но ведь это — коммунистическая пропаганда, сэр.

— Он, повидимому, думает, что я англичанин, — по-русски сказал нам помполит.

И, вновь перейдя на английский язык, помполит добавил:

— Нет, джентльмен, это не пропаганда, но всего лишь правдивое изложение фактов о нынешней Москве и о том, как живут и работают в ней люди всяких национальностей, в том числе и китайцы.

У некоторой части китайской интеллигенции возникло желание посмотреть советский кинофильм. Редакцию газеты забрасывали вопросами по этому поводу. Когда же мы предложили администрации издательства «Син Чю Джит По» организовать в стенах редакции общественный просмотр, китайцы очень вежливо заявили, что не могут себе позволить тревожить нас и причинять нам хлопоты ради их удовольствия. Сколько мы ни доказывали

свою готовность и полное желание пойти навстречу желающим увидеть фильм, китайцы с изумительной вежливостью отклоняли нашу услугу, придумывая самые нелепые поводы и вуалируя их нежеланием обременять нас.

Кто-то из присутствующих при этом разговоре разгадал причину их вежливого отказа от устройства просмотра.

— Они просто боятся. Колония, хозяева — англичане, а тут китайцы будут у себя в редакции советскую картину показывать. Как бы чего не вышло.

— Но ведь у нас имеется разрешение английской цензуры на показ фильма в городе.

— Отлично, но они-то этого не знают.

И впрямь, когда представителям редакции показали разрешение цензуры, куда девалась их изысканная вежливость и беспокойство о том, как бы не потревожить нас.

Просмотр был назначен на завтра в большом приемном зале редакции, уставленном изумительными скульптурными произведениями и различными статуэтками из бронзы, мрамора, хрусталя, янтаря, серебра и разных пород дерева.

Около двухсот человек собралось в редакции смотреть фильм.

Кто были эти люди? Сотрудники газеты, рабочие типографии, служащие издательства пришли с женами и детьми. Явились китайские художники, актеры, киноработники, коммерсанты, были приглашены некоторые читатели «Син Чю Джит По».

Приехал на своем «аустине» плантатор Андрей с Сиклап-род впервые в жизни, как и все собравшиеся в этом зале, посмотреть советскую картину.

Все они знали об эпопее «Челюскина», видели снимки, некоторые из которых попали даже на страницы колониальной китайской газеты. Но лишь после просмотра фильма им стал понятен рост социалистического строительства в нашей стране. Последняя часть фильма — возвращение челюскинцев, Красная площадь в Москве, парад, появление на трибуне мавзолея руководителей партии и правительства во главе с товарищем Сталиным — шла под непрерывные аплодисменты. Трудно рассказать, сколько самых различных и неожиданных вопросов о Советском союзе, о жизни и быте в нем было задано нам после просмотра картины.

После просмотра «Челюскина» молодой сингапурский кинооператор показал для нас две короткометражки своей работы. Эти небольшие картины знакомили с местным китайским творчеством — балет, постановки исторической китайской пьесы, современная китайская комедия, разыгрываемая без накладных бород. Другой фильм показывал танцы сиамцев.

Художник газеты «Син Чю Джит По» Шун Лин пригласил нас к себе. Он живет здесь же, в редакционном доме. Нам нравились отличные рисунки Шун Лина, напечатанные в газете и особенно в иллюстрированном приложении к ней. Шун Лин — жанровик и художник улицы. В его зарисовках преобладают социальные мотивы. Он находит свои темы среди пролетариата и люмпенпролетариата. На его рисунках вы увидите иссохшего, утомленного рикшу, присевшего на край своей повозки отдышаться и отдохнуть. Увидите продавца ананасов, сидящего на корточках над аккуратно нарезанными и очищенными ломтиками тропического фрукта; шоферов, режущихся в карты на подножке автомашины в ожидании пассажиров; уличного торговца тканью, алчного менялу, сгорбившегося над горстью валюты под табличкой «Money change» — «меняю деньги»; китаянку, обремененную детьми и вместе с ними вышедшую на улицу искать заработка починкой чьего-нибудь белья или костюма; маленьких детей с коромыслами и двумя ведрами на плече, — с дешевым варевом для неприхотливых рикш.

Шун Лин был у нас на судне, видел рисунки в советских газетах, журналах, книгах, внимательно просматривал альбом рисунков Бориса Ефимова и Кукрыниксов.

В своей просторной белой комнате с большими, незастекленными окнами и развешанными по стенам спортивными принадлежностями он расспрашивал нас о советских художниках, их работе, тематике и быте. Кинооператор, зашедший в комнату Шун Лина, расспрашивал нас о советских кинофильмах.

Следует добавить, что, отправляясь с парохода в редакцию на просмотр, мы взяли с собой молодого американского моряка. Звали его Люис Маркович. Он житель Нью-Йорка, радист американского судна, стоявшего в те дни в Сингапуре. Люис пришел к нам в гости под вечер, когда мы собирались в город. Его пригласили в кают-компанию к ужину. Ему ответили на все его вопросы.

Зарисовки художника Шун Лина из газеты „Сингапурские новости". Здесь изображены уличные торговцы-китайцы, китаянка, зарабатывающая починкой белья на улице, рикша, ожидающий пассажиров, курильщик с огромной трубкой, китаянка с детьми.

Молодой радист чувствовал себя в нашем обществе, по-видимому, неплохо, да и нам понравился этот моряк, однажды побывавший в Советском союзе. Он провел семнадцать суток в Новороссийске, куда зашел сдать груз его пароход. Стоянка в советском порту вызывает в нем радужные воспоминания. Люис мечтает вновь побывать в СССР. Он даже всерьез изучает русский язык и, пользуясь визитом к нам, демонстрирует свои достижения.

— Я очень сожалею, что мои родители эмигрировали из России,— говорил Люис. — Это было тридцать лет назад. К сожалению, я не мог помешать им в этом. Я родился уже в Нью-Йорке.

Люис рассказал, что ему подолгу приходится бывать без работы. В Америке большой торговый флот. Но все чаще суда становятся на прикол. Им не всегда находится работа. Это место на судне, ушедшем в колониальные воды, он получил сравнительно недавно. Поступил на сто двадцать долларов в месяц. Через несколько времени судовая компания провела снижение зарплаты. Люису срезали сорок долларов.

— Трудно жить в Нью-Йорке на восемьдесят долларов. Там дороговизна, — говорил нам Люис.—Моя мечта — поехать в Россию. Жить, работать, учиться в вашей стране. Мне хотелось бы продолжать свое образование. У нас это невозможно. Чтобы учиться, нужны большие деньги.

На другой день Люис пришел не один. Он привел нескольких товарищей со своего судна и пригласил наших моряков посетить американский пароход.

На борту «американца» наших моряков приветливо встретил помощник капитана. Он пожал руку каждому гостю, лично показал пароход и давал при этом объяснения. Затем предложил угощение и чай, за которым возникла оживленная беседа. Переводчиком был машинист Юц, отлично владеющий английским языком.

Через несколько дней по приезде из-за границы в Москву я получил письмо из Нью-Йорка. Вот содержание его:

«Нью-Йорк, 13 февраля 1935 года.

Алло, Макс!

Помните ли вы американского радиооператора, посетившего вас в Сингапуре? Беру на себя смелость черкнуть вам несколько строк.

Уже месяц, как я вернулся в Нью-Йорк. Я оставил пароход и теперь являюсь одним из членов огромной армии безработных. Может быть, через несколько недель мне удастся получить место на другом пароходе. Я покинул Нью-Йорк без сожаления. Жизнь здесь очень тяжела: безработных очень много, в городе царит атмосфера уныния и апатии.

Обычная для Нью-Йорка зима: слякоть, снег, дождь.

Вы, может быть, удивляетесь, почему я не снимаюсь с якоря и не еду туда, к вам в СССР? Но это вещь — довольно трудная. Какую пользу я могу принести Советскому союзу, пока не изучу русский язык?

Я радиооператор, и по роду моей работы мне необходимо хорошее знание языка. Кажется, у меня есть некоторый талант, и я поразил здесь некоторых моих друзей, говорящих по-русски, запасом слов.

Вы, молодые люди, живущие в Советском союзе, действительно живете. Мы же здесь и в других странах мира, которые я посетил, мы — мертвы. Так или иначе, у нас нет будущего. Тот факт, что заслуги и знания получают должную оценку в СССР и что всякому, успешно работающему в какой-нибудь специальной отрасли знания, предоставляется возможность роста,—этот факт придает смысл жизни. Сколько тысяч молодых мужчин и женщин, усердно обучающихся, чтобы внести свою долю в дело цивилизации, не находят себе у нас применения и подобны кораблю без руля.

Быть может, вы у себя на родине не вполне оцениваете это, но другие здесь, которые любовно смотрят на СССР со стороны, полны неописуемого восторга и зависти.

Я смотрел фильм «Чапаев». Он наделал много шуму и идет здесь уже пять недель в первоклассном кино.

Я смотрел картину с большим удовольствием.

Ну, Поляновский, я кончаю. Уже очень поздно. Я буду вам очень благодарен, старина, если вы напишете. Я знаю, что вы более заняты, чем я, но

мне кажется, что вы сможете найти немного времени, чтобы черкнуть мне несколько строк.

С товарищеским приветом

ЛЮИС МАРКОВИЧ».

★

Теперь о том, чем завершилось такое событие, как появление первого в колониальной стране советского кинофильма, завезенного «людьми с другой планеты».

Интерес населения к «русским делам» был немедленно учтен и мистером Ли, и местными газетами, а на другой день после просмотра фильма в редакции к нам на борт прибыли представители Малаккского киноконцерна. В разговоре с судовой администрацией они просили указать им путь к приобретению «совиет пикчур» — советских фильмов, но в первую голову их интересовал фильм о походе «Челюскина», как разрешенный уже к показу местной цензурой. Кроме того их интересовала советская кинохроника.

— О вашей стране мало рассказать. Надо показать, удостоверить, что вы действительно создаете по-новому жизнь,— говорили нам люди из малаккского киноконцерна. — Если наши кино покажут здесь, в колониях, хронику советского строительства, это привлечет всеобщее внимание.

Затем кинопредприниматели, как и мистер Ли, никогда не имевшие дел с Советским союзом, стали спрашивать нас, к какой русской кинофирме следовало бы обратиться, чтобы получить в прокат или купить картину «Челюскин».

Пришлось подробно им объяснить, что у нас в стране не существует частных кинофирм, что вся промышленность, в том числе и кинематографическая, принадлежит государству, поэтому дело им придется иметь с одной лишь организацией, ведающей вопросами экспорта наших картин за границу.

Мы помогли представителям Малаккского концерна составить телеграмму в Союзинторгкино. Через несколько дней эти люди снова приехали к нам на судно и уже на трапе, размахивая клочком бумаги, кричали:

— Вот телеграмма из Москвы. Нам пришлют звуковой фильм «Челюскин». Мы пришли поблагодарить вас за содействие.

★

Долгий тропический день клонится к концу. Высоко поднялось солнце, без устали с рассвета обжигавшее Сингапур.

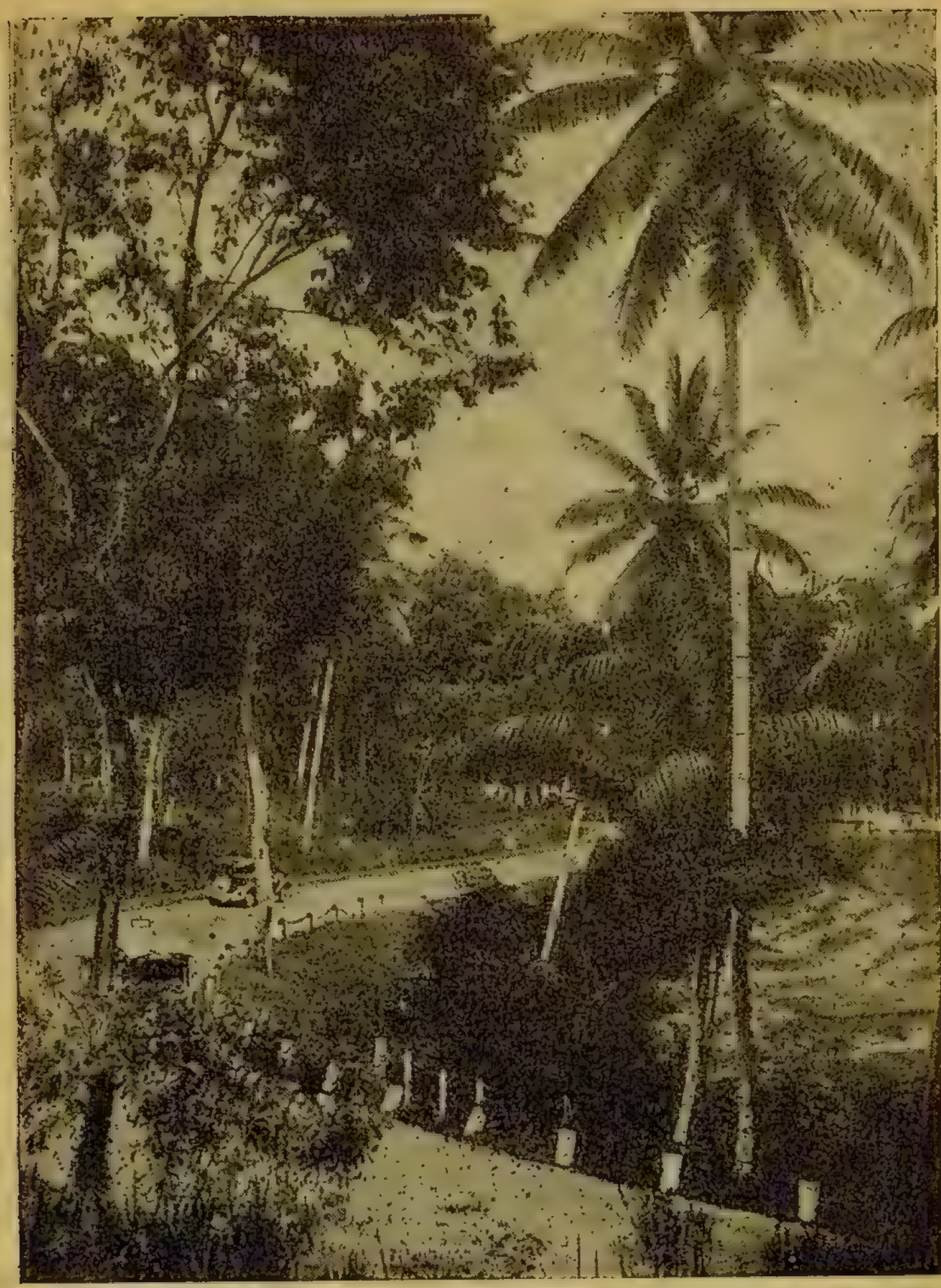
Мы избегали долго оставаться под этим солнцем, которое обжигает и пышет огнем, хотя стоит уже декабрь. Но тропическая зима только тем и отличается от местного лета, что чаще идут дожди. Пройдет ливень, снова выглянет солнце, и через несколько минут высушен и вновь горяч асфальт улиц, суха высокая трава и цветы, и деревья.

Короче и тусклее становятся тени людей, домов, деревьев.

Рабочие Королевского дока закончили свой двенадцатичасовой рабочий день. Они идут из цехов под душ, маленькое белое здание в центре заводского двора. Вот рабочие выходят из-под душа и расходятся по домам. Им не приходится надевать на себя верхнее платье. Круглый год одни и те же юбки на малайцах и белые полотняные штаны и куртки на китайцах. На заводе нет даже раздевалки для рабочих. Только помещение для их велосипедов. Некоторые рабочие путем чудовищной экономии выкраивали несколько сингапурских долларов из своей нищенской зарплаты, приобретали в рассрочку недорогие японские вело, переплачивая за льготу втрое дороже. Обладатели этих машин не должны плестись из дома на завод, за много километров, пешком. Затратить несколько центов на проезд во втором классе троллейбуса рабочему не под силу. Эти центы идут на покупку пищи в обеденный перерыв.

За воротами завода лепятся дешевые китайские харчевни, торгующие чорт знает какой дрянью и падалью. Мимо этих съестных лавчонок вы пройдете, зажав нос и стараясь не дышать, а в другой раз обойдете их вовсе.

Надвигается ночь, и она одна наконец выживает с наших палуб назойливых шлюпочных торговцев, которых проснувшаяся поутру команда судна застает уже разложившими свой товар. Они с самого раннего утра терпеливо дожидаются, не купит ли у них кто куска мыла, гребенки, верхней сорочки, пижамы, кимоно, банки ананасного компота или «коко»—так называют здесь кокосовые орехи. И никто не в состоянии выжить их с захваченного «бойкого места» — ни боцман со своими «орла-



Шоссейная дорога на окраине Сингапура — Сиклап-род.

ми», каждое утро окатывающими палубу сильными струями воды из шлангов, ни старший помощник капитана, приказывающий по-китайски торговцам удалиться с судна.

Перед мойкой судна торговцы собирают за час-два до того разложенный на палубах товар, увязывают его в

тюки и опускают на шлюпки. Но едва закончится уборка, они снова здесь со всем своим товаром.

Зашло солнце, быстро спустились сумерки, наступил вечер.

На пароходе склянки отбили восемь часов. Свободная от вахты судовая команда, вырядившись в лучшие костюмы, готовится, после трудового дня (команда деятельно участвует в ремонте парохода), выехать на прогулку в город. На сегодняшний вечер намечено посещение увеселительного сада «Грет Вол», куда пригласил моряков мистер Ли.

Мы едем в троллейбусе по ночным улицам Сингапура мимо китайских кварталов, где над магазинами зажглись фонари с нарисованными на них причудливыми драконами, цветами и иероглифами. Каждую лавку для аромата и очищения воздуха обильно окуривают ладаном. Этот приторный церковный запах до того охватывает вечером торговые кварталы, что от него хочется бежать, как от граммофонов, которые по вечерам заводят в каждой почти лавке. Своеобразное китайское пение, невероятный шум и скрип, производимый музыкальными инструментами, переложенная на европейский лад малайская румба, сиамские и индийские песни и танцы — все эти пластинки производит для колоний граммофонная английская фирма «His master's voice»—«Голос моего хозяина». Подле каждой лавки, где надрывался граммофон, по нескольку слушателей.

Но вот и центр города. Он узнается по многочисленным световым рекламам, по усиленному движению машин, рикш, автобусов и троллейбусов, по уличным плакатам европейских фирм, по большим английским универмагам и крупным европейским магазинам, которые запираются с наступлением вечера, в определенные часы. Между тем китайские или индийские лавочники торгуют до глубокой ночи, только бы появился покупатель. Мелкие лавчонки открыты чуть ли не круглые сутки. Ведь хозяева в большинстве случаев обитают здесь же, за ситцевой перегородкой.

...Вспыхивает, гаснет и снова вспыхивает сделанная из неоновых электротрубок голова тигра и под ней надпись: «Alwais Fresh Tiger Beer» — «Всегда свежее пиво Тигр».

Реклама этого пива во всех видах преследует вас на

Жена одного из владельцев завода «Пиво Тигра» разъезжает по городу в автомобиле, которому с рекламной целью придана форма тигра.

улицах, в магазинах, лавчонках, в ресторанах, кинотеатрах и троллейбусах Сингапура. О «пиве Тигр» кричат плакаты на всех перекрестках; в ресторанах и барах вас презентуют спичками, коробки которых оклеены с обеих сторон рекламой этого пива; программа театра и кино начинается восхвалением достоинств Тайге-бир; на экране в промежутке между фильмами появляется рычащая морда тигра. И когда берешь в руки сингапурский доллар, где визави с лицом короля изображена тигровая голова, кажется, будто и сюда — на кредитный билет — проникла реклама пивной фирмы.

Ловкая, умелая реклама создает впечатление, будто весь город занимается только тем, что пьет «Tiger Beer». Говорят, владельцы этого пивного предприятия в короткий срок сколотили изрядный капитал, что следует отнести не столько к качеству их пива, сколько к ловкости рекламы. Жена одного из компаньонов «Пива Тигра» разъезжает по городу в автомобиле, которому придана форма тигра. А передняя часть машины сделана в виде тигровой морды. Снимки с автомобиля и его владелицы бесконечное количество раз помещают местные газеты.

...На Хайс-стрит мы выходим из троллейбуса.

До сада «Грет Вол» осталось несколько кварталов.

Можно пересесть в автобус или в бус и доехать до ворот, но мы предпочитаем пройти пешком.

Из магазинов, завидев группу моряков, выбегают хозяева и приказчики, зазывая зайти купить товар.

Однажды несколько наших моряков забрели в окраинную индийскую лавку. Объясниться с хозяином им никак не удавалось: он не знал даже тех простых английских слов, которые без труда усвоили и пускали в ход, производя покупки, наши моряки.

— Омач (сколько стоит)?—спрашивали моряки, показывая на нужную им вещь.

— Ват прайс (какая цена)? — исчерпывая запас знакомых слов, дополняли другие.

Но лавочник не понимал их.

Чтобы не потерять покупателей, он спешно послал черных полуголых мальчуганов за «языком». Темнокожий в юбке не замедлил появиться в лавке. Он вошел с поклонами и спросил, что бы мы желали купить.

Он отлично понимал смысл нескладных фраз, сколоченных из английских, французских и немецких слов.

— Скажите, вы из Германии? — спросил он нас.

Получив отрицательный ответ, он осведомился, не французы ли мы или, быть может, норвежцы.

— Нет, мы — русские.

Что произошло через пять минут после этого сообщения! Со всего квартала окраинной улицы, изо всех магазинов и лавчонок, из жилищ сбежался народ к дверям лавки, куда забрели такие невиданные покупатели — люди из советской страны. Был запружен не только вход в лавку, но и внутри ее набилось полно всякого туземного люда, и на улице стояли жаждавшие хоть глазком взглянуть на русских.

— Значит, вы с русского парохода. Скажите, как выглядят большевики?

Один из моряков понял вопрос, заданный приглашенным хозяином лавки переводчиком.

— Понимаешь, Ларионыч, — сказал этот моряк механику Вдовину, — интересует их, какой вид имеют большевики. Думают, что это особая человеческая порода.

— А мы им сейчас ответим и покажем, непременно покажем, — сказал Вдовин. При этом он указал переводчику на себя, хлопнул рукой по своей груди и произнес: — Гляди сюда, видишь, вот он каков, большевик.

Я — большевик. Скажи всем, кто никогда нашего брата, большевика, не видали.

Все взоры устремились на Ларионыча, а он бормотал, будто они понимали его:

— Удивляетесь, что выбрит чисто и при сорочке с галстуком. Вам, наверно, в голову втемяшили, что большевик — это разбойная морда с бородой и ножом в зубах. И людоедством занимается.

Купив кое-что, моряки с трудом выбрались из лавки, сопровождаемые взглядами и непонятными словами собравшихся поглядеть на них, как на некое заморское чудо. Вышли на прилегавшую к улице площадь, где в сухие вечера при свете карбидного фонаря происходят громкие читки. На площади несколько врытых в землю столбов и скамьи вокруг них. За каждым столом сидит уличный чтец-китаец.

Взяв направление к саду «Грет Вол», решили никуда больше не заходить. Чтобы не скучно было итти, купили густо унизанную бананами ветку и, когда оборвали с нее плоды, увидели, что толщина этой ветви соответствует диаметру руки взрослого человека.

Мы останавливаемся возле сверкающей электрическими лампочками арки. Здесь главный вход в «Грет Вол». Два чернобородых гренадера, одетые в форму красивые высокие сиамцы, стоят по обе стороны арки, проверяют входные билеты. Предъявляем визитную карточку мистера Ли Чун-енга, оставленную нам для этой цели. Гренадеры жестом указывают на кассы — обратитесь, мол, туда. Здесь карточка Ли действует магически. Нас просят подождать минутку. Проходит всего лишь несколько секунд, к нам выходит молодой китаец, кланяется и просит пройти в сад. Мы тотчас же приступаем к осмотру сингапурского «парка культуры и отдыха», как в шутку назвали моряки это сугубо коммерческое, кафешантанного типа предприятие.

Мистер Ли, узнав о приходе советских моряков, вышел из своего офиса, разыскал их и, не скупясь на слова, расхваливал «достоинства» своего предприятия.

Зелени почти нет в «Грет Вол». Сад тщательно устлан асфальтом, лишь изредка попадаются в нем воронки с посаженными в них деревьями.

— Какой же это сад? — недоумевающе спросите вы.

Мы проходим по торговой аллее. Солидные фирмы

имеют здесь свои отделения: вот белая вывеска Томаса Батя — известного чехословацкого фабриканта обуви, вот ночной филиал английского универмага, дальше кафе, за ним магазин китайских изделий, преимущественно шелков, еще дальше непременные японские Мици и Мицубиси с ассортиментом самых разнообразных товаров. Эти фабриканты производят все, начиная с иголки и кашне вплоть до пушек и пароходов.

Затем идут аллеи лотерейщиков. Их балаганчики лепятся один подле другого. Их множество. Лотерейщики энергично зазывают к себе покупателя.

— Ни одного проигрыша, пожалуйте, убедитесь. Один шар всего десять центов! — кричат они.

Есть еще папиросные лотереи, есть такие, где бросают не шары, а ножи, но принцип всех этих лотерей один: они никогда не приносят прибыли играющему, лотереи — это верная прибыль хозяина.

Перед нами большая деревянная пагода. Вокруг нее скамьи. Здесь играет оркестр, и под его аккомпанемент выступают актеры китайской эстрады. Певица тоненьким фальцетом тянет свою песню тридцать-сорок минут, иногда и больше, но китайский зритель многотерпелив. Он высиживает и выслушивает.

В «Грет Вол» работают три китайских и два малайских театра. Сцены и места для зрителей на открытом воздухе — ведь в Сингапуре круглый год тепло.

В первом китайском театре идут старинные трагедии; их разыгрывают из вечера в вечер с продолжением иногда по месяцу кряду. На сцене фигурируют драконы, актеры с прицепными бородами в древних одеяниях. А на декорации во всю стену рекламируются не имеющие совершенно никакого отношения к пьесе какие-нибудь патефоны или мазь для рощения волос, или тигровый бальзам — якобы радикальное средство от головной боли.

То же самое мы увидели в двух других китайских, а также в малайских театрах. Актеры играют, поют, танцуют, а в это же время, шурша, поднимается вверх полотняный задник, и под ним уже готов другой, рекламирующий какой-нибудь порошок от пота или каучуковую обувь.

Быть может, эта смена декораций (вернее — рекламных плакатов) мешает действию пьесы, нервирует актеров, отвлекает внимание зрителя? Может быть. Но никто

не намерен считаться ни с актерами, ни со зрителями. Реклама отвлекает внимание? Очень хорошо! За это компания «Грет Вол» и получает от рекламодателей деньги, чтоб помогать им доводить до потребителя и пиво, и бальзам, и мазь, и порошок, и каучуковую подошву.

Малайский и китайский театры расположены настолько близко один от другого, что, если отойти на два десятка шагов и стать возле фонтана с изображением бронзового дракона, можно без труда наблюдать сразу два представления: китайское и малайское.

Есть здесь, в саду, еще несколько кинотеатров и большое деревянное здание со стенами, не доходящими до крыши, а сделанными в виде барьеров, устраиваемых на наших дачных верандах, только чуть повыше. На фасаде этого здания написано «Cabaret», стены же запроданы фирме Джонни Волькер, рекламирующей на них свои виски.

Предположение, что внутри этого здания происходят кабаретные, то есть эстрадные, представления, оказались ошибочными.

Никаких актерских выступлений здесь не бывает. Это обыкновенный дансинг. Публика приходит сюда танцовать фокстроты, румбы, танго и вальсы. Европейские джентльмены привозят своих леди и танцуют с ними. Но у иных живущих в колониях европейцев леди отсутствуют вовсе, у других — находятся в доминионе.

Не из одних только европейцев состоит публика дансинга и всего вообще сада «Грет Вол». Европейцев в Сингапуре немного; основной зритель увеселительного сада— китайско-малайская интеллигенция, коммерсанты, ремесленники, торговцы.

Желающих танцовать мужчин — европейцев и местных жителей — в избытке. Но как быть с партнершами для танцев, с женщинами? Ведь в Сингапуре «глаз, несмотря на все разнообразие лиц и пестроту костюмов, на наготу и разноцветность тел, на стройность и грацию индийцев, на суетливых желтоватых китайцев, на коричневых малайцев, на груды товаров, фруктов, на богатую и яркую зелень, несмотря на все это, или, пожалуй, смотря на все это, глаз скоро утомляется, ищет чего-то и не находит: в этой толпе нет самой живой ее половины ее цвета, роскоши — женщин». Это писал Гончаров про Сингапур, который при посещении его писателем насчитывал шесть-

Вечером в саду «Грет Вол».

десят тысяч жителей, из них женщин всего около семисот.

В наше время Сингапур насчитывает конечно много больше семисот женщин, их тысячи, но ведь и население города с шестидесяти тысяч выросло до полумиллиона. И поныне в толчее живописного города чувствуется недостаток женщин.

Изредка мелькнет управляемая сухопарой леди изящная легковая машина, торопливо пройдет в свой офис смуглая, по-европейски одетая малайка. Чаще встречаются молодые китаянки, медленно шествующие под прикрытием лакированного зонтика, или пожилые, окруженные грудой детей, один другого меньше.

Но вернемся к дансингу в саду «Грет Вол».

Каждый вечер сюда сходятся любители танцев. Громадный зал с зеркальным паркетом не знает недостатка в посетителях. При первых же звуках оркестра мягкий белый свет в зале сменяется интимным розовым, голубым, зеленым тонами.

Джентльмены, прибывшие со своими леди, купив входной билет, могут танцовать до полуночи. Ровно в двенадцать часов оркестр вместо фокса и румбы сыграет «Боже, храни короля», возвестив этим гимном, что дансинг закрывается до следующего дня.

Джентльмены, у которых отсутствуют леди, покупают в кассе дансинга не входные билеты, а талоны на право танцовать с дансинг-герлс — танцовальными девушками. Есть такая профессия в этой стране.

Уплатив один сингапурский доллар, танцор получит в кассе книжечку с четырьмя отрывными талонами. Каждый из них дает право на один танец с любой из сидящих за столом дансинг-герлс.

По обеим сторонам танцовального зала, слева и справа, от входа до сцены с оркестром, в линейку выстроились столики. С каждой стороны их по три ряда. Первый ряд столиков принадлежит танцовальным девушкам, модно одетым метискам. Их отцы — европейцы, матери — китаянки, малайки или индианки.

Девушки сидят по-трое за каждым столиком, дожидаясь начала танца. Но вот грянул оркестр, белый свет сменился радужными тонами; танцоры, наметив себе партнерш, подходят к их столикам и приглашают на танец. Девушки тотчас же поднимаются и с бесстрастными ли-

Один из уголков увеселительного сада «Грет Вол». В центре виден открытый театр, в котором круглый год даются спектакли.

Сиама, Индии, Китая, с Филиппин — отовсюду, где нужда, голод, безработица гонят на поиски средств к существованию.

...Мягкий свет разливают висящие над лавками фонари. Они круглые, квадратные, в форме пагод и конусов. От фонарей, от запаха бананов, от терпкого дыхания жаркой ночи начинает казаться, что мы среди декораций, предназначенных для постановки сказочной феерии. Но стоит пожить здесь несколько времени, пристально присмотреться ко всей этой обстановке глазами советского человека — и нестерпимо тяжелым покажется каждый лишний час вынужденного пребывания в этом большом колониальном городе.

...Неожиданно полил дождь. Проходит не более двух минут, и Сингапур объят густым тропическим ливнем. Такси и рикши нарасхват. Джентльмены и леди по-одному, по-двое влезают в повозки рикш. Кули достает непромокаемый полог и заботливо занавешивает своих долгожданных пассажиров. В пологе небольшое отверстие; в него пассажир глядит и отдает приказания, куда везти его. В ливень особенно тяжело наблюдать промокших насквозь, шлепающих босыми пятками по асфальту рикш. С их широкополых шляп вода струится на плечи и за ворот куртки. Но кули не замечает этого: он благословляет внезапно разразившийся ливень, принесший ему пассажиров.

На пароходе узнаем новость: в рубильнике обнаружили змею. Ее убило током, повидимому, когда механик включил электричество. Змея приползла с берега, но не по трапу — здесь ее заметил бы вахтенный матрос; заползла она, повидимому, по канату, которым был пришвартован к стенке пароход.

Но что значила обнаруженная у нас на судне мертвая змея в сравнении с той, которую нам пришлось увидеть на окраине Сингапура, где охотники убили огромного питона. Он едва полз, его всего распирало. Очевидно, он лишь недавно чем-то основательно подкрепился и спешил скрыться подальше, поудобнее устроиться и начать переваривать проглоченную пищу. Питон был длиною около десяти метров.

Вспоров его брюхо, охотники обнаружили внутри целого козла, крупного и рогатого. Громадная змеиная шкура, на которой природа мастерски вывела красивые

тисненые узоры, через несколько дней красовалась в витрине одного сингапурского магазина.

Змеиная кожа здесь распространена. Из нее шьют обувь, делают бумажники, портмоне, портфели, сумки, ею обивают мебель, а иные модницы заказывают из нее пальто.

Однажды утром мы заметили на борту «Серго» среди множества примелькавшихся шлюпочных торговцев новое лицо. То был высокий худощавый малаец, одетый в клетчатую юбку. Он шествовал в окружении небольших обезьян. Они садились к нему на плечи, теребили его волосы, легко соскакивали, хватали протянутый кем-нибудь из команды банан, кусок ананаса или ядра кокосового ореха и тотчас же грациозно взбирались обратно на шею и плечи продавца обезьян.

Он предлагал купить любую из обезьян. Вначале запрашивал по двадцати долларов за штуку. Однако, не видя особого спроса на свой товар, молниеносно снижал цену, уступая обезьяну за пять долларов. Но обезьяну никто не купил: капитан отсоветовал — он когда-то вывез отсюда мартышку, да потом сам ей не рад был. Обезьяне, привыкшей к жаркой погоде и тропическим фруктам, трудно было приспособиться к новой пище, к более холодному климату нашей родины, и она захворала.

— Обезьян не нужно, — говорил старший механик малайцу. — Ты мне ящериц принеси, саламандр этих, которые здесь по стенам домов бегают. Этих куплю. По двадцать центов за штуку уплачу, не пожалею.

Мы удивились: для чего понадобились механику ящерицы?

— Ничего вы не понимаете в этом деле, ребята, — говорил он. — Я в этих местах уже бывал, покупал их. Возьмешь ящерицу, пустишь в комнату или каюту — и спи спокойно. Ни мух, ни комаров не будет, всех выведет до единой.

— Как же ты станешь спать спокойно? А если она к тебе в постель заберется?

— Они безвредны для человека, эти ящерицы.

★

Наш пароход продолжал привлекать внимание интересовавшихся советской страной. Не описать всех визитов, нанесенных нам за это время жителями Сингапура и людьми, проездом оказавшимися в нем.

Но о китайском моряке Ма То-чи следует рассказать:

Он пришел на «Серго» в праздничном наряде и объяснил вахтенному матросу, что желал бы поговорить с кем-нибудь из судовой администрации. О нем доложили вахтенному помощнику.

Знание английского языка позволило нашему штурману побеседовать с китайским моряком.

— Наш пароход «Хо-Син», — сказал Ма То-чи Самойлову, — лишь вчера прибыл в Сингапур из Гонконга. В местной китайской газете я прочитал о советском пароходе. Там написано, что очень много людей посещают его и вы охотно уделяете внимание своим гостям. Я отпросился на несколько часов в город, не сказав конечно своему боцману, куда я намерен пойти. Не разрешите ли вы и мне осмотреть ваше судно? Никогда я не был на пароходе советской страны.

Штурман познакомил Ма То-чи с кораблем.

Привыкший к грязным, перенаселенным матросским каютам китайского парохода, Ма То-чи с особым удивлением рассматривал чистенькие двухместные каюты наших матросов, машинистов, кочегаров.

— Я никогда не бывал на европейских пароходах. Туда не пускают в гости китайских матросов. Мне хотелось бы узнать, живет ли на тех судах команда так же, как здесь у вас!

Штурману Самойлову, впервые вышедшему в море еще восьмилетним мальчонкой и хорошо знакомому с жизнью на европейских судах, было о чем рассказать матросу Ма То-чи, знавшему лишь свой грязный кубрик, драконовски-тяжелые условия труда и мизерную зарплату.

Советский штурман пригласил китайского матроса в свою каюту. Здесь матрос увидел снимок, изображавший человека, склонившегося над газетой.

— Ленин! — восторженно прошептал он.

— На европейских пароходах, даже самых крупных, — сказал Самойлов, — чаще всего команда живет в общих кубриках. Они, пожалуй, не менее грязны, чем на китайских судах. Иногда встречаются каюты для команды. Но что это за каюты! Впрочем, за примером ходить недалеко. Недавно во Франции выстроили новый пароход «Нормандия». Огромный шип, последнее достижение техники. Сто шестьдесят тысяч лошадиных сил семьдесят девять

тысяч тонн вместимости, триста двенадцать метров длины! Не говоря о максимуме удобств, предоставляемых пассажирам этого гиганта, надо упомянуть, что не забыты даже их собаки: на «Нормандии» устроена специальная площадка для прогулки четвероногих пассажиров первого класса. Команда же размещается в крохотных каютах по восемь человек в каждой. Духота. Настолько тесно, что нельзя открыть дверцу стенного шкафа, мешает койка. Столовая для команды неприглядная, темная, угрюмая. Некрашенные столы, узкие скамейки. На всех нехватает места — приходится ждать. Душ темный — электричество провести не нашли нужным: кочегары, мол, могут мыться и в темноте. На огромном корабле нет ни одного уголка, где матрос мог бы посидеть, отдохнуть, почитать газету. Работа или темная койка.

Затем Самойлов ведет Ма То-чи в столовую для команды нашего парохода, насчитывающего всего полторы тысячи тонн вместимости и строившегося в одно время с «Нормандией».

Китайский матрос никогда не видел того, что показали ему на советском судне. Большая, светлая, очень чистая комната. Несколько столов, крытых клеенкой. Вокруг них привинченные к полу кресла. И все это не для пассажиров первого или второго класса, а для обыкновенных моряков, таких, как он, матросов, угольщиков, кочегаров.

Впрочем, это не все. Есть еще один стол, крытый тяжелым красным сукном. На нем стопки журналов, газет, а рядом книжный шкаф. И судовой врач в порядке общественной работы в определенные часы выдает желающим книги из библиотеки.

Ма То-чи рассматривал снимки в наших журналах и удивлялся.

Автомобили, тракторы, машины, станки, локомотивы— оказывается, все это производят в далекой, неведомой и манящей стране, где бывает очень холодно и снежно.

Китайский моряк ушел взволнованный и сияющий.

— Я расскажу товарищам о том, что у вас видел,— сказал он Самойлову. И добавил шопотом: — Среди наших моряков очень много сочувствующих коммунистам. Некоторые из них из Кантона, они сами коммунисты...

— А вы тоже сочувствующий? — спросил штурман.

— Я... я... Впрочем, вам я могу сказать об этом. Я

состою членом китайского союза коммунистической молодежи. Но об этом никто здесь не знает. Если б узнали, меня живо выдворили бы с нашего парохода...

Так встретились на борту «Серго Орджоникидзе» два комсомольца — китайский матрос и советский штурман Самойлов.

Визит молодого китайца заставил нашего штурмана провести невольную параллель между собою и им.

— По всему видно, что славный малый этот Ма Точи, — говорил вечером того же дня Федор собравшимся у него в каюте. — А какие у него виды на будущее? В лучшем случае будет плавать матросом, в худшем—уволят за ненадобностью, или, если расшифруют... Живи он у нас в СССР — другое дело...

Мы знаем цель, которую наметил себе Федя Самойлов. Он станет штурманом дальнего плавания. Моряк советской формации, Федор Самойлов неуклонно идет по пути накопления и повышения своих знаний. Ему лишь двадцать семь лет. Еще полтора года работы — и диплом штурмана дальнего плавания будет по праву выдан молодому советскому моряку.

Мальчуганом Федя Самойлов выходил в море с рыбаками на парусных лодках. Помогал работать сетями, сидел на руле. Потом поступил в управление порта — на ремонт судовых машин. За два года стал подручным слесаря и отсюда, из мастерских, был в 1924 году передан в комсомол.

Тянуло на море.

И Федор, добавив в анкете к своему возрасту год, которого ему нехватало (в этом «преступлении» он позже сознался всенародно), поступил матросом на портовое судно «Алектор». Два года прослужив в матросах, решил повысить свою квалификацию. И вот учеба. Пять лет в ростовском мортехникуме, затем поездка по Европе в качестве практиканта на парусной «Веге» и большой рейс из Новороссийска к берегам Дальнего Востока на «Трансбалте» в качестве штурманского практиканта с ношением вахт при штурмане.

Затем два года службы и напряженной учебы в Черноморском военном флоте. Об этом периоде наш Федор вспоминает, как о лучшем времени своей небольшой моряцкой службы. Как много дает молодому моряку наш военный флот! Лучшие специалисты, лучшие механизмы!

Штурман-комсомолец Самойлов у пеленгатора.

Только знай учись. Он учился и получил знания штурмана и связиста.

На «Серго» Самойлов поступил четвертым помощником капитана. Еще до выхода в рейс администрация судна перевела его на должность третьего помощника. А к концу рейса молодому штурману Самойлову в приказе была объявлена благодарность за проделанную в рейсе работу и его назначили вторым помощником капитана.

Когда члены судового коллектива поздравляли Федю с повышением, он скромно отмахнулся:

— Да бросьте, ребята, чего там говорить об этом долго. Мне надо курс определить, астрономическую задачу решить надо.

И большими шагами, переступая через несколько ступенек, поднимался в штурманскую рубку. В течение рейса он ежесуточно проводил на вахте восемь часов. Четыре часа — с утра, четыре — ночью. В определении курса по солнцу и звездам Федя слыл у нас авторитетом. С ним считался капитан и его дублер, к нему тепло и искренно относилась команда.

В свободные от вахты часы в Фединой каюте постоянно людно. К долговязому, внешне мрачному юноше при-

ходят поговорить, отвести душу, посоветоваться, получить точную справку о количестве дней, оставшихся до ближайшей остановки. Федя полулежит на своей постели, перебирает струны гитары и неторопливо, вполголоса отвечает на все вопросы.

Без четверти восемь. Вечер. В дверь стучится вахтенный матрос.

— Федор Лексеич, на вахту приготовиться...

Без пяти восемь. Самойлов принимает вахту от капитана.

В полночь, когда он сдаст ее старшему помощнику капитана (старпому) и вернется к себе в каюту, снова соберутся у него машинные и палубные, чтобы поговорить по душам со своим штурманом, отличным малым Федором Самойловым.

★

На Джонсон-пиир (пристани Джонсона) есть дом, именуемый «Bonham Building». В нижнем этаже его размещены магазины, во всех остальных этажах многочисленные офисы — крупные и мелкие конторы. Вывески этих контор — тщательно начищенные медные таблички — красуются возле главного входа в «бульдинг».

На одной из них короткая надпись:

H. Bolter & Co
Ship-Chandlers

Болтер — это фамилия. Шипчандлер (как произносят моряки) — это судовой поставщик.

Тридцать пять лет безвыездно живет в Сингапуре глава указанной на вывеске фирмы — мистер Болтер, сын основателя фирмы, происходившего из города Чернигова, бывшей Могилевской губернии.

Молодой Болтер еще при жизни отца вошел в курс его дел, изучил английский, малайский и китайский языки. Отличное знание русского языка явилось для него трамплином к тому, чтобы стать посредником и снабженцем всех пароходов, приходивших в Сингапур под русским флагом.

Во время империалистической войны произошел такой случай. Русский крейсер «Жемчуг» в поисках германского

крейсера «Эмден» бороздил воды в районе Малаккского полуострова. Но пока бездарные стратеги с «Жемчуга» пытались подловить германский крейсер, тот, приделав фальшивую трубу и сменив германские флаги на флаги союзников, спокойно вошел в бухту и потопил русский крейсер в ста шагах от порта Пенанг вблизи Сингапура.

При гибели крейсера «Жемчуг» погиб ревизор, у которого находились предъявленные шипчандлером Болтером к оплате счета. Деньги пропали.

Вскоре после этого российское правительство послало в Сингапур в помощь союзникам из своей Тихоокеанской эскадры четыре миноносца. Снабдив в 1917 году эти миноносцы, находившиеся под командой барона Остен-Сакена, Болтер, как всегда, отправил свои счета на подтверждение адмиралу Шульцу во Владивосток. Это были счета на круглую сумму — на пятьдесят четыре тысячи рублей. Адмирал подтвердил их и в свою очередь выслал счета в Петроград для оплаты. Но они попали туда, когда власть находилась уже в руках советского правительства.

Тогда для Болтера настали черные дни. Лишившись капитала и основной своей клиентуры, он брался за всякие подвертывавшиеся ему дела.

Сначала долго не видно было советских пароходов, затем они стали постепенно появляться, и почти на каждом из них находились старые моряки, знавшие Болтера раньше. Они ценили его как добросовестного поставщика, и с ним постепенно были установлены торговые связи. Теперь уже на каждом нашем пароходе, идущем по этому пути, знают заранее, что достаточно послать с моря радио по несложному адресу: «Сингапур, Болтеру», и все необходимое для судов будет во-время приготовлено.

В разговорах с нами Болтер часто жаловался на то, что в Сингапуре теперь нечего делать.

— Пустой город. Другое дело, если бы мне удалось стать здесь представителем советских товаров.

Мы поинтересовались узнать, о каких товарах говорит Болтер. По его словам, все советские товары находили бы здесь хороший сбыт, особенно рыба, икра, селедка, папиросы, табак и другие продукты.

Но Болтер интересуется не только советскими товарами. Он весь начинен проектами о возможности делать бизнес при помощи советской страны.

— Представьте себе, — говорил он нам, — здесь немало есть охотников совершить экскурсии в СССР.

Болтер утверждает, что к нему, как к «знатоку России», не раз обращались богатые сиамские коммерсанты, желающие побывать в советской стране. Болтер даже ознакомил нас с возможными вариантами поездок с Малаккского полуострова в СССР.

Попутно Болтер рассказывает нам о том, как пароходные компании под влиянием кризиса гонятся за пассажирами. Если пассажиру предстоит возвращение по этому же пути через месяц, даже через полгода или год, ему достаточно сообщить об этом представителю компании, чтобы получить на обратный проезд значительную скидку. В несезонное время, когда не бывает туристов, билеты на пароходах стоят намного дешевле. Болтер отлично учитывает все возможности предоставления будущим интуристам путешествий по сходной цене и просит нас поговорить на эту тему с кем следует в Москве

Между прочим, сам он неоднократно высказывал желание поехать обратно в Россию, где он провел юношеские годы. Последние его слова перед отъездом на берег были следующие:

— Хорошо вам. Едете в свою страну, где нет безработицы. А здесь, если у человека нет денег, он может преспокойно вытянуться и умереть на улице.

★

За несколько дней до отхода в дальнейший рейс мы сидели в баре и тянули холодную содовую воду.

К нам подошел небольшого роста человек, по-русски произнес «здравствуйте» и попросил разрешения поговорить.

— Кто вы такой? — спросил его Мушков.

Тот, назвав свою фамилию, коротко рассказал о себе: цирковой актер, прибыл в Сингапур с английским бродячим цирком Хармстона. В составе труппы несколько русских. Все они работали когда-то в Сибири, в 1916 году выехали на гастроли в Харбин, затем в Китай, и вот уже девятнадцать лет, как выехали из России.

Актеры упросили нас заглянуть в цирк — посмотреть представление, доставить им возможность побольше потолковать с земляками.

Когда мы пришли в Хармстон-циркус, представление уже началось. Один из не занятых в первом отделении русских циркачей встретил нас у входа, проводил в ложу. Это был Чайковский, тот самый, что подошел к нам в баре.

— Очень давно, еще при царизме, я работал в петербургском цирке со своими партнерами. Нас было четверо, мы совершали полет и назывался наш номер «четыре чорта». Этот номер и здесь теперь исполняется. Из петербургских «чертей» остался один лишь я, но мои новые партнеры работают неплохо. Сыгрались. Мы именуемся здесь «труппа Аркос».

На арену вышел дрессировщик попугаев.

— Это Пьер, — сказал о нем Чайковский. — Он русский. Пьер молодец. Он стоит двадцать семь тысяч паундов.

— Как это понимать? — недоумевали мы.

— Он скопил двадцать семь тысяч. Паундами по-английски называют фунты стерлингов, — пояснил нам Чайковский, отлично усвоивший буржуазное понятие о человеке, расценивающее его в зависимости от толщины кармана.

Следующим номером программы был прыжок на мотоцикле. Исполнял его русский цирковой актер, которого в программе именовали «дьявольски храбрый, неустрашимый Москвич».

Москвич — как оказалось, не псевдоним. Это настоящая фамилия русского циркача, уроженца Урала, Константина Константиновича по имени-отчеству.

— Сколько стоит, выражаясь по-вашему, Москвич? — спросили мы иронически у Чайковского.

— Много меньше Пьера. К тому же у Москвича семья. Жена, сын, сестра. Правда, все они работают, но не все могут сжимать свои потребности, как Пьер. Семья Москвичей имела некоторый запас денег, но несколько лет назад с ним случился большой тробл...

— То есть?

— Тробл — это значит неприятность. Во время прыжка на мотоцикле он упал и сломал ногу. Лечился очень долго, ничего не зарабатывал, а деньги уходили. Ведь английские врачи в колониях берут очень дорого. Москвичи прожили весь накопленный ими капитал. Им было очень плохо.

— А владелец цирка? Он не помогал разбившемуся и впавшему в нужду своему работнику?

— Конечно нет. Он только пообещал ему работу тотчас по выздоровлении.

Несколько русских из Хармстон-циркуса посетили наш пароход.

Москвич рассказывает о своей родине — Урале, о родных и близких, оставленных там, о визите его отца в Сингапур. Старик получил советскую визу на право выезда за границу и несколько лет тому назад приезжал в Сингапур повидаться с сыном, невесткой и внуком.

— Пожил отец у меня несколько времени, с нами вместе из города в город ездил, потом затосковал. «Отправь меня, Костя, — говорит, — домой, на родину. Не могу я в вашей Индии оставаться. И как только вы, — говорит он нам, — выдерживаете здесь. Приехали бы лучше в Россию. Не преступники какие, чай, пустят вас обратно советские власти». Пришлось старика обратно отослать.

— А сами не пробовали ходатайствовать о возвращении?

— Как не пробовать! Подали заявление в Шанхае в советское полпредство и теперь ждем ответа.

Циркачи с величайшим вниманием рассматривали советские газеты, журналы и особенно обрадовались, когда нашли в одном из них пространную статью о положении цирка в СССР. Они расспрашивали об условиях труда и оплаты цирковых актеров.

— Как же так? Значит, при гастролях у вас хозяин и гостиницу оплачивает?

— Да, учреждение оплачивает.

— Может быть, актерам выплачивают жалованье за те дни, когда они находятся в пути из одного пункта в другой?

— Конечно выплачивают.

— А если представление по какой-либо причине не состоялось, тогда как же — высчитывают заработок за эти дни?

— Если это произошло не по их вине, тогда не высчитывают.

— Ну, а если нет сбора?

— Этой болезнью наши зрелища не страдают.

— Если плохая погода?

— Это не отражается на заработке трудящихся.

Мы подробно рассказали цирковым артистам о нашем трудовом законодательстве.

Выслушав нас, циркачи в свою очередь рассказали нам об условиях, на которых приходится работать им в колониях.

Мистер Хармстон оплачивает их, исходя из недельного расчета. Москвич с женой и сыном получают четырнадцать паундов в неделю. Но составляется эта неделя исключительно из игровых дней. Если представление не состоялось: плохая погода, ливень, отсутствие сбора, — актер за этот день не получает ни одного цента. Между тем гостиницу он должен оплачивать из своего заработка. «Неустрашимый» Москвич жаловался на то, что около трети заработной платы его семьи поглощают гостиницы. Во время переездов из города в город владелец цирка оплачивает лишь стоимость проезда своих актеров. Жалованье им выдается в новом городе лишь после того, как рабочие соберут и установят шапито и цирк начнет свои гастроли.

К тому же мистер Хармстон не совсем аккуратен в полной выплате жалованья своим актерам.

— Он должен каждому из нас немало денег. Как правило, он при всякой получке то недоплатит, то и вовсе выдаст половину. Жалуется на плохие дела. Мы же хорошо знаем, что деньги есть, но их придерживает властвующая над ним его теща. Эта старая английская сквалыга охотно оставляла бы у себя всю кассовую выручку.

— Но разве нельзя воздействовать на Хармстона?

— Можно было бы конечно обратиться в суд. Но подать в суд — значит нарушить добрые отношения с хозяином, значит лишиться работы и права на жительство. Ведь мы здесь — люди без подданства, и проживать в том или другом городе нам дается возможность столько дней, сколько простаивает в нем английский цирк.

Кроме того не так легко подыскать новую работу. Всего два цирка обслуживают колониальные страны, расположенные вдоль берегов Индийского и Тихого океанов. Приходится молчать, сносить капризы хозяйской тещи, ладить с нею, получать фактически столько, сколько дают, да еще заботиться о сбережениях, потому что циркового актера на работе подстерегает такая бездна опасностей. Пусть перед ним, в большинстве своем, ту-

земная публика — малайцы, сингалезы, индийцы, китайцы, тамилы или сиамцы,—хозяин требует покрепче щекотать нервы зрителей, работать, подчеркивая риск, работать без мер предосторожности, без сетки.

Циркачи, как и многие другие наши визитеры, узнали из местных газет о привезенном нами кинофильме. Они оказались в числе немногих встреченных нами здесь людей, имеющих представление о советском киноискусстве.

Две наши картины, просмотренные ими в Шанхае, произвели на них неизгладимое впечатление. Это были «Путевка в жизнь» и «Иудушка Головлев».

— Если бы вы знали, как одна шанхайская русская газета ругала эту замечательную картину — «Иудушка». Очевидно, показ этого фильма доставил им большой тробл, то есть неприятность. У меня, кажется, сохранилась эта статья по поводу «Иудушки». Я вам ее принесу, если разыщу.

Через несколько дней мне принесли шанхайскую белогвардейскую газету «Новости дня» от 7 ноября 1934 года.

Как и следовало ожидать, номер, датированный этим числом, почти полностью посвящен семнадцатой годовщине Великой пролетарской революции. Гнуснейшая передовая и подобные ей статьи и фельетоны откликаются на «день русской скорби», как именует белогвардейщина эту величайшую в мировой истории дату.

Видное место в этом «скорбном» номере занимает выпад против советского кинофильма «Иудушка Головлев», шедшего в те дни в одном из шанхайских кино.

Под заголовком, растянувшимся на целую страницу, «Новости дня» клюют своих конкурентов — другие белогвардейские газеты, осмелившиеся рекламировать «Иудушку».

Тщетно тоскующие по ушедшей жизни помещики, фабриканты, офицеры и прочие Иудушки отчетливо увидели себя в жутком образе стяжателя Головлева.

Портретное сходство пришлось им не по нутру. И господа Головлевы, живущие по ту сторону границы, узнав себя, осклабились и зарычали.

★

Королевский док закончил ремонт машины «Серго».

Судовой коллектив пригласил на свой прощальный обед нескольких инженеров, принимавших участие в ре-

Река Сингапур протекает в центре города Сингапура. В этих речных суденышках китайцы, живущие в них с семьями, перевозят грузы на далекие расстояния.

монте судна. Позвали и мистера Хилла; за время стоянки он особенно сдружился с командой. Стол был накрыт на юте. Между первым и вторым блюдом Хилл поднялся со своего места и попросил слова.

— Советские моряки, — сказал он. — Я бываю на пароходах всех стран, но ни на одном из них я не видел тех товарищеских взаимоотношений между матросами, кочегарами и судовыми командирами, какие существуют у вас. В вашем лице я впервые увидел моряков, которые, сойдя на берег, не разбредаются по кабакам и девчонкам. Вы устраиваете сообща экскурсии. Вас интересуют музеи, театры, сады, быт. Я считаю, что все это привито вам советской системой, и за нее, ведущую массы людей к настоящей культуре, поднимаю свой бокал.

На другое утро мы тепло простились с рабочими и инженерами Королевского дока, и наш пароход ушел на рейд. Сразу качнуло; и нам стало понятно как должно быть неспокойно в открытом море, если даже на рейде, вблизи берега, здорово дает знать себя зыбь.

К «Серго» приближается шлюпка. Кто бы это мог быть в такую темную ночь? Шлюпка с трудом пристает к трапу. Ее то подбрасывает вверх, выше палубы, то низвергает в морскую пучину. Матросы, пользуясь моментами подъема шлюпки, вылавливали из нее людей. Это были русские артисты английского цирка Хармстона.

— Мы приехали проститься с вами и привезли своих жен. Они нам покоя не давали. Непременно хотят поглядеть русский пароход, провести хоть полчаса с русскими.

Две женщины, невзирая на темноту и сильную зыбь, отважились приехать на рейд, когда узнали, что судно ушло из дока.

Прощаясь с нами, циркачи выражали надежду встретиться в Москве, если им дадут разрешение на въезд в СССР. Получив в подарок от нас несколько книжек («Ведущую ось», «Цусиму» и другие), цирковые артисты благодарят, прощаются и долго еще машут нам платками с удаляющейся от парохода шлюпки.

Мы готовимся к отходу из Сингапура.

Но капитан порта не разрешает сегодня стоящим на рейде судам выходить в море. Где-то поблизости большой тайфун. Надо переждать.

Лишь в полдень другого дня мы снялись с якоря.

НА ЗЕМЛЕ, ОТКРЫТОЙ МАГЕЛЛАНОМ

Капризы Южно-Китайского моря. — Вынужденный заход в Манилу. — О чем напоминает обелиск Магеллану. — «Покупайте рождественские подарки». — Обыск на берегу. — Экскурсия филиппинской молодежи на борт «Серго». — Мы арестованы. — В политической полиции. — Совещание по «русскому вопросу». — Прощай, Гальвец! — Отход из Манилы.

КАК долго ждали мы продолжения рейса, как стосковались по открытому безбрежному морю и как неприветливо встретило оно наш пароход, едва только он снялся с сингапурского рейда...

Следующую после Сингапура стоянку рейсовый план предусматривал на Формозе, в японском порту Килунге, или Керуне, как называют его японцы.

Но крутые декабрьские штормы и норд-осты опрокидывают все расчеты судоводителей, выходящих в плавание по Южно-Китайскому морю.

Каждую милю судно брало с натугой. То, что в благоприятную погоду одолевалось сутками, в Китайском море требовало трех-четырех.

Проходили дни, оставляя непоглощенным намеченное расстояние. Уменьшались запасы угля, одними консервами заполнялось судовое меню. Судоводители, обшаривая карту, подыскивали ближайший порт, обеспечивающий подкрепление. Чуть в сторону от проложенного первоначального курса увидели Манилу.

Последняя сводка о количестве оставшегося топлива оказалась решающей. Держаться в море мы могли от силы еще двое суток.

Так решен был вопрос о заходе в Манилу.

Из всей команды «Серго» в этом городе бывал раньше лишь старший помощник капитана.

В Малой советской энциклопедии мы нашли десять строк, гласящих, что «Манила — главный город, главный порт и промышленный центр Филиппинских островов на берегу острова Люсон; около трехсот тысяч жителей. Сигарные фабрики, сахарные заводы, пеньковые фабрики, лесопилки, литейные заводы. Главные статьи экспорта — сахар, пенька, табак, копра. Университет с 1908 года, кроме того есть католический университет (с 1611 года), обсерватория, музей. Нередки землетрясения. Манильская пенька (абака) — волокна с листьев банана — лучший материал для веревок и канатов».

По мере приближения к острову Люсону волнение на море идет на убыль. Сказывается близость берега. Летучие рыбы, с сельдь величиною, летают стаями и поодиночке.

Поверхность моря усеяна какими-то листьями, корчагами, отбросами, свидетельствующими о близости реки. Мы ищем ее по карте. Она здесь же под боком, в самой Маниле, и называется эта река Пассиг.

Сегодня восемнадцатое декабря. Какая погода! Море синее, солнце нестерпимо печет. А ведь отсюда не так уже далеко до советских дальневосточных берегов, где сейчас снег, шубы, скрип полозьев и ледоколы, с трудом разрезающие лед. Мы все еще щеголяем по палубе в одних трусиках. И то жарко.

Над пароходом совсем невысоко раздается жужжание мотора. Мы поднимаем глаза к ослепительному солнцу и видим реющие над нами в синем небе американские самолеты, а с левого борта небольшой, весь утопающий в тропической зелени остров. Мы разглядываем его в бинокль: этот остров — великолепно оснащенная крепость. Орудия, аэродром, ангары, прожектора, радиостанция — все по последнему слову военной техники.

На языке империалистов это называется — «укрепить свою колонию, далеко отстоящую от метрополии».

В самом деле, от Америки, тридцать пять лет назад овладевшей Филиппинами, отделяет огромное расстояние. Между тем гораздо ближе отсюда до Японии. Или хотя бы до укрепленной английской крепости на Тихом океане — Сингапура. И Америка, чтоб не оказаться когда-нибудь перед фактом отторжения у нее Филиппин другим государством (как сама Америка это сделала в конце про-

шлого столетия, отняв острова у Испании), занялась работами по укреплению Филиппин.

Вахтенный с капитанского мостика обнаружил в бинокль три огромные радиомачты, одна подле другой. По мере приближения парохода к берегу можно было вскоре различить их невооруженным глазом. Потом увидели четырехмачтовый огромный парусник и тотчас узнали его. Это испанское парусное моторное учебное судно, находящееся в кругосветном путешествии, мы видели в Сингапуре. Старый знакомый.

Но вот и берег острова Люсон.

Катера под филиппинским флагом привезли изрядное количество чиновников. Когда формальности, связанные с заходом судна, были закончены, нам оставили «на поселение» инспектора; его обязанность — безотлучно находиться на пароходе и наблюдать за всем на нем происходящим. Затем, разрешив спустить свою шлюпку для связи судоэкипажа с берегом, чиновники удалились.

Двумя часами позже мы выехали на берег впятером, и не на собственной шлюпке, а на катере, принадлежащем прачечнику. Здесь, в Маниле, как во всех почти предыдущих портах, к нам на борт явились портные с образчиками материалов, продавцы пресной воды, шипчандлеры, прачечники, даже парикмахер с чемоданчиком.

Так вот, темнокожий прачечник, взявший в стирку судовое белье, любезно пригласил пятерых, желающих съехать на берег, занять места в его катере.

Первое, что мы увидели на берегу, — огромные американского типа склады. Но по мере отдаления от порта чисто американский колорит стал разбавляться всякими превходящими, можно сказать, колониальными особенностями.

Бросается в глаза крепость. Старинная испанская крепость. Толщина стен свидетельствует о той системе прочной кладки, которая была принята много веков тому назад. На улицах Манилы жарятся на солнце бананы, большие стройные бамбуки, растущие исполинскими кустами или букетами, устремляясь, как пучки стрел, вверх и разбегаясь там ветвями в разные стороны.

Мы нанимаем яркий, выкрашенный для отличия от других машин в какой-то канареечный цвет таксомотор. Отъехав немного в сторону от Манилы, мы увидели табачные, кофейные и сахарные плантации. Но бананов

больше всего. Отовсюду торчат их яркосвежие листья, под сенью листвы — крупные и тяжелые кисти плодов.

Этот город хотя и принадлежит Америке, но сохранил следы не очень давнего испанского владычества: монастыри и церкви, смахивающие на тюрьмы, испанские фамилии на вывесках, сшитые по старинному испанскому покрою платья филиппинок, хорошо откормленные испанские попы и монахи, испанский говор, испанские названия местных денег — пезо и сентаво — и наконец просторные «драндулеты» с маленькими, как цирковые пони, лошадками.

Влияние Америки, захватившей около сорока лет назад у Испании Филиппинские острова, сказывается в стиле новых домов: высотою в семь-восемь этажей, они отчасти напоминают небоскребы.

Наше внимание привлек стоящий недалеко от реки Пассиг памятник Магеллану. Отважный мореплаватель отправился больше четырехсот лет тому назад на поиски новых колоний и новых путей.

Во главе флота, состоящего из пяти кораблей, Магеллан в 1521 году впервые пересек океан с востока к западу. Океан в ту пору был удивительно спокоен. За это Магеллан прозвал его «Тихим».

Мы готовы были опровергнуть это название, данное океану четыре столетия тому назад. Но капризный, своенравный и бурный океан стал виновником нашего захода в Манилу.

Вторая после Магеллана экспедиция прибыла сюда в 1524 году под начальством де Лоаиза. Спустя некоторое время пришел мореплаватель Виллалобос, который и дал островам название «Филиппинских» — в честь наследника престола, Филиппа II, тогда еще принца Астурийского.

В семнадцатом веке Мигель Лопец Легаспи, захватив пятерых монахов ордена августинцев, пришел с пятью судами покорять острова силою креста и оружия. Индийцы некоторых вновь открытых островов, куда еще не проникали ни Магеллан, ни Лоаиза, перепугались, увидя европейцев. Они донесли своему начальству, что приехали люди «с тоненьким и острым хвостом, что они бросают гром, едят камни, пьют огонь носом, а носы у них предлинные». Индийцы приняли морские сухари за камни, шпагу — за хвост, трубку с табаком — за огонь, а носы — за носы тоже, только длинные, — не оттого, что у испан-

В Маниле. Слева памятник испанскому мореплавателю Магеллану, открывшему Филиппинские острова.

цев носы были особенно длинны, а оттого, что последние у самих индийцев чересчур коротки и плоски.

Легаспи, по повелению короля, покорил и остров Люсон. Он на Пассиге основал нынешний город, сохранив за ним название бывшего на этом месте селения Мейрон-Нила, откуда в дальнейшем произошло название города Манила.

После того Манила не раз подвергалась нападениям китайцев, японцев и голландцев и наконец англичан. Эти последние, воюя с испанцами, напали в 1762 году на Манилу и вконец разорили ее. Через девятнадцать месяцев мир был заключен, и колония была возвращена Испании.

Когда в конце минувшего столетия началась испано-американская война, филиппинцы, возмущенные действиями испанских колонизаторов, выступили на стороне Америки.

Однако американцы тотчас же после победы над испанцами потребовали от филиппинцев разоружения и полного подчинения. Филиппинцы ответили восстанием, и лишь после подавления его в 1901 году Филиппинские острова стали колонией Америки.

Осмотрев монумент Магеллану, мы взяли направление к центру города и прошли по широкому мосту, проложенному через реку Пассиг.

Большинство домов двухэтажные, деревянные, сделанные наподобие японских. В окнах нет стекол, нет собственно и самих окон, — есть вырезы в стенах и легкие, быстро двигающиеся шторы.

На Филиппинских островах много вулканов, и здесь очень часты землетрясения. Поэтому здания здесь строятся по двум способам: или чрезвычайно массивные или же сколачиваются на живую нитку, чтобы при первых же толчках землетрясения их можно было быстро разобрать.

Перевалило уже за полдень. Волны сверкают, как горячие угли, стены зданий ослепительно белы, воздух как пламя — глазам больно. Высохший язык не охлаждает ни ледяная вода, ни прохладные сладковатые бананы. Ветра нет и в помине, даже дожди, которые в зимние месяцы особенно часты, не идут уже несколько дней.

И нелепыми выглядят на этом убийственном солнце, от которого даже постовые полисмены-филиппинцы прячутся под большие белые зонты, многочисленные плакаты рождественских распродаж:

«Покупайте рождественские подарки!»

«Большой выбор товаров к рождеству христову».

«Рождественские елки и украшения для них».

«Мама! Скажи святочному деду, чтобы подарил мне к празднику радиоприемник».

Через неделю рождество.

На улицах солнце, духота, но из окон магазинов глядят святочные «деды», витрины запорошены снегом из бертолетовой соли и ваты. Туземное население имеет смутное представление о снеге и еще меньше о «дедах-морозах».

В Маниле, как и в других ранее посещенных нами колониях, японские товары заполняют магазины и лавки. Помимо того в Маниле часто встречаешь широковещательные вывески огромных универмагов, рекламирующих товары по неимоверно дешевым ценам.

Мы заглянули в магазин, вывеска которого гласила «American Shoe» — американская обувь. Здесь продавались исключительно американские кожаные изделия. После японских цен стоимость предметов в этом магазине показалась неимоверно высокой. Когда мы — зашедшие в магазин — заговорили между собой об этом, к нам подошел продавец и заговорил по-русски.

Мы полагали — белогвардеец. Но спустя несколько минут узнали всю историю этого немолодого уже человека. Он — австрийский еврей. В мировую войну попал в русский плен и по окончании ее уехал домой — в Австрию. Но ему не нашлось работы на родине. Тогда он поехал искать работы в Америку и поступил там в одну из обувных фирм.

Но вскоре надвинулся кризис, затрещали даже старейшие фирмы.

— Тогда хозяин обувной фирмы, где я сейчас работаю, вызвал меня и еще одного своего служащего, — рассказал он нам, — и заявил, что в Нью-Йорке нечего делать не только нам, но и ему самому. «Я доверяю вам обоим, — сказал нам хозяин.—Вы получите со склада достаточно товаров, чтобы открыть отделение моей фирмы где-нибудь подальше отсюда, например в Маниле. Вы откроете там магазин и будете моими доверенными лицами. Работать будете на процентах с оборота». Мы уже второй год сидим в Маниле.

— И что же?

— Торговля идет плохо. Особенно в этом году. Кризис добрался и до Филиппин. В Маниле триста тысяч жителей, из них много безработных. Хозяин недоволен низкими оборотами. Заработок мой ничтожен. Второй уже месяц не могу собрать для жены десяти долларов, чтобы послать их ей в Нью-Йорк.

На прилавке лежит местная газета «Филиппин Геральд».

Наш собеседник развернул пухлый номер этой газеты и показал нам наглую заметку, сообщавшую, что будто бы советское правительство приговорило сто двух крестьян-колхозников к повешению за неуплату налогов. Наш дружный хохот оказался, повидимому, для наших собеседников вполне убедительным опровержением этой гнусной, подлой клеветы.

С небольшим запасом первых впечатлений от города возвращались мы днем на пароход. Сил нехватало дольше оставаться на этом солнцепеке. Говорят, к вечеру станет прохладнее; так бывает три месяца в году — в декабре, январе и феврале. В остальное время — житья нет. Нас тянет на судно, к морю, авось там удастся отдышаться, набраться сил, чтобы вечером снова выехать в город.

Пристань, где можно нанять катер, находится возле портового ресторана с баром и дансингом, который работает круглые сутки. Главный контингент посетителей этого заведения — военные моряки. На берегу им не приходится долго итти по жаре в поисках кружки пива, виски, закуски, фокстрота и партнерш для танцев. Все необходимое для развлечения американские моряки находят здесь — в этом припортовом комбинате веселья.

В тот же вечер после ужина вахтенный матрос объявил:

— Для желающих выехать на берег шлюпка отходит с левого борта.

Опять мы на берегу. Свет, люди, шум города, неоновые огни реклам. Моряки делают шаг ко всему этому, но вдруг ощущают на своих бедрах чьи-то тяжелые руки.

Руки плотно прижимаются к карманам пиджаков и брюк. Колония дружественной страны в лице полицейских встречает советских моряков обыском. Деньги, пачки папирос, носовые платки вытаскиваются наружу. Ничего предосудительного... Путь в город открыт.

Это было девятнадцатого. В этот день вечерние га-

зеты небольшой заметкой оповестили манильцев, что советский пароход, израсходовав в связи со штормами запас угля и пищи, принужден был завернуть в Манилу.

Советский пароход — редкий гость в Маниле: уже три года сюда не заходило ни одно судно под красным флагом.

Газетное сообщение о его приходе привлекло внимание горожан. И утром двадцатого декабря возле нашего трапа появились первые экскурсанты.

Они подъехали к нашему борту на грубой некрашеной шлюпке, и, когда поднимались по трапу, мы сосчитали их. Десять молодых людей — девушек и парней — и двое мальчуганов лет по девяти.

Полицейский чиновник, недремно проводивший на советском пароходе вторые сутки, увидев прибывших, спустился с верхнего мостика к трапу. Прибывшая к нам молодежь обратилась к вахтенному помощнику с просьбой разрешить ей осмотреть пароход под красным флагом. Тот спросил полицейского чиновника, не встречает ли это препятствий с его стороны. Чиновник разрешил. И через несколько минут филиппинские ребята (в их числе два китайца) ходили по палубам, заглядывали в каюты. Все члены судового экипажа, знающие английский язык, были прикомандированы к молодым гостям.

Молодые скуластые филиппинцы, филиппинки и китайцы сообщили нам, что их самым большим желанием было и остается одно — побывать в Советском союзе.

— Среди нас он — единственный счастливец: он был в Москве, — сказали наши гости и указали на смуглого парня в больших роговых очках.

Тот показал мне свое удостоверение личности. В нем говорилось, что предъявитель сего Доминадор Гальвец является репортером манильской рабочей газеты «Синаг».

— Объясните, что означает слово «Синаг»?

— «Синаг» — это... это... как это называется... — он припоминал русские слова. — Свет, нет иначе... радиус. Нет, не так... Ага, вспомнил... Синаг по-русски будет «луч».

Гальвец рассказывал: желание побывать на пловучем клочке советской территории охватило многих трудящихся, но прежде всего осуществила его вот эта группа рабочей молодежи. Точнее будет сказать — безработной молодежи.

Группа филиппинской молодежи, посетившей советский пароход и арестованной за это полицией. В верхнем ряду в очках — Доминадор Гальвец.

И вот они на судне в окружении тридцати восьми человек только что прибывших «оттуда» — из СССР. Сколько вопросов, давно одолевавших пытливые молодые умы, получили во время этого визита простое и исчерпывающее разрешение!

...Шелестят страницы журнала «СССР на стройке», разворачивая перед филиппинской и китайской молодежью картины жизни нашей страны. Здесь показана стройка, рабочий быт, физическая культура, наши реконструируемые и вновь созданные города. Удивительное дело, мы, около трех месяцев назад оторвавшиеся от родины, рассматриваем эти фото новыми глазами. Мы замечаем те детали, которые не так волновали нас, пока мы были у себя дома. Очень часто иной снимок из журнала вызывает поток вопросов. Рабочие жилища в новых домах: светло, просторно, каждая комната — резервуар воздуха и света.

— Неужели так вот живут у вас обыкновенные рабочие?

— Разве вы не видели, как живут на нашем пароходе обыкновенные матросы и кочегары?

— Да, да, да!!!

Несколькими минутами раньше наши гости восхищались отличными каютами команды.

Судоэкипаж зовет своих гостей на обед.

— Замечательные щи, жирные. Давно таких не ел, еще из Москвы, — по-русски говорит нам Гальвец. Потом добавляет: — Мы не привыкли к такому обильному питанию. Ваш обед из трех блюд, нам же приходится зачастую довольствоваться одним блюдом.

Мы объясняем, что обед у нас один для всей команды, то есть все едят одну и ту же пищу — рядовые моряки и комсостав.

— Вы уверены в завтрашнем дне, а у нас ни завтра, ни сегодня, — говорит молодой водолаз-филиппинец.— Я, пожалуй, скоро забуду свою профессию, вот какие дела.

Пока наши гости продолжают осматривать судно и беседуют с командой, я разговариваю с Гальвецом.

В колониальных странах это была третья моя встреча с газетным работником. Первые две произошли в Сингапуре. То были желторотый Макс и мистер Ванг — представители буржуазных газет.

Доминадор же Гальвец работает в газете, которая издается на средства манильских рабочих и является рупором загнанных в подполье рабочих организаций.

Он рассказывает обо всем сразу: о том, как местные власти упрятали за решетку руководителя местных коммунистов, наборщика Крисандо Эвангелисто, как сам он недавно сидел за выступление на митинге, как протекала длительная забастовка двадцати пяти тысяч рабочих сигарных фабрик, нещадно эксплоатируемых владельцами.

Гальвец отлично разбирается в международной политике: он говорит о «прицеле» Японии на Филиппинские острова, дает оценку политическому положению захватившей их Америки, затем подробно анализирует настроение филиппинского пролетариата, не желающего видеть хозяином острова ни Америку, ни Японию.

Когда речь заходит о независимости Филиппин, Гальвец рассказывает, что в 1933 году в Америке был проведен закон о предоставлении Филиппинским островам независимости по истечении срока, определяемого примерно в двенадцать-тринадцать лет. По этому закону од-

нако США сохраняли за собой свои военно-морские базы, а доступ филиппинских продуктов на американский рынок подлежал постепенному ограничению еще до того, как этот закон о независимости вступил в силу. Этот план был отвергнут филиппинским законодательным собранием. В 1934 году в Америке был принят новый закон, который воспроизводит основные положения старого, но дальнейшее урегулирование вопроса о морских базах предусматривает в порядке договора между Филиппинами и США.

Вокруг филиппинского вопроса в Америке ведется напряженная борьба, причем часть газет настаивает на немедленном полном уходе американцев с островов, обладание которыми признается «опасным со стратегической точки зрения». Наличие в Америке такой точки зрения вызывает тревогу в Англии, ибо уход США и, стало быть, захват Филиппин Японией поставят в порядок дня вопрос о судьбе Гонконга, Британской Малайи, расположенной дальше к западу, и Сингапура, которые окажутся перед непосредственной угрозой японского вторжения.

Я внимательно слушаю Гальвеца. Его костюм из белого полотна чисто выстиран, отглажен, но весь заштопан, заплатан. Его башмаки начищены, но дырявы. Одежда всех прибывших экскурсантов примерно в таком же состоянии. Она чиста, но безнадежно амортизировалась и требует замены.

Гальвец рассказывает:

— Здесь рабочий день длится десять-двенадцать часов, однако заработная плата так низка, что и находящий себе применение рабочий едва сыт. Что же говорить о безработных?!

Очевидно, немногое изменилось со времени писателя Гончарова, оставившего такую запись:

«Мальчикам платят по полуреалу в день (около семи копеек), а работать надо от шести часов утра до шести вечера; взрослым по реалу, когда понадобится — работают и ночью. Мастера-американцы получают 1 800, 1 500 и 1 000 долларов в год».

Один из наших гостей — молодой водолаз — рассказывает, что не так давно ему повезло: он заработал несколько пезо (один пезо — около шестидесяти копеек).

Доминадор Гальвец считался богаче, он получал от своей редакции пятьдесят сентаво в день (на наши день-

ги—30 копеек). Сейчас за ярую поддержку забастовщиков местные власти запретили на время выход рабочей газеты «Синаг». Репортер Гальвец оказался без денег, но не без дела. Если нельзя печатать газету на типографском станке, — разве не существует других способов выпускать ее для своего рабочего читателя?

— Если вы не торопитесь, — сказал кто-то из моряков гостям,— мы можем показать вам несколько частей советского фильма.

— Куда же нам торопиться? — ответил один из группы. — Ведь мы все — безработные.

И в кают-компании судна для них были продемонстрированы из фильма «Герои Арктики» эпизоды гибели «Челюскина» во льдах и возвращение героев-челюскинцев в Москву. Когда на экране показалась Красная площадь, в занавешенной кают-компании раздалось пение. Наши гости на своем языке стройно спели «Варшавянку» и «Интернационал».

После двухчасового пребывания на борту «Серго» они распрощались с нами и на своей неуклюжей шлюпке, довольные и счастливые, уехали обратно в город.

И никто из нашей команды, приветствуя с борта отъезжавших, не думал, что так печально может закончиться эта невинная экскурсия.

К вечеру памятного команде «Серго Орджоникидзе» дня — 20 декабря 1934 года — события развернулись так.

Около пяти часов дня штурман-комсомолец Федор Самойлов, кочегар Михно, старший механик и я выехали в город. Гребцом на шлюпке был кочегар Гончаров.

Вот и пристань возле берегового ресторанчика с баром. Последним покидаю шлюпку я.

Но что это? Не успел еще я как следует ступить на пристань, толсторожий субъект вырывает из моих рук большой конверт, адресованный московскому журналу «Огонек».

— Мы арестованы? За что?

Никаких ответов. Мы видим, как на шлюпке юркий паренек обыскивает нашего гребца Гончарова. Нас вталкивают в машины и везут вдоль главной улицы, по которой вчера еще мы мирно разгуливали. Авто сворачи-

вает в переулок, и вот «интелидженс сервис» — политическая полиция Манилы.

Нас вводят в кабинет полицейского капитана Гвидо, и здесь причина ареста нам становится понятна. В кабинете в полном составе находится группа экскурсантов, нынче утром посетивших наш пароход. Все здесь, даже мальчуганы.

— За что нас арестовали? — спрашивает Самойлов.

— Видите ли, в Маниле много коммунистов, — отвечает, глядя поверх очков, капитан Гвидо. — Мы не хотели бы ваших встреч с ними.

Толсторожий сыщик передает Гвидо мое письмо. Вскрыв его, полицейский капитан вызывает к себе полицейского фотографа и поручает ему сфотографировать мое послание.

— Снимите и этих людей, — говорит он, указывая на нас.

Штурман Самойлов по-английски заявляет ретивому капитану, что никто из нас этой «чести» подвергнуться не намерен.

Группу недавних наших молодых гостей уводят, и здесь начинается то, чего мы никак не предполагали. Нас подвергают обыску, потрясающему по наглости. Сыщики запускают свои пятерни в наши карманы. Кочегара Михно заставляют разбинтовать перевязанные ноги, и, лишь когда обнаруживаются раны, успокаиваются.

В полицейском автомобиле нас везут на пристань.

Здесь оживление. Толпы людей смотрели, как сыщики хватают наших товарищей и арестовывают их, хотя разрешение посещать берег мы получили и уже беспрепятственно выходили в город.

Действия полиции возмутили не только трудящихся Манилы, явившихся на пристань в чаянии посетить советский пароход, но и американских военных моряков, всегда наводняющих портовый бар.

Они громко выражали свое негодование, возмущались тем, что у филиппинских властей пользуется гостеприимством белогвардейская сволочь, а советским морякам оказана столь возмутительная встреча. Некоторые из американских матросов, дюжие парни гренадерского роста, засучив рукава, рвались в драку с полицией. Мы всячески успокаивали их, уговаривая воздержаться от вмешательства.

Одна из центральных улиц Манилы.

На пристани задержанным советским морякам было объявлено, что их вновь пустят в город по предъявлении мореходных паспортов. Немедленно привезли с парохода все мореходки, и полицейские занялись заготовлением списков с фамилиями съехавших с судна. Закончив эту работу, разрешили наконец выход в город, снарядив за всеми ушедшими множество шпиков.

Но не прошло и одного часа, как манильские власти успели изменить свое решение.

В этот вечер манильская полиция применяла опереточные приемы: советских моряков, час назад пущенных в город, шпики по приказу свыше вытаскивали из магазинов, кафе, ловили на улицах, доставляли в полицию, обыскивали, ничего не находили и отвозили на пароход. Полицейскому чиновнику, сидевшему на «Серго», приказали на берег никого из нашей команды больше не пускать. Зато интерес манильцев к советскому пароходу нарастал.

В этот же день полицейский катер перехватил на полпути к нашему «Серго» шлюпку с двенадцатью молодыми филиппинскими рабочими.

Быть может, мы и не узнали бы толком, чем навлекли на себя гнев и немилость манильских властей, если бы нам не принесли газеты.

Номер местной газеты от двадцать первого декабря сразу начинался с описания «русских событий». На первой же колонке красовалась трехэтажная шапка следующего содержания:

«24 ареста в связи с визитом советского парохода.

Полицейские задержали мужчин и женщин для допроса о красной активности.

Шестнадцать судовых офицеров и команда были препровождены на борт после запрета съезжать на берег».

Цифры сразу выросли вдвое. Двенадцать побывавших на нашем судне (включая двоих ребят) превратились в двадцать четыре. Газета так начала повествование:

«Двадцать четыре филиппинца и китайцы, побывавшие вчера на советском пароходе, были в порту арестованы полицейскими и препровождены для допроса о возможной коммунистической активности».

Другая газета — «Филиппин Геральд»—рядом с полицейской ложью о том, будто наша команда не имела разрешения выходить на берег, сообщила:

«Полицейские чиновники удовлетворены тем, что русский пароход не имел связи с забастовщиками на сигарной фабрике, а также с коммунистическим движением в Маниле».

Так в чем же дело? Для чего понадобилась вся эта полицейская провокация и шумиха? Или советский пароход, загнанный непогодой, некстати вклинился в инсценируемое с великим трудом предрождественское благолепие? Или, может быть, советский пароход виной тому, что мировой кризис особенно сильно отразился на этой колонии в минувшем году, что на Филиппинах до пятидесяти тысяч безработных, а занятые рабочие получают за свой двенадцатичасовой труд жалкие гроши? Это и послужило причиной недавней забастовки двадцати пяти тысяч табачников, являющихся основной массой местного пролетариата.

На Филиппинах растет вляние компартии. Полиция, засадившая год назад за решетку ее руководителя — наборщика Крисандо Эвангелисто, убедилась, что этими мерами подавить рабочее движение в колонии не удастся. На место товарища Эвангелисто стали другие и повели эксплоатируемую массу в бой за свои права.

Уже после нашего отъезда, в мае 1935 года, на юге острова Люсон вблизи Манилы вспыхнули крестьянские восстания. Телеграфная и телефонная связь в окрестностях Манилы была прервана на пятнадцать миль. Восстание охватило провинции Лагуна, Рисал, Булакан и Кавите.

Хорошо вооруженные повстанцы, занимая на своем пути города и села, двинулись по направлению к Маниле. Между ними и войсками произошли крупные бои. В Сан-Ильдефонсо и в Булакане повстанцы захватили муниципалитеты. Ряды повстанцев все время пополняются крестьянами, прибывающими из сельскохозяйственных районов.

Наиболее ожесточенные бои происходили в городе Кабуно. Войскам и полиции удалось после ожесточенного боя выбить повстанцев из города. В бою возле Кабуно войска пустили в ход артиллерию.

Но через несколько дней после этой кровавой расправы восстания вспыхнули с новой силой в провинции Лагуна.

Войска и полиция расстреляли двадцать крестьян.

Мировая печать оценила майские восстания на Филиппинах как крупнейшие в истории Филиппин.

Вот почему появление на рейде Манилы красного кормового флага так взбудоражило местные власти. Кстати, они, эти власти, в местных газетах именовали нас всех не иначе, как «красными».

Сам начальник полиции — генерал Базилио Вальдес — сообщил местным газетам о преступных замыслах некоторых манильских граждан. Цитирую дословный перевод его заявления:

«Несколько групп местных жителей хотели посетить советский пароход, но были интернированы. Мы обставили береговой фронт полицейскими сыщиками («интелидженс сервис»), чтобы не допустить филиппинцев на пароход к красным».

После этого созывается совещание по «русскому вопросу». Мирно грузившийся на рейде углем советский пароход манильскими провокаторами возводится до степени «вопроса». В дело вмешивается генерал-губернатор Морфи.

И хотя полиция установила, что ни с забастовщиками, ни с коммунистическим движением советские моряки связи не устанавливали, — совещание выносит нам драконовский приговор:

«Немедленно убраться с рейда, не закончив погрузки угля, не взяв продовольственного запаса».

Долой с глаз — без топлива и пищи — на съедение штормам и нордам, бушующим в Китайском море!

Повидимому, все эти Гвидо и Гвинто, Морфи и Вальдесы не упускали случая показать своим хозяевам, как они энергично выкорчевывают в колонии «красную опасность». Вопреки существующим международным правилам местные власти гнали пароход на верную гибель в зимний океан.

Но есть на свете Москва!

Это учел съехавший на берег (вопреки запрещению) дублер капитана. Он и все другие съехавшие с ним были тотчас же схвачены на пристани сыщиками и доставлены в полицию. Это собственно и нужно было. Наши моряки решили заявить там, что о возмутительных действиях полицейских агентов будет немедленно заявлен протест в Москву и Вашингтон.

После длительных совещаний с самим губернатором

Дом филиппинского правительства в Маниле на берегу реки Пассиг.

последовало «милостивое» разрешение добрать уголь и договориться с шипчандлером о доставке на борт провизии.

Когда официальные разговоры с полицейскими властями закончились, полицкапитан Гвидо почему-то заинтересовался судьбой последнего русского царя.

— Неужели его расстреляли? — спросил он машиниста Юца.

— Ну конечно, — ответил отлично знающий английский язык Юц. — Расстреляли с семьей, сожгли и пепел по ветру пустили, чтобы и воспоминания не осталось от этих гнусных кровавых собак.

— Неужели нельзя было поступить с ними помягче?— сокрушался Гвидо.

Юц вспылил и сказал:

— Революция, знаете, никаким царям в зубы не смотрит. Когда-нибудь вы в этом сами убедитесь...

Гвидо перекосился и отшатнулся к стене.

Его тревожила почему-то давно решенная участь последнего русского царя. Между тем за дверью его кабинета за решеткой третьи сутки валялась закованная в кандалы молодежь, посетившая наше судно. Два мальчугана были здесь же. «Сердобольный» Гвидо содержал под арестом и детей.

Когда мы уходили из полиции, в последний раз я поглядел на широкую решетку, за которой томились наши арестованные товарищи. Мы не могли протянуть им руки для крепкого прощального пожатия, не могли даже кивнуть головой. За нашими спинами двигалось изрядное количество шпиков из «интелидженс сервис».

Я увидел глядевшего нам вслед Доминадора Гальвеца.

На Доминадоре были наручные кандалы. Когда я проходил мимо решетки, мы обменялись взглядом, и мне на всю жизнь запомнились его умные большие глаза, глядевшие мне вслед из-под роговых очков.

★

Тишину улицы прорезают голоса газетчиков:

— Русские угрожают протестом на действия филиппинских властей!—кричат они, потрясая пачками только что вышедших газет. — Русские угрожают протестом в Москву и Вашингтон! Губернатор Морфи принял участие в совещании по русскому вопросу!

Мы покупаем газету и обнаруживаем на первой полосе свои портреты. Эти снимки были сделаны нынче утром на берегу, куда мы выехали вопреки вчерашнему запрещению властей.

Дальше излагалась со всеми подробностями беседа дублера капитана с сотрудником «Филиппин Геральд», проведенная каких-нибудь полтора часа тому назад в кабинете Гвидо.

На судне застаем угольный хаос. Вся палуба покрыта мелкой черной пылью. С берега приехали полицейские чиновники поторопить черных грузчиков, чтобы быстрее грузили уголь с баржи на судно.

Полицейским дан приказ губернатора — поскорее нас выпроводить из Манилы. Губернатор не может дольше терпеть скопления на пристани множества людей, пришедших поглядеть на советское судно и покритиковать дурацкие мероприятия местных властей по отношению к прибывшим красным.

Едва только закончилась погрузка угля с барж на пароход, манильские власти приказали вывести «Серго» за брекватор. Указание, что не доставлена еще провизия и белье, не принято во внимание. Губернатор приказал убрать с рейда судно под красным флагом — пришлось подчиниться.

Мы отходим за брекватор, чтоб не находиться на виду у Манилы. Дома, берег, растительность становятся меньше по мере удаления «Серго» от рейда.

В вечерней газете, которую нам привезли, когда пароход находился за брекватором, мы нашли заметку, сообщавшую об уходе из Манилы красного судна, срок стоянки которого был предельно сокращен по требованию губернатора Морфи.

Следующей сенсацией вечерних газет было сообщение о банкете, устроенном в одном из манильских монастырей в честь захода испанского учебного военного судна. Подробно описывалось великое пьянство монахов и моряков с приглашенными на торжество женщинами. Особенно смаковался факт об одном морском офицере, заснувшем в дальнем углу в объятиях своей подруги и проспавшем отход корабля. При этом указывались даже такие подробности, о которых из элементарной скромности следовало бы молчать.

Получив все необходимое, «Серго» снялся с якоря и

стал выходить в открытое море. Полиция выслала свой катер сопровождать нас.

Зато американские военные моряки, как только мы поровнялись с их кораблями, приветствовали судно под красным флагом.

Так закончилось наше пребывание в американской колонии. Прощай, негостеприимная Манила, прощай, остров Люсон!

«СТРАНА УТРЕННЕЙ ТИШИНЫ»

Флажок на карте. — Тихий океан лютует. — В Цусимском заливе. — Третья колония. — Японские чиновники на борту «Серго». — Условия схода на берег. — В Корее. — Улицы Фузана. — Носогрейки. — Наши гулливеры. — Ночь под новый год. — Белогвардейская радиопередача. — Почему дешевы японские товары. — Корейцы под колониальным гнетом. — История завоевания Японией «страны утренней тишины». — Проказа, публичные дома, шпики. — Революционное движение в Корее. — Японские игрушки. — Сотый день плавания. — Советские берега.

СУРОВ и непокоен в декабре Тихий океан. В эту пору в нем зарождаются и лютуют тайфуны, дуют злые норд-осты, стоят туманы. Нелегко приходится в это время года судоводителям, находящимся в океане.

Каждые четыре часа меняется вахта и, сменяясь, подводит итоги своему дежурству. В вахтенный журнал через каждые четыре часа заносится количество пройденных миль. И всем интересно: сколько же мы прошли за эту вахту, в эти мучительные четыре часа, когда океан то подбрасывал нас вверх, то низвергал в пучину, из которой, казалось, не было возврата, то кренил так, что судно зачерпывало обоими бортами кипучую соленую воду.

В столовой моряки разглядывают висящую на стене большую карту. По ней с Ближнего до Дальнего Востока тянется яркокрасная извилистая черта. Она проходит через сеть отпечатанных на карте голубым цветом океанов, морей, проливов и заливов. Во время рейса красный флажок через каждые несколько часов движется вперед. Он совсем уже недалек от советской земли. Этот флаг на карте — наш пароход в океане.

В благоприятную погоду пяти-шести дней достаточно, чтобы пройти от Филиппинских островов до наших дальневосточных берегов.

Но в этом хаосе кто может сказать, когда мы увидим свою родную землю?

Здесь, в Тихом океане, повторилось все то, что было уже испытано перед заходом в Манилу. Едва мы чуть продвигались вперед, как сильные порывы волн швыряли судно обратно. Приходилось затрачивать очень много топлива, кочегарам приходилось особенно усиленно работать, чтобы сколько-нибудь противостоять напору стихии и хотя бы медленно, пусть «черепашьим шагом», но все же двигаться вперед. Ведь кораблю, оставшемуся в такую непогодь не под парами, приготовлен один путь — верная гибель.

Запасы топлива, взятого в Маниле, таяли катастрофически быстро. Их требовалось быстро пополнить.

За углем решено было зайти в Нагасаки.

Но как сложно оказалось осуществить это решение в кромешном тумане и норде! Мы прошли траверз Нагасаки, не заметив его. Когда это обнаружилось, Нагасаки был уже далеко за нашей кормой. Возвращаться обратно? По приблизительным определениям, для этого следовало проделать шестьдесят миль. В такую-то погоду! Нет, итти вперед, только вперед до первой ближайшей остановки.

Что творил с нашим «Серго» океан, когда, выйдя из японского архипелага, взяли курс на Цусиму! Пароход швыряло так, что казалось — вот сейчас ляжем на один борт, зароемся в пену кипучих вод и погрузимся в пучину.

Сидеть в каюте не хотелось. Да и можно ли в ней сидеть, если каждую минуту жди сюрприза? Уж, кажется, все укреплено, каждая вещь крепко-накрепко привязана, но при сильном крене оказывается, что закреплено не все. То слетит и разобьется вдребезги флакон, то выскочит из шкафа плотно задвинутый ящик с вещами, то оторвется привязанный к умывальнику и дивану чемодан и с грохотом пойдет гулять по каюте. Только успевай собирать разбросанные вещи. А как их соберешь, если самого тебя швыряет от кровати к двери, от стола к дивану! Не устоишь, попробуешь лечь, но спустя немного окажешься на полу, если не успеешь ногами плотно упереть-

ся в стенку, а руками ухватиться за ножку стола, привинченного к полу.

Вот и последний день старого года.

Мы собрались в красном уголке — все свободные от вахты. Сидим верхом на привинченных к полу стульях, обхватив спинки их обеими руками. Так только и можно сидеть, иначе сошвырнет на пол. Кто-то подсчитал: сегодня девяносто пятый день нашего рейса. Флажок на карте почти у самого Владивостока. Расстояние — ну, каких-нибудь несколько дюймов. Вот уж, действительно, близок локоть...

Кто знает, сколько дней понадобится, чтобы осилить эти «дюймы». И куда еще нам придется сегодня или завтра сделать заход?

В красном уголке старший помощник капитана доедает свой обед. Ему сейчас на вахту, он и вахтенные матросы обедают поэтому раньше других. Старпом обедает в красном уголке, потому что в кают-компанию не добраться — она помещается на корме. Пока дойдешь до нее по открытой палубе, обольют не раз высокие волны. Еще хорошо, если только обольют. Могут и утащить в море. Был такой случай с капитаном «Трансбалта». Его смыло, слизнуло в одно мгновение. С тех пор все советские суда, проходя там, где погиб капитан, приспускают флаг. Это сделали и у нас, на «Серго».

С мостика приходит сменившийся только что с вахты штурман Самойлов.

— Чего сидите? — обращается Федя к собравшимся.— Идите Цусиму смотреть. Мы ведь ее сейчас проходим.

Мигом срываемся со стульев. Хватаясь за дверные ручки, за мебель и стены, выползаем на палубу и долго не отрываясь рассматриваем неприветливые скалы. Наши судоводители решили сделать заход в ближайший отсюда порт Фузан, где — по сведениям, вычитанным в лоции, — всегда можно купить уголь и пресную воду.

Отчаянно швыряемый из стороны в сторону, «Серго Орджоникидзе» несколько часов плутал в тумане. Трудно было определить точный вход в недалекий, повидимому, порт.

В сумерки, после многих усилий, открыли наконец вход в Фузан.

Недалеко от берега ревели судовые сирены. В бинокль с трудом разглядели севший на мель или наскочивший на

камни вблизи берега пароход. Его пробовали стащить с гиблого места на буксире два других парохода.

Чтобы избежать участи этого судна, решили стать далеко на рейде и вызвать к себе портовые власти. На сигналы расчет был слабый. Стали вызывать портовиков гудками. Прошло немало времени, пока к нашему борту подвалил катер и на трапе появилось несколько японцев, одетых в морскую и полицейскую формы.Они прошли в кают-компанию для выполнения формальностей.

Итак, мы снова в колонии империалистов, в Корее.

Мы побывали в английских колониях — в Порт-Саиде, Коломбо и Сингапуре, повидали американскую колонию на Филиппинах, и вот перед нами еще одна колония, на этот раз японская.

— Мы желали бы встретить новый год на берегу, — заявила судовая администрация представителям власти и таможни, когда закончилось выполнение формальностей и была съедена предложенная прибывшим традиционная закуска.

— Хорошо,— сказали японские чиновники.— Это можно, но не выносите с собою на берег ни фотоаппаратов, ни папирос. Кроме того все купленные вами на берегу вещи при возвращении на свое судно благоволите показать таможенным чиновникам. Это не причинит вам больших хлопот. Ведь таможня находится на берегу.

Мы дали подписку в том, что не вынесем фотоаппарата и будем курить, находясь на берегу, исключительно японские сигареты. Что касается чиновников — они с жадностью набросились на предложенные им советские папиросы и увезли с собой, словно тончайший деликатес, несколько подаренных им пачек.

Через несколько времени после отъезда японских чиновников к борту «Серго» подошел катер, чтобы отвезти свободных от вахты моряков на берег.

Новый год встречаем в Фузане.

Снова берег. Дома, улицы, природа здесь нисколько не похожи на все то, что мы видели в тропических городах. Здесь уже тянет легкой прохладой, какой не знают в тропиках, здесь над городом высятся сопки и на них цветут мимозы. Колорит сугубо японский. И дома в японском стиле, японские магазины, японские иероглифы на вывесках и световых рекламах, японцы и японки на ночных улицах Фузана.

Мы идем из порта к центру и справедливо ругаем улицы только что увиденного нами города. Ну и грязь, ну и слякоть! Это после изумительных мостовых Сингапура и светящихся от лоска, отражающих в себе огни улицы тротуаров Манилы.

Пешеходы на углах улиц вязнут в грязи. Вечер теплый. Мы в плащах, легких пальто, а кто просто в костюмах. Японцы в шубах с перелинами, напоминающих николаевские шинели. Японки в теплых, стеганных ватой кимоно. Корейцы, встречаемые реже, нежели японцы, все в белых или черных халатах, с тонкими трубками во рту.

Японцы зябнут. Они надевают на лицо небольшие черные маски, прикрывающие нос и рот. В масках отверстия для воздуха. Это — носогрейки. Их продают на каждом шагу, в каждой лавчонке.

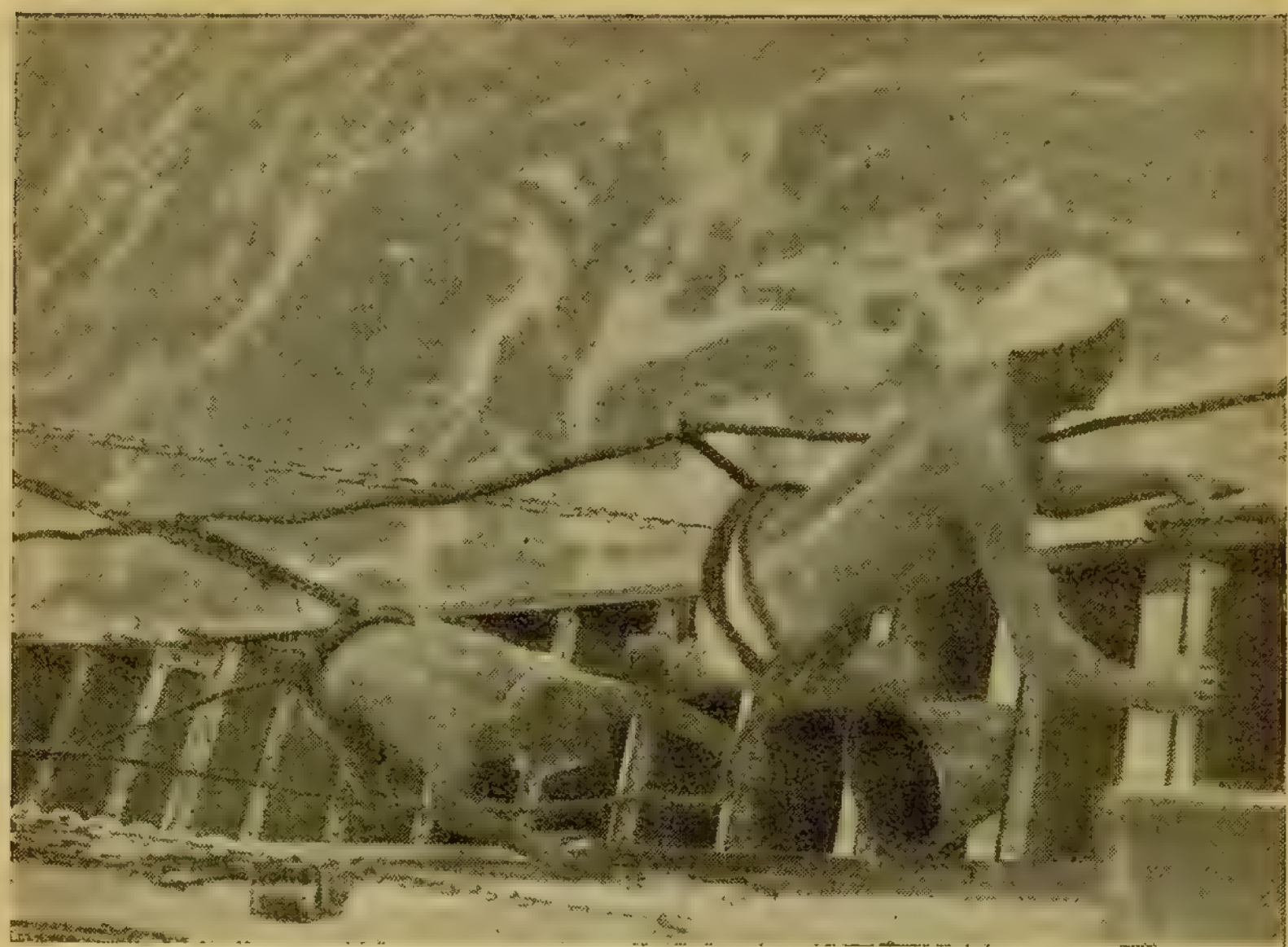
Мы начинаем осматривать Фузан — один из важнейших портов Кореи — именно с порта. Здесь железнодорожный вокзал начинается в порту, а порт на вокзале. Отличное сочетание. Пассажирские экспрессы и товарные поезда при надобности подходят почти вплотную к пароходам. Из Фузана через столицу Кореи—город Сеул—проходит железная дорога в Манчжурию. Золото, железо, уголь, рис, бобы, пшеница, хлопок, скот, лес, рыба—все, чем богата Корея, переправляется морем и сушей в Японию. Внешняя торговля Кореи осуществляется главным образом с Японией и притом самими же японцами.

Выходим в центр города. Здесь асфальтовая мостовая и тротуары, много света, трамвайный звон, прокатные автомобили, пестрые магазины, лотки и рестораны.

В окнах всех магазинов выставлены рисовые лепешки. Это — пожелание наступающему новому году быть плодородным. В честь праздника над каждым домом красуются бумажные хризантемы и мандарины, обрамленные зелеными ветками.

Появление на улицах Фузана нескольких рослых советских моряков привлекает всеобщее внимание. Низкорослые, короткорукие японцы и корейцы глядят на них снизу вверх. Мальчуганы ходят за ними толпами. В магазинах эти моряки ничего не могут найти по своему росту.

По случаю наступающего праздника магазины сегодня будут торговать всю ночь. Праздновать новый год японцы будут долго — целых пять дней. По пятое янва-



Близок порт. Готовясь к заходу в него, команда «Серго» тщательно моет судно. Матрос и юнга во время хода моют трап. Их привязали, чтобы не свалились за борт.

ря включительно все учреждения и торговые предприятия закрыты. Магазины в Фузане сплошь японские, и торгуют они исключительно японскими товарами.

Хозяева и приказчики энергично зазывают наших моряков к себе в лавки.

В одной из них происходит курьезная сцена. Хозяин лавки, старый японец, узнав, что зашедшие — моряки с советского парохода, отказывается продавать им. Соседи смеются над человеком, в столь трудные времена упустившем покупателей. Приветливо улыбаясь, хозяева соседних магазинов перехватывают наших моряков и с поклонами ведут к себе.

Полночь.

Наступил новый, 1935 год.

Улицы оживлены. Появляются напудренные добела гейши в пестрых кимоно, с широчайшими бантами на спине, с высокими, башнеподобными прическами и музыкальными инструментами в руках. Они спешат в чайные

домики, где их дожидаются подвыпившие гости. Выползло на улицу несколько обломков белогвардейского крушения — русские проститутки. Пьяные молодые люди запевают на улице песни. Солидные японцы в николаевских шинелях при встречах со знакомыми останавливаются и отвешивают один другому десятки низких поклонов.

Из уличного радиорупора, передававшего все время японскую передачу, неожиданно послышалась отчетливая русская речь. Это одна из крупных японских радиостанций в заботах о просвещении белогвардейцев, проживающих на территории «страны восходящего солнца», объявляет русский получас. Устами своих белых прислужников военные клики напоминают белогвардейщине задачи, которые следует выполнить в наступившем новом году.

Слышавшие этот радиобред наши моряки говорили, что они давно так не хохотали.

Центр неплохо освещен торгующими всю ночь магазинами. Чего только нет в них, полки, можно сказать, ломятся от обилия японских товаров. Все выглядит эффектно, но при ближайшем рассмотрении товаров поражает скверное качество, — зато дешево.

Владелец конфексиона — казанский татарин—по-русски пригласил к себе в магазин. Предлагаемое им пальто и пиджаки если даже и приходятся впору нашим морякам среднего роста, то рукава у них едва достигают до локтя.

— Это ничего, ничего, — заверяет хозяин конфексиона, — рукава можно выпустить.

Он готов насколько возможно «выпустить» рукава, только бы не упустить покупателя. Но на деле ничего не получается, и казанский татарин огорчен.

— Возьмите, как есть, — уговаривает он. — Пусть немного короче рукава, зато ведь дешево. Нигде так дешево, как здесь, не купите. Товар хороший, из Токио получаем...

— Чем вы объясняете дешевизну японских товаров?— спрашиваем его.

— Труд очень дешевый, а нужда страшная. Старику восемьдесят лет, почти слепой, а он сидит, ковыряется над чем-нибудь. Иначе сыт не будет. А много ли ему нужно? Чашку риса. Рабочий тоже не многим больше зарабатывает. Очень большая конкуренция. Ребятишки ведь

тоже работают, но им платят совсем уж гроши. Пользуйтесь случаем, господа моряки, покупайте дешевые товары.

Здесь, по Фузану, одному из крупнейших городов Кореи, которую называют еще «страной утренней тишины», бродят неслышными тенями хозяева полуострова — корейцы, чувствующие себя на своей собственной земле не лучше, чем эмигранты, попавшие в чужую страну.

Поднимите голову, взгляните на высокие сопки, окружающие Фузан. Они, словно составленный из многих кусков ковер, изрезаны аккуратно вспаханными квадратиками. Это — участки корейских крестьян, вынужденных на вершинах гор добывать себе насущное пропитание земледелием.

Япония в поисках новых территорий не могла оставаться равнодушной к корейскому полуострову, омываемому с юга Желтым морем, с востока Корейским проливом и с севера Японским морем. На суше ближайший сосед Кореи — Китай. Частью своей сухопутной границы Корея соприкасается с СССР. Корейский пролив отделяет Корею от Японской островной империи.

«Страна утренней тишины» находится на стыке трех государств — Японии, Китая и СССР.

Многие века Корея пользовалась фактической независимостью, откупаясь ежегодно данью от своего наиболее сильного в те годы соседа — Китая. Во второй половине минувшего столетия появились у Кореи новые, более грозные враги, начавшие борьбу за обладание ею,— царская Россия и усилившая свою мощь Япония.

В те времена был еще в Корее король, который совместно с дворянами и помещиками распродавал страну иностранцам. Против короля и отечественной буржуазии поднялось в 1894 году восстание населения. Бессильный перед лицом народного гнева, король призвал на помощь китайские войска. Повстанцы разбили их.

Тогда выступила Япония, давно уже искавшая предлога, чтобы завладеть Кореей. Потребовав немедленно увода китайских войск из Кореи, Япония наводнила полуостров своими войсками, подавила восстание и повела войну с Китаем, выдвинув поводом «защиту корейской независимости».

Япония разбила войска китайского богдыхана, заставила его отказаться от всяких прав на Корею.

Но в то же время Япония оказалась лицом к лицу с царской Россией.

Устранив второго соперника, Япония осталась хозяином Кореи. Чудовищные бесчинства над беззащитным корейским населением начались на покоренном полуострове.

«Они прошлись по стране, как чума, — писал о японцах буржуазный автор Мак Кензи[1], посетивший Корею вскоре после захвата. — Если им нравилась какая-нибудь вещь, они ее брали. Если им нравился какой-нибудь дом, они выбрасывали из него жильцов. Они избивали, насиловали, убивали. Корейцев засекали досмерти за проступки, не заслуживающие даже копеечного штрафа. Корейцев расстреливали за какую-нибудь неловкость. У людей отнимали жилища с помощью обмана. Я слышал от самих корейцев и от проживающих в стране европейцев о сотнях подобных случаев. Насилия проходили безнаказанно и беспрепятственно. Корейцев, приходивших с жалобой к японским начальникам, выбрасывали вон... Наблюдается еще такой факт: в самой Японии курение опиума запрещено под страхом строжайшего наказания. При старом правительстве в Корее тоже были изданы строгие законы против опиекурения. Но японцы разрешили многим своим соотечественникам продавать корейскому населению и опиум и другие наркотические средства».

Вначале японцы сохранили для видимости корейское правительство, корейских министров и чиновников. Корейского короля возвели даже в сан императора, продолжая именовать Корею «независимой». Но, окончательно утвердившись в стране, японцы сочли такую декорацию излишней. К тому же корейский император вместе с дворянами и помещиками за хорошую мзду с легким сердцем продал колонизаторам независимость Кореи.

Император подписал «договор», в котором соглашался на присоединение Кореи к Японии, на уничтожение корейского государства. За это вышедшему в отставку императору положили хорошую пенсию, а многим корейцам из среды крупной буржуазии помимо денежного вознаграждения дали японские дворянские звания.

И с 1910 года Корея с двадцатьюмиллионным населением окончательно превратилась в японскую колонию,

---

[1] Мак Кензи, из книги «Борьба Кореи за свободу».

управляемую японским генерал-губернатором, наводненную множеством японских жандармов, чиновников, военных.

Мы довольно редко встречали в Фузане молчаливых, замкнутых корейцев, движущихся бесшумно как призраки. Их сразу отличаешь от японцев, чувствующих себя завоевателями страны.

Чем занимается корейское население? Среди них полмиллиона мелких собственников — крестьян, миллион триста тысяч совершенно безземельных арендаторов, сотни тысяч батраков. Лишь пятая часть всех корейских крестьян работает на своей земле.

Большую половину урожая корейский крестьянин отдает помещику, и это считается «нормальной» арендной платой. Иногда помещик получает восемьдесят-девяносто процентов урожая. Крестьянин должен за свой счет привезти на склады помещика натуральную арендную плату — рис, бобы, просо — и в случае запоздания со взносом ее платит крупный штраф.

Помещики сдают землю на условиях круговой поруки, и, если один из арендаторов, не выдержав тяжелых условий, скроется, другие арендаторы обязаны обработать брошенный участок и платить аренду.

Один корейский крестьянин так описывает свои обязанности:

«Я запахиваю помещику поля, скашиваю ему траву и штукатурю его дом. Кроме того я шелушу рис, а жена моя даже и прядет. Помещик возлагает на арендаторов и расходы по перевозке за пятьдесят-шестьдесят верст риса, вносимого в виде арендной платы».

Корейскому крестьянину некуда податься от всех этих тягот.

Пойти на предприятие? Но промышленность в Корее развита слабо, и немногим выпадает случай устроиться на фабрику или на завод. Там их ждет десятичасовой рабочий день, а в мелких мастерских и пекарнях работают от пятнадцати до девятнадцати часов в сутки за нищенскую заработную плату, которой нехватает и на одного человека, не говоря уже о помощи оставшимся в деревне.

В последние годы кризис лишил работы половину корейских рабочих, в большинстве своем неквалифицированных.

В японском ресторане.

Корейские крестьяне, не находя работы в городе, бросают свои хозяйства и бегут в леса, где, выкорчевывая и выжигая новые участки, заводят хозяйства. О положении таких «хозяйств» (их сейчас в Корее несколько сот тысяч) пишет корейский журнал «Конгмин»:

«Эти крестьяне уже находятся на краю голодной смерти. О положении их невозможно говорить без содрогания. Им нечем прикрыть свою наготу, и они давно уже не видали каши из зерна. Живут они в шалашах из веток. Однако они должны уплачивать полностью налоги».

Корея — очаг проказы, страшной болезни. Десятки тысяч прокаженных, и число их продолжает расти.

Доведенные до невероятной нужды крестьяне продают своих дочерей в публичные дома, которые являются в Корее японским нововведением, свидетельствующим о «культурной» работе, проводимой Японией в своей колонии.

В тихом Фузане, за чертой торговых кварталов, есть озелененная улица, где расположены публичные дома японского типа. Ее как будто полностью перенесли сюда из Японии, где улицы продажной любви имеют точно такой же вид и все дома, на них находящиеся, выстроены в таком же стиле.

Но корейскому рабочему и крестьянину ненавистны эти «культурные» насаждения колонизаторов. Для них рис — недосягаемая роскошь, им не нужны японские рестораны, где посетителей обслуживают и обхаживают японские девушки; у них нет лишних иен, чтобы сходить в звуковое кино или позволить себе такую роскошь, как поездка в трамвае.

Их замкнутость и старание пореже открывать рот и ронять лишнее слово не случайны. Всюду рыщут японские шпики. Здесь и стены и мостовые имеют уши. И горе тому корейцу, который сболтнет вслух свои мысли о японском господстве. Годы японского владычества научили запуганных корейцев держать язык за зубами. И «страна утренней тишины» стала страной могильной тишины.

Но тишина эта нередко прорывается гулом, проносящимся по всему полуострову. Рабочие и крестьяне придавленной японским сапогом Кореи все громче и внушительнее заявляют о своих правах.

Как во всякой колонии, в Корее часто вспыхивают восстания, направленные прежде всего против тягчайших условий аренды земли, против японских и корейских помещиков. Происходят забастовки рабочих, систематически голодающих вследствие нищенской оплаты труда. Жесточайше эксплоатируемые массы, возмущенные захватом земель и природных богатств, преследованием корейского языка, сожжением книг по истории Чосен (Кореи), не раз поднимались для протеста против угнетателей.

Бронированный кулак японского империализма беспощадно расправляется с восстаниями доведенного до отчаяния корейского населения.

«Корейцы должны подчиниться нашим законам или погибнуть», сказал четверть столетия назад генерал-губернатор Кореи Герауци.

Но никакими усилиями, никакими зверствами не удается властям подавить растущее революционное движение, руководимое японской компартией, которая пользуется громадной популярностью и любовью среди угнетенных и разоренных корейских масс.

Корейцам не забыть 1919 год.

Эхо Великой пролетарской революции докатилось до них, и по всей стране возникло антияпонское движение.

Но безоружные корейцы могли проводить лишь мирные демонстрации под лозунгом: «Да здравствует независимая Корея!»

Массовыми расстрелами и избиениями, пытками и арестами был восстановлен «покой», точнее — могильная тишина, в которую ввергнута Корея. Но начавшееся революционное движение не прекращается, и оно в форме партизанской войны продолжается и теперь.

Революционизируют корейских рабочих и крестьян и те сведения, которые доходят до них с той стороны границы — из СССР, где в граничащей с Кореей части Уссурийской области выделен особый корейский национальный район. Там корейские крестьяне, беженцы из Кореи, не знают тягот аренды, помещиков, национального угнетения. Там не запрещен корейский язык, на нем преподают в школах, выпускают много книг, учебников и газет. Там нет грязных дымных фанз; корейцы, ставшие колхозниками, живут в просторных домах и обрабатывают землю не деревянными мотыгами и плугами, в которые здесь, в Корее, иногда впрягается вся семья. Там, в корейском селе Пуциловке (Уссурийской области), корейцы сами управляют тракторами и комбайнами, в их распоряжении десятки сельскохозяйственных машин.

А здесь, в Фузане? Мы спросили у корейца-грузчика, набивавшего уголь в судовой трюм, обучаются ли его дети в школе. Худой, изможденный человек отрицательно покачал головой.

— У нас недавно закрыли последние корейские школы, остались только японские. Мы же хотели обучать своих детей на своем родном языке. Оказывается, в Корее учиться по-корейски нельзя. Для этого надо жить в советской стране. Мы, портовые рабочие, часто бастуем. Урезают плату, тяжело жить. В Чемульпо тоже недавно бастовали портовики. Мы полагаем, недалеко время, когда наша Корея тоже будет советской страной. У многих из нас есть дети. Им сейчас плохо, нашим ребятам, но, если «это» произойдет, они заживут совсем по-иному, так же как и те корейцы, которые живут на советской земле, в Уссурийской области.

Мы поинтересовались, как живут корейцы на окраинах Фузана и в корейских деревнях, ютящихся у подножия сопок.

Жалкие лачуги из глины, крытые соломой. На остов из

связанных соломой досок намазывается небольшой слой глины, нередко смываемый дождями. Внутри лачуги каменный пол, крытый глиной. В более зажиточных семьях пол устилают бумагой особой выделки. Мебели в этих лачугах не ищите. Она имеется в просторных домах корейских помещиков. Крестьяне же сидят, спят и едят на полу.

Едят они, надо заметить, не рис, который сами старательно возделывают, работая по пояс в воде. Рис вывозится в Японию. Они счастливы, если у них есть в достатке просо и бобы. К весне и этого нехватает; тогда, не имея денег на покупку проса, множество крестьян до начала таяния снега разбредается по горам и долинам на поиски трав, кореньев и древесной коры, употребляемых ими в пищу.

...Первый день нового года был в Фузане солнечным и теплым. В этот день японцы наносили друг другу визиты, и, пока мы ехали на катере с рейда на берег, нам по пути довелось видеть урывками церемонию, которой сопровождается визит. К японским судам, стоявшим на рейде, подъезжали на шлюпках и катерах гости с других пароходов. На палубе их встречала выстроившаяся судовая администрация, нарядившаяся по случаю праздника в строгие, черные костюмы.

Гости и хозяева здесь же на палубе кланялись один другому. Но как кланялись! Один становился против другого и по меньшей мере десять раз гнул спину, отвешивая низкие поклоны и сохраняя при этом застывшую, не сползавшую с губ улыбку.

Заканчивая поклонную церемонию с одним из хозяев, гость тотчас же повторял эту процедуру с другим. То же самое делали хозяева. Мы и по прибытии на берег довольно долго еще наблюдали в бинокль это челомканье, закончившееся лишь тогда, когда все гости и хозяева вдосталь погнули друг перед другом спины.

Магазины по случаю праздника закрыты. Но это не значит, что на них висят замки или опущены шторы. Просто прикрыты двери и наискосок протянута палочка. А в некоторых лавках двери оставлены отпертыми, и только палочка свидетельствует о том, что торговля не производится.

Но закрытие магазинов не мешает вам произвести покупку. Хозяин выйдет в своем праздничном кимоно из прилегающей к магазину комнаты, засвидетельствует вам

своё уважение поклонами и улыбкой, затем охотно сообщит, сколько иен стоит понравившаяся вам вещь.

Игрушечные магазины, удивительно пестрые благодаря большому выбору игрушек различных цветов и оттенков, обратили наше внимание некоторой особенностью. Большинство игр и игрушек — военного характера. Вы можете здесь приобрести пулемет, по форме ничем не отличающийся от настоящего и даже татакающий почти как подлинный; заводной броневик и броневичок, в котором свободно умещается ребенок, могущий управлять и двигаться в нем; такой же танк; заводного японского солдата с винтовкой наизготовку. Заведите его, он начнет прикладывать винтовку к щеке и стрелять, делая это по всем правилам. Наглядная учеба.

Самая популярная игра — морское сражение. На шелковых платках и литографиях часто встречается та же тематика. Оранжевый огонь с японских военных судов повергает в морскую пучину эскадру. На платках японцы любят еще изображать свою армию в походе, в окопах, памятники героям и карту Японской империи, какой она должна быть, если осуществятся мечты военных кругов...

В солнечный первоянварский день на улицах Фузана можно было увидеть немало японских мальчиков, разъезжавших по центральной, асфальтированной улице в своих танках и броневичках. Им с ранних лет прививают военные навыки, при помощи игрушек дают представление о существующем в армии вооружении.

К вечеру в городе появились пьяные. Подогретое сакэ — японская рисовая водка — дало себя знать к концу первого новогоднего дня. Сведущие люди сказали нам, что пить будут все пять дней праздника и на третий или четвертый день количество пьяных увеличится.

Нам не пришлось, к счастью, стать свидетелями этого отвратительного явления. На второй день января погрузка угля была закончена, и мы получили возможность уйти из Фузана.

...В блеске солнечного дня последний чужой берег вскоре исчез с поля нашего зрения.

Снова открытое море, вернее — океан.

— Дней через пять, а то и меньше, будем дома, — говорит капитан.

Теперь уже никого не встретишь на палубе в одних трусиках, как во все время рейса. Команда уже надела

свои спецовки. С каждым днем, с каждым часом все больше крепчает холод. Зима, которой мы не чувствовали до нового года, оказывается, существует. После трех месяцев тропического пекла дает себя знать столь резкий переход от жары к холоду.

Дублер капитана в четыре часа ночи, как всегда, выходит из своей каюты на вахту в шубе. Как-то странно глядеть на тепло одетого человека.

Поутру — это было на сотый день нашего пути — показались советские берега. Гряда припудренных снегом сопок.

Вся почти команда «Серго Орджоникидзе» высыпала на палубу. Все напряженно рассматривали открывшиеся взору заснеженные сопки.

— Земля! Родина! СССР!

Едва ли матросы Христофора Колумба, после долгих скитаний увидевшие землю, радовались больше, чем наши советские моряки.

На палубу выбежал радист.

— Ребята, радио с родины! Доклад Молотова... Идите...

Из коридора, куда вбежали моряки, доносятся четкие слова:

«...и, если вглядеться, мы живем теперь в новом мире, совершенно в новых условиях...»

— Пра-авильно, вот это верно, в новом мире, в новых условиях. Правильно, товарищ Молотов!

Кому, как не нам, возвращавшимся на социалистическую землю из поездки в прошлое, — ведь мы видели на чужих берегах все то, что давно сметено Великой пролетарской революцией на нашей собственной земле, — так вот, кому как не нам, был особенно понятен смысл этих замечательных слов, произнесенных с трибуны VII Всесоюзного съезда советов!

Уже по-настоящему холодно, ночью обледеневают некоторые части судна, вдоль берегов виден лед. А в каютах у нас еще сохраняются дары тропиков — бананы, ананасы, кокосовые орехи, безвкусные японские мандарины. Мы везем их на родину, чтобы раздарить первым советским людям, которые взойдут на борт «Серго».

Один из наших кочегаров на вопрос, что он сделает прежде всего, когда сойдет на советский берег, ответил:

— Пойду черный хлеб покупать. Уж очень по жит-

няку соскучился. Меняю все свои бананы и ананасы на кило ржаного хлеба.

— А ты что сделаешь, сойдя на берег? — спросили у другого.

— Пойду газеты доставать. Комплект «Правды» за все три с половиной месяца. Душа по газете истосковалась. Сразу узнаю, что за это время без нас в СССР произошло.

— А я пойду на почту, — сказал третий. — Там для меня скопилась гора писем.

Итак, наш рейс подходит к концу. Еще день-другой — и комбинат «Сихали», расположенный в бухте Тетюхе, получит наконец свой долгожданный пловучий цех — грузовой пароход «Серго Орджоникидзе». Это судно создаст связь между бухтой и материком, в его трюмы будет поступать вся добыча комбината — серебро, свинец, цинк.

...Еще день-другой — и мне предстоит расстаться с моряками, вместе с которыми делилось горе и радость во время длительного заграничного плавания.

Никогда не позабыть мне дружного моряцкого коллектива, мужественно переживавшего невзгоды и преодолевавшего трудности.

...На сто второй день «Серго Орджоникидзе» окончил тропический рейс. Мы — на родине.

РАЗЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ

Архипелаг — группа островов.

Вахта — очередная служба, смена на корабле. Продолжительность вахты — 4 часа. Находящиеся на вахте называются вахтенными, сменившиеся с вахты — подвахтенными.

Вахтенный журнал — книга, в которую заносятся все события из жизни корабля и лиц, на нем плавающих, случай сношения с другими кораблями и вообще все обстоятельства плавания: курс, направление и сила ветра, ход, крен, температура воды и воздуха, состояние погоды, число оборотов машины и т. п. Журнал подписывается вахтенным начальником.

Галата — торговая часть Стамбула.

Гавань — часть рейда, огражденная естественно или искусственно от ветра и волнения и представляющая удобную стоянку для судов.

Гид — проводник

Доминион — название самоуправляющихся частей Британской империи.

Дублер капитана — второй капитан.

Зыбь — небольшое волнение на поверхности моря, озера, реки. Мертвая зыбь — волнение моря после бури, когда ветер уже стих. Мертвая зыбь передается на значительное расстояние от места, где разразилась буря.

Камбуз — кухня на судне.

Кобчик — хищная птица из семейства соколиных.

Колония — заморское владение государства, отвоеванное им у других, более слабых и отсталых народов.

Кок — судовой повар.

Лоция — руководство в прибрежных плаваниях. Лоция дает сведения о глубине, грунте дна моря, якорных местах, о течениях,— словом, доставляет сведения о всем, что служит руководством к безопасному плаванию в тех местах, для которых лоция изложена.

Миля морская — мера длины на море, равная 1,85 километра.

Пера — европейская часть города Стамбула.

Резиденция — местопребывание.

Рейд — водное пространство у берегов, представляющее собой удобную стоянку для судов, защищенную от ветров и волнения.

Султан — по-арабски — царь.

Склянка — получасовой промежуток времени, обозначаемый одним ударом в судовой колокол. Количество склянок (ударов в колокол) указывает время. Счет их начинается с полудня. Восемь склянок обозначают четыре часа. Через каждые четыре часа счет начинается снова.

Секстант — астрономический угломерный прибор, изобретенный Ньютоном. При помощи секстанта определяется положение корабля, находящегося в море.

Тропические страны — страны, лежащие между северным и южным тропиками.

Трюм — внутреннее помещение корабля между нижней палубой и днищем. Грузовые трюмы обшивают деревом и вход в них (люки) закрывают сверху досками или крышками.

Трос — стальной проволочный канат, применяемый при подъеме грузов.

Траулер — морское судно, приспособленное для лова и хранения рыбы.

Фрегат — трехмачтовый военный корабль прошлого столетия.

Штиль — затишье, безветрие.

Шланг — кишка из брезентовой непроницаемой ткани или резины. Конец шланга предназначается для поливания водой, снабжается металлическим наконечником.

Шлюпка — небольшое беспалубное гребное судно для сообщения корабля с берегом и с другими судами. Шлюпка может ходить под парусами.

Штурман — на торговых судах — помощник капитана. Штурман определяет место судна в море, прокладывает курс, отмечает движение судна.

Штурвал — механическое устройство, с помощью которого перекладывают руль.

Ют — часть верхней палубы на корме корабля.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЕЙС НАЧАЛСЯ

Размышления автора «Фрегат Паллада».— Наш маршрут.— Четвероногие пассажиры.— О чем напомнил курс 220.— Приветствия с турецких фелюг.— Утро на Босфоре . . . . . 5—10

В СТАМБУЛЕ

Что такое «салон».— Такси, шоферы и зазывалы.— Гази—победитель. — Константинопольская экзотика и стамбульская действительность.— Судьба «священных» собак. — Посещение Айя-Софии. — Бездельник Меджид.—Белогвардейская судьба.— Пера и Галата.— Нат Пинкертон и К°.— Турецкая молодежь и советская культура. — Сто тонн ненайденного груза. — «Серго» покидает Стамбул.— Путь продолжается. . . . . 11 - 25

ЧЕРЕЗ СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Мимо галлиполийских берегов.— Средиземное море.— Под небом Египта.— Как сооружался Суэцкий канал.— О фараонах, Наполеоне Бонапарте и ошибке инженера Лепера.— Полисмены на борту и за бортом.— Порт-Саид.— Визит Эммануэля Иеронимакиса.— При свете прожектора. . . . . 26—38

КРАСНОМОРСКОЕ ПЕКЛО

В Красном море.— Тропическая жара.— Мы окончательно отказываемся от одежды.— Через тропик Рака.— Вынужденная остановка под Перимом.— Акулы за кормой.— Встреча с советскими траулерами.— Как мы выпустили радиогазету в тропиках.— Пернатые гости.— Наш тропический быт.— Летучая рыба.— Зыбь в Индийском океане.— Пароход становится качелью.— Желанный берег . . . . . 39—50

В СОЛНЕЧНОМ КОЛОМБО

Несколько сведений из истории острова Цейлона.— Туземцы и «африканизировавшиеся» европейцы.—Колониальная хитрость. — Сингалезы. — «Артист татуи-

ровки».—Ловля покупателей.—Шолохов на Цейлоне.—Благотворительный бал в отеле «Бристоль».— «Рикша! Рикша!»—В поселке сигналезов.—Карьера консула Российской империи господина Титова.— Уважение покупается деньгами.— «Милое» детство туземных ребят.— Туристки экономят на... рикшах. . . . . 51—74

ПРАЗДНИК В БЕНГАЛЬСКОМ ЗАЛИВЕ

Снова зыбь.— Накануне семнадцатой годовщины Великой пролетарской революции.— Праздновать — наперекор стихиям.— Специальный номер «Судовой правды». — Радио из Москвы.— Под Суматрой.— Сингапур встречает нас тропическим ливнем . . . . . 75—81

СИНГАПУР

Гибралтар Дальнего Востока.— Как Япония завоевывает индийский рынок.— Английские инженеры заинтересовываются советскими моряками.— В гостях у мистера Хилла и мистера Хэрригена.— Русский плантатор Федор Батиха.— Люди с другой планеты.— Льды в тропиках.— Как сингапурцы приняли фильм «Герои Арктики».— Мистер Пэк.— Питомец пекинского университета ищет сенсаций. — Американский радист Люис Маркович.— Как выглядят большевики.— Увеселительный сад, или ночная ярмарка.— Шипчандлер Болтер. — Артисты Хармстон-циркус. — Шлюпка у борта . . . . . 82—158

НА ЗЕМЛЕ, ОТКРЫТОЙ МАГЕЛЛАНОМ

Капризы Южно-Китайского моря.— Вынужденный заход в Манилу.— О чем напоминает обелиск Магеллану.— «Покупайте рождественские подарки».— Обыск на берегу.— Экскурсия филиппинской молодежи на борт «Серго».— Мы арестованы.— В политической полиции.— Совещание по «русскому вопросу».— Прощай Гальвец! — Отход из Манилы. . . . . 159—180

«СТРАНА УТРЕННЕЙ ТИШИНЫ»

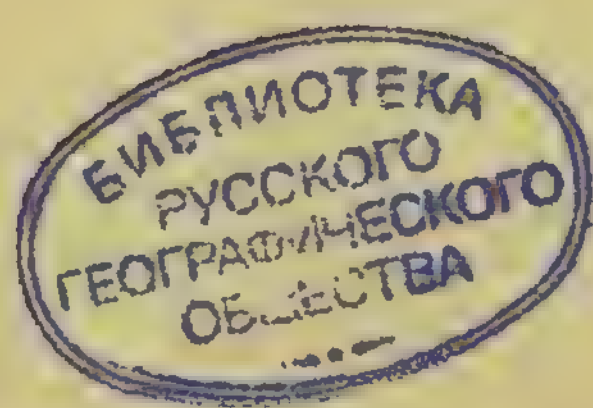
Флажок на карте.— Тихий океан лютует.— В Цусимском заливе.— Третья колония.— Японские чиновники на борту «Серго».— Условия схода на берег.— В Корее.— Улицы Фузана.— Носогрейки.— Наши гулливеры. — Ночь под новый год.— Белогвардейская радиопередача.— Почему дешевы японские товары.— Корейцы под колониальным гнетом.— История завоевания Японией «страны утренней тишины».— Проказа, публичные дома, шпики.— Революционное движение в Корее.— Японские игрушки.— Сотый день плавания.— Советские берега . . . . . 181—197

Редактор И. КУЗНЕЦОВ
Технический редактор М. ЛОЙТЕРШТЕЙН
Корректор А. СТРЕПИХЕЕВА
Переплет по рис. худ. Г. ФИШЕРА

Сдано в производство 19/III 1936 г. Подписано к печати 14/VII 1936 г. МГ 262. Инд. Ю-2. Форм. бум. 82×110¹/₃₂. 12³/₄ печ. л. 10,79 уч. авт. л. Уполномоченный Главлита Б-24274. Тир. 15 000. Заказ 2178.

17-я фабр. нац. книги Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Шлюзовая наб. д. 10.

Цена 3 руб. 25 к.
Переплет 1 руб.



Ч.р. 25 v.

Ка5

A2 4/268